ИВАНЪ ЛУКАШЪ

ГРАФЪ КАЛІОСТРО

Повѣсть о философскомъ камнѣ, госпожѣ изъ дорожнаго сундука, великихъ розенкрейцерахъ, волшебномъ золотѣ, московскомъ баккалаврѣ и о прочихъ чудесныхъ и славныхъ приключеніяхъ, бывшихъ въ Санктпетербургѣ въ 1782 году.

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

ГРАФЪ КАЛІОСТРО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
БЕРЛИНЪ
1 9 2 5

SATZ UND DRUCK:
FEILCHENFELD'S BUCHDRUCKEREI A.-G.
BERLIN SW 19, BEUTHSTR. 19

ДОРМЕЗЪ У ЗАСТАВЫ.

Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный.
Пушкинъ.

Петербургской бѣлой ночью, къ разсвѣту, когда столица тускло дымитъ сребристой мглой, у Митавской заставы, что за Обуховымъ Мостомъ, часовой гренадеръ заслышалъ глухой гулъ колесъ о щебень государевой дороги.

Старый солдатъ, хватившій пѣнника въ торговыхъ баняхъ у портомоенъ и продремавшій всю ночь на крыльцѣ кордегардіи, взбилъ пятерней буклю, осыпавшую плечо мукой, и кряхтя, поднялъ съ земли фонарь.

— Кого черти несутъ? Чтобъ ихъ, неугомонники — проворчалъ солдатъ, откидывая рогатку.

Желтая тропинка свѣта нырнула въ туманъ.

Покачиваясь, точно похоронная колесница, надвинулся дорожный дормезъ.

Запряженныя четверикомъ лошади окутаны паромъ. Коренникъ злобно покосился на фонарь и чихнулъ, обрызгавъ гренадера пѣной.

Щуплый возница ежится на высокомъ кучерскомъ сидѣньи, поднявъ многіе воротники шинели. Лицо утонуло въ горбатой черной треуголкѣ.

— Буди, чучело, барина, подорожную надобно— окликнулъ гренадеръ.

Возница сипло затараторилъ, прищелкивая языкомъ.

Старый солдатъ, понурясь, слушалъ непонятную болтовню. «Пускай-де нѣмецкій щеголъ отщелкиваетъ». Кучеръ подернулъ локтями, хлопнулъ бичемъ — коренникъ, зачихавъ, поплылъ мимо гренадера, обтирая ему плечо влажной шерстью.

— Да тебѣ ли говорятъ, стой!

Гренадеръ разставилъ ноги. Тѣнь упала за нимъ, какъ раскрытыя черныя ножницы. Дубовая перекладина шлагбаума звякнула. Кони попятили.

Изъ кордегардіи, — обвертывая канительный шарфъ вокругъ живота и припадая на лѣвую ботфорту, куда, впопыхахъ, не успѣлъ вбить всю ступню, — вышелъ заставный офицеръ.

— По какой причинѣ шумъ? — равнодушно спросилъ онъ, зѣвая и почесывая подъ буклей затылокъ.

— Да эфти вотъ подорожной выказывать не хотятъ.

Заспанный офицеръ посмотрѣлъ на козлы, зѣвнулъ и прикрикнулъ:

— Пашпортъ!

Возница въ горбатой треуголкѣ что-то залопоталъ. Офицеръ ступилъ къ козламъ и дернулъ щуплаго кучера за полу. Мелькнули кривыя ноги, и у дормезнаго колеса офицеръ и солдатъ увидѣли на корточкахъ странное существо: плоскій носъ, крутыя скулы и обритыя губы, изрѣзанныя морщинами вдоль.

Съ запятокъ выглянулъ и другой слуга, форейторъ, съ длиннымъ загнутымъ носомъ, похожимъ на клювъ. Долговязый форейторъ подбѣжалъ съ поклонами къ офицеру, путаясь въ полахъ долгой шинели и прижимая къ животу круглую шляпу.

— Кто таковъ? Оный въ родѣ обезьяны, сей прямой попугай — оттолкнулъ его офицеръ, подступая къ стекляннымъ дверцамъ дормеза. Но тутъ же отпрыгнулъ: за темнымъ стекломъ горятъ два кошачьихъ зрачка.

— Испужалъ — передохнулъ офицеръ и вѣжливо снялъ треуголку. — Коли не почиваете, сударь, извольте выдать подорожную вашу, понеже въ столицу безъ сего не токмо иностраннымъ, но и россійскимъ особамъ въѣзжать не дозволено.

Стукнуло стекло. Пухлая ладонь въ кружевной маншетѣ брезгливо протянула листокъ. Гренадеръ поднесъ фонарь:

Листъ для проѣзду.

Митавская канцелярія Его Высокопревосходительства Господина Генералъ-Губернатора свидѣтельствуетъ, что показатель сего Его Высокоблагородіе, Кавалеръ и Графъ, Испанскихъ Королевскихъ Войскъ Полковникъ и Ученый Медикусъ Александръ Фениксъ, онъ же де-Каліостръ, имѣетъ быть безъ препятствій...

— Ка-лі-остръ, — разбиралъ офицеръ круглыя буквы.

Тѣмъ временемъ старый гренадеръ осматривалъ дормезъ. Верхъ у дормеза былъ черный, низъ желтый. «Важная работа» — примирительно похло-

палъ солдатъ по кожаной обивкѣ. — «Надо полагать, въ Гамбурхахъ эфтихъ мастерили, а то въ какихъ Храпціяхъ. Баре, оны што не придумаютъ».

— Токмо долгъ служенія повелѣваетъ чинить препятствія пріятству вашего путешествія, — заговорилъ заспанный офицеръ голосомъ внезапнымъ и тонкимъ. Гренадеръ удивленно поднялъ лохматыя брови, моргнулъ усомъ.

Изъ окна дормеза смотрѣла блѣдная дама въ дорожной шляпкѣ, повязанной лентами на подбородкѣ.

Заставный офицеръ, кланяясь, отступалъ и до того крѣпко надавилъ гренадеру мозоль на мизинцѣ, что тотъ крякнулъ — «Ыг».

Захлопнулось окно, кони стронулись, дормезъ закачался въ туманъ, какъ громадная колесница.

— Ахъ, гордыя персоны, кумплиманта терпѣнія нѣтъ дослушать, — недовольно пожевалъ губами офицеръ, косясь на гренадера. — И тебя, какъ на грѣхъ, чортъ подъ ноги понесъ.

Когда старый солдатъ откидывалъ перекладину, возница, похожій на обезьяну въ горбатой треуголкѣ, захихикалъ, а долговязый форейторъ, прокатывая мимо на запяткахъ, явно показалъ языкъ.

— Чортъ-то не тутъ, — проворчалъ гренадеръ. — А вотъ онъ, въ столицу покативши.

Миновавъ верстовой столбъ у караулки, дормезъ въѣхалъ на Обуховъ Мостъ, скатился въ бѣловатую мглу и поплылъ тѣнью въ сребристомъ сумракѣ ночи...

Накрытый кожухомъ мужикъ, запухшій отъ сна, съ всклокоченной бородой, былъ первымъ россіяниномъ, какого встрѣтили въ Санктпетербургѣ ночные путешественники. На Невской проппективѣ дормезъ прижалъ къ забору мужицкій возъ съ сѣномъ. Щуплый и тонконогій коняга, какъ щенокъ разставилъ ноги, а мужикъ стянулъ рваную поярку, кланяясь барской каретѣ. Возница огрѣлъ его арапникомъ по склоненной спинѣ.

— Батюшка, да чаво-жъ ты дерошься? — покорно пробормоталъ мужикъ, оправляя сбитую веревочную шлею.

РЫЦАРЬ РОЗЫ И КРЕСТА.

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Пушкинъ

Оберъ-гофмейстеръ императрицы, канцлеръ и орденовъ кавалеръ, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, сухощавый старикъ, съ бѣлоснѣжной головой, сидѣлъ въ обтертыхъ вольтеровскихъ креслахъ, сцѣпивъ на колѣняхъ тонкія кисти рукъ. Въ блѣдной мглѣ разсвѣта, мерцалъ на указательномъ пальцѣ синій огонь квадратнаго перстня.

У креселъ и на столѣ, гдѣ давно погасли свѣчи въ жирандолѣ, навалены груды тяжелыхъ книгъ въ переплетахъ изъ свиной кожи, съ красными тиснѣніями, всѣ, какъ одна, похожія на древнія библіи.

Канцлеру не спалось. Всю ночь медленно перекидывалъ онъ пожелтѣлые листы «Хризомандера», «Путеводной книги чудесъ къ храму древности», и разсматривалъ мистическіе эстампы въ «Arcana Coelestia», славномъ твореніи Шведенборга.

Часы англійскаго мастера Грагама мѣрно отбивали секунды и кварты...

А на разсвѣтѣ послышался старику щемящій звукъ флейты, печальные переливы.

Елагинъ толкнулъ раму. Закашлялся отъ тумана. Теперь ясно слышалось, какъ въ нижнемъ этажѣ льется и вздыхаетъ флажолетъ.

— Секретарь мой спозаранокъ въ музыкѣ упражняется — добродушно усмѣхнулся канцлеръ.

Оберъ-гофмейстеръ обходился безъ услугъ дворовыхъ людей. Самъ опрятно убиралъ свое твердое ложе за щитомъ зеленой ширмы, самъ велъ счетъ кафтанамъ, камзоламъ и бриллiантовымъ пряжкамъ на башмакахъ.

Въ головахъ постели виситъ на стѣнѣ мраморное Распятіе. Старикъ, покряхтывая, опустился на колѣни. Онъ молился долго, ударяя костлявымъ кулакомъ въ грудь.

И вышелъ въ столовое зало уже въ бѣломъ казимировомъ камзолѣ, причесавъ сѣдые волосы въ три букли.

Въ креслахъ, открывъ ротъ буквой «о», спитъ старый дворецкій Африканъ. Канцлеръ прошелъ мимо на носкахъ. Онъ постоялъ передъ дверью секретаря, слушая робкіе переливы мелодіи. Потомъ постучалъ.

Съ подоконника прыгнулъ молодой человѣкъ въ набойчатомъ домашнемъ халатѣ; стоптанныя туфли на босу ногу. Флажолетъ, поблескивая клапанами, покатился подъ столъ.

— Рано, господинъ Кривцовъ, изволите музицировать — ласково прищурился канцлеръ.

Пойманный секретарь опустилъ голову. При поклонѣ закинулись на блѣдное, худое лицо рыжеватыя пряди — красная грива московскаго поповича или аттическаго героя, какихъ представляютъ во французскихъ трагедіяхъ.

На подоконникѣ, на узкомъ диванѣ, надъ которымъ виситъ гравюра «Похищеніе Европы», — навалены книги, какъ и въ кабинетѣ оберъ-гофмейстера.

На столѣ — мѣдныя часовыя колеса, пружины, реторты, узкіе щипчики, а стѣны увѣшаны коричневыми скрипками и грифами изъ чернаго дерева. Тутъ есть альтовіоли, віолончели и скрипки Страдиваріуса, и Амари, и Штейнмейера.

Сводчатая комната молодого секретаря подобна неряшливому кабинету ученаго, мастерской разсѣяннаго часовщика и скрипичной лавкѣ.

Дѣйствительно, секретарь господина Елагина, Андрей Степановичъ Кривцовъ, московскаго университета баккалавръ, и музыкантъ, и механикъ, а всего больше — мечтатель.

Старый канцлеръ отмѣтилъ его среди всѣхъ братьевъ Петербургской ложи Гигея и, — за благородную вѣжливость и похвальную пытливость, позвалъ этого скромнаго брата къ исполненію должности секретаря при особѣ своей.

Въ уединенномъ загородномъ домѣ, на Крестовскомъ Острову, въ книжныхъ трудахъ и ученыхъ занятіяхъ мирно проживалъ не только оберъ-гофмейстеръ императрицы, гордо носившій сѣдую голову надъ пудренными головами царедворцевъ, не только великолѣпный вельможа, стоявшій въ своемъ парчевомъ кафтанѣ, пылавшемъ пожаромъ, у трона сѣверной монархини на пріемѣ пословъ иностранныхъ —

А жилъ тамъ Великій Мастеръ всѣхъ масонскихъ ложъ Россійской Имперіи, Гроссмейстеръ Капитула Восьмой Масонской Провинціи, Страны Снѣговъ и Вѣтра, Московіи, Сибири и Татаріи, верховный братъ Златорозоваго Креста—Иванъ Перфильевичъ Елагинъ... И въ домѣ его нашелъ привѣтъ и пріютъ молодой москвичъ, бѣдный рыцарь Розы и Креста, баккалавръ Андрей Кривцовъ.

— Не прогнѣвайтесь, сударь, за игру мою, — поклонился Кривцовъ. — Отмѣнно тягостна бѣлая ночь.

Елагинъ присѣлъ на жесткій диванъ. Былъ милъ канцлеру сводчатый покой секретаря, всѣ эти реторты, колеса, скрипки и старыя масонскія книги, открытыя на страницахъ съ чертежами звѣздныхъ сферъ, древъ мудрости, цифрами кабалы. И самъ секретарь-флейтистъ былъ милъ одинокому старику, словно найденный сынъ.

— Дурно, батюшка, — пожурилъ канцлеръ секретаря. — Весьма дурно, что по ночамъ ты не спишь.

— Простите ли. За полночь надъ книгами сижу, а тамъ и сонъ отлетаетъ.

— Все знанія таинствъ натуры чаешь?

— Ахъ, сударь, точно... Раньше бывало, забавлялся я флейтами-скрипками, механизмы часовые разбиралъ, передъ Музами грѣшенъ былъ, хотя госпожи сіи меня и не жаловали... А какъ узрѣлъ свѣтъ въ ложѣ Гигея, пошла кругомъ моя голова. И понялъ я, что сей видимый міръ есть для человѣка логариѳъ и загадка.

— Логариѳы рѣшаешь?

— Ахъ, сударь, кабы мнѣ рѣшить... Вотъ въ древней книгѣ Николая Фламеля Ашъ Мезереѳъ на секретъ философскаго камени напалъ: рецептура нѣкая дадена. Нынче я ночи надъ тегелями просиживаю..

Елагинъ приподнялъ сѣдую бровь, посмотрѣлъ на измазанную реторту, до половины наполненную тусклой жидкостью.

— Поди, посуды что перебилъ...

— Справедливо, сударь: не токмо посуды, пальцы о стекла изрѣзалъ. Реторты — онѣ, проклятыя, на огнѣ лопаются. Намедни кафтанъ составами прожогъ.. Свершаю все по строгому правилу, а получается у меня замѣсто философскаго камня, сущая, — не прогнѣвайтесь, — мерзость. И превонючая.

Канцлеръ и секретарь разсмѣялись. Елагинъ утёръ платкомъ веселое лицо:

— Момусъ изрекъ: боги были пьяны, когда сотворяли человѣка. Проспались и не могли безъ смѣха глядѣть на твореніе свое... Такъ и ты, вновь сотворенный братъ — розенкрейцеръ, мнѣ отмѣнно забавенъ.

— Но взгляните, взгляните, — грустно усмѣхаясь, показалъ Кривцовъ на окно. — Кругомъ-то болота, сосны, туманъ, водъ пустыня, заря незакатная. Все-то боязно, все тревожно: какъ исчезнетъ, подобно дыму разсвѣтному, Санктпетербургъ и вся Имперія наша — тутъ примешься философскій камень искать... Ахъ, сударь, ежели найти намъ ключъ Соломоновъ, учинили бы мы тогда на пространствахъ Россіи Имперію Златорозоваго Креста.

— Ишь, куда поскакалъ. Прытокъ ты, батюшка, на слова. Но изъ нихъ заключаю, что книги наши читаешь отмѣнно, хотя голова твоя точно кружится. Ничего, — все отцѣдишь... А о камени философскомъ скажу: вотъ обожди, прибудетъ вскорѣ въ столицу одинъ человѣкъ, истинный магъ. Можетъ ему посчастливится тайну сію отворить.

Уже занималась заря.

Румяный паръ дохнулъ на стекла, прохладно озарилъ сѣдую голову канцлера, красноватую гриву секретаря.

— Сударь, кого вы изволите ждать въ столицу?

— Кавалера де-Каліостро. Онъ мнѣ писалъ, что камень ему якобы вѣдомъ... Я, другъ, молчу, но мечтательства, подобныя твоимъ, и мнѣ, старому дурню, сродни.

На Петропавловскихъ веркахъ бодро звякнула заревая пушка.

— Вотъ и день, — поднялся канцлеръ. — Перелѣзай-ка ты, философскаго камени искатель, изъ халата въ кафтанъ.

ПРОГУЛКА ВЪ КАРЕТѢ.

Люблю, тебя, Петра творенье...
Пушкинъ.

Изъ низкой зальцы, гдѣ, дымя глиняными трубками, спорили у пузатаго билліарда объ очкахъ и ударахъ кія гвардейскіе офицеры, вышелъ плотный артиллерійскій капитанъ въ красномъ кафтанѣ съ отворотами чернаго бархата.

Сердито ворча онъ поискалъ крюкъ, на который повѣсилъ свою черную треуголку:

— Буду я съ ними играть, когда они, черти, у меня сто очковъ впередъ забираютъ.

Въ трактиръ «Демута», что держалъ на Сенатской площади англійскій негоціантъ, приходилъ Андрей Кривцовъ читать по утрамъ газеты.

Прихлебывая черный кофе, онъ любилъ поговорить съ трактирными завсегдатаями о спорахъ британскихъ лордовъ въ аглицкой народной каморѣ, о механическомъ фигурантѣ, изобрѣтенномъ нѣкіимъ нѣмцемъ въ Гамбургѣ, играющемъ на флейтѣ, пищущемъ подъ диктованіе и чихающемъ весьма натурально, также о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, о кометахъ и двуголовыхъ телятахъ, и о кошкѣ-танцмейстерѣ, которую нынче показываетъ французскій дворянинъ на Мойкѣ.

Приказавъ малому подать чашку кофе погорячѣе, Кривцовъ развернулъ сѣрый листъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» и пробѣжалъ глазами объявленіе:

«Въ Большой Коломнѣ, на Екатерининскомъ Каналѣ, въ домѣ съ тремя колонками, что на углу, продается сѣропѣгій верховой меринъ, пара пистолетовъ, четвероместная карета, попугай, и за пять рублей здоровая дѣвка, умѣющая чесать волосы».

— Прожился нѣкій баринъ въ столицѣ, такъ дѣвку съ попугаемъ на торгъ пустилъ, окаянный, — проворчалъ Кривцовъ, перекидывая листъ.

Баккалавру вспомнилось, какъ еще въ Московскомъ университетѣ professores — все больше нѣмцы въ коричневыхъ сюртукахъ, головы какъ изъ слоновой кости выточены, нерусскими, твердыми голосами, точно обтесанными топоромъ, — читали о римскомъ гражданствѣ и афинейскихъ вольностяхъ, о Лейбницахъ и Декартіяхъ, и какъ въ масонской ложѣ, зачастую, когда гасили свѣчи, братья каменьщики въ полголоса бесѣдовали за трапезой о низости подъячихъ, о неправдѣ въ судахъ и о позорищѣ торга людьми.

— Не проявись лѣтъ десять назадъ тотъ мерзкой казакъ Пугачевъ, глупый извергъ, государыня всенародно бы объявила равенство и вольность гражданству, а нынче не жди . . .

И тутъ артиллерійскій офицеръ, вышедшій изъ билліардной, прервалъ мысли Кривцова.

— Андрюшка! Откуда тебя чортъ принесъ? — весело крикнулъ офицеръ и зашагалъ къ баккалавру, задѣвая ботфортой дубовые табуреты.

— Шершневъ! — поднялся тотъ. — Вотъ отмѣнная встрѣча, другъ ты мой, сразу призналъ: словечка не чертыхнувшись не скажешь.

Они звучно расцѣловались. Шершневъ приходится молочнымъ братомъ баккалавру. Сынъ мелкопомѣстнаго дворянина, однокашникъ по Москвѣ, философскій кандидатъ, забубенная голова, первый бабникъ изъ всѣхъ московскихъ студіозовъ, Шершневъ былъ когда-то вмѣстѣ съ Кривцовымъ вскормленъ одной мамушкой Агапигіей, вмѣстѣ запускалъ бумажнаго змѣя, гонялъ кубаря въ Саратовскихъ деревняхъ. Студіозусъ Шершневъ по резолюціи Magni professores былъ уволенъ отъ университета за лѣность и непосѣщеніе классовъ также, какъ въ свое время былъ уволенъ оттуда Григорій Потемкинъ, нынче первый вельможа въ Имперіи, свѣтлѣйшій князь и генералъ-аншефъ.

— Такъ-то, Андрей, — весело болталъ Шершневъ, сидя верхомъ на стулѣ. — Тебя Миневра призвала, а меня Марсъ. Батюшка изъ студіозовъ меня въ мушкатерскіе полки сержантомъ опредѣлилъ, а оттуда я, вишь, въ гвардію залетѣлъ, къ ея величеству въ пушкари.

И хлопнулъ друга по плечу.

— Да не бей ты, — поморщился Кривцовъ. — Плечо не казенное.

— Я и не чаялъ тебя въ столицѣ сыскать. Поди все нещадно скрипицы терзаешь, да книжную пыль нюхаешь? Не надоѣло? Тебя, братъ, женить пора.

— Жениться поспѣю. А касательно Фортуны и мнѣ жаловаться не слѣдъ: я у самого гофмейстера всея Имперіи, господина Елагина, въ секретаряхъ состою.

— Ахъ, — откинулся на спинку стула Шершневъ. — Постой, не тотъ - ли Елагинъ, про котораго сказываютъ, будто онъ съ чертями кумпанію водитъ, въ чернокнижіе погруженъ и тайныя братства заводитъ, имя же имъ — Розенкрейцеры?

— Тотъ.

— Поди и ты чертовщиной зараженъ? Къ Богу съ задняго крыльца забѣгаешь?

Кривцовъ потупился, переморгнулъ рѣсницами.

Потомъ окинулъ воспаленными отъ безсонницъ глазами дымное, протабаченное зало, гдѣ маячили красныя и синія пятна мундировъ, оправилъ рыжеватыя букли.

— Одному, другъ Шершневъ, утѣха Венеры и Марса, другому же искусъ Минервы. Вотъ и я въ искусѣ семъ пребываю, стучу въ дверь таинствъ натуры.

Шершневъ недовѣрчиво оглядѣлъ помятый кафтанъ друга, его пальцы, обожженные чѣмъ-то, бланжевые чулки, сморщенные на икрахъ и неряшливо пристегнутую мѣдную пряжку. Подумалъ: «Ай, заврался мой Андрей», и сказалъ съ насмѣшкой:

— Ты, значитъ, выходитъ въ родѣ мага того, который нынче прибылъ въ столицу: графомъ Фениксомъ прозывается, а всѣмъ вѣдомо, что онъ Каліостръ.

—Каліостръ? — блѣднѣя привсталъ баккалавръ, — Врешь?

— Надо мнѣ врать. Только и разговору съ утра: Каліостръ въ столицѣ. На Гороховой улицѣ стоитъ. А съ нимъ, сказываютъ, такая красавица...

— На Гороховой?

Кривцовъ не дослушалъ, схватилъ со стола треуголку и бросился изъ трактирнаго зала.

— Андрей, куда?

Грохнула дубовая дверь, задребезжали оловянныя блюда на полкѣ, покачалась клѣтка съ говорящей пеструшкой — сорокой, трактирной забавой. Кривцовъ сбѣжалъ по каменнымъ ступенькамъ къ набережной.

Въ зеленой муравѣ, на пологомъ берегу Невы, проступаютъ желтыя лысины глины. У портомоенъ качается адмиралтейскій пакеботъ. Матросскія женки звонко хлопаютъ вальками. Передъ бѣлой дорической колоннадой Адмиралтейства пасутся гуси, бѣлѣясь на зеленомъ лугу, какъ платки.

Трепещетъ флажокъ на высокой мачтѣ за Невою, надъ сѣрой Петропавловской крѣпостью. И ясно видно, какъ по куртинѣ шагаетъ крошечный зеленый солдатъ у крошечной пушки.

Сонно выплыла изъ Лебяжьей канавки придворная гондола. На поднятыхъ веслахъ солнечный блескъ. За Исаакіевскимъ мостомъ солнце четко чертитъ веревочныя лѣстницы на мачтахъ купеческаго корабля. Подвернуты бѣлые паруса. Тамъ снуютъ иностранные люди въ красныхъ колпакахъ, босыя икры, какъ изъ бронзы: скатываютъ на берегъ бочки.

Кривцовъ потянулъ за углы шляпу: невскій вѣтеръ бодро затрепалъ рыжую косицу.

Всбивая копытами комья земли проскакалъ на тяжеломъ конѣ солдатъ въ зеленомъ мундирѣ съ красной грудью — Преображенскихъ баталіоновъ вѣстовой. Тоже придерживаетъ треуголку отъ вѣт-

ра. У возовъ съ соленой рыбой полудничаютъ мужики: посыпавъ краюху государевой солью, крестятся на солнце.

— Чрезвычайное извѣстіе, надобно гофмейстера изъ дворца вызвать, — Кривцовъ разсѣянно оглядывалъ полдневную набережную.

За Невой, свѣтлыми призраками высятся колоннады Академіи Наукъ, красныя коллегіи, деревянные переходы и лѣсенки вокругъ возводимой Академіи Художествъ.

Баккалавръ проворно шагалъ къ деревянной резиденціи ея величества, что за Лѣтнимъ Садомъ. Надъ подстриженными липами полоскался навстрѣчу оранжевый штандартъ съ двуглавымъ чернымъ орломъ.

Миновавъ мраморныхъ Нептуновъ и Церцей, дурныя статуи временъ Петровскихъ, Кривцовъ вбѣжалъ на крутой мостъ передъ дворцомъ и тутъ примѣтилъ трехстекольную Елагинскую карету въ полуцугъ, на огромныхъ желтыхъ колесахъ.

— Сударь, сударь, постойте, — пустился за каретой баккалавръ.

Елагинъ въ придворной шляпѣ съ пышнымъ плюмажемъ, строго посмотрѣлъ сквозь каретное стекло и дернулъ шелковый шнуръ къ возницѣ. Кони съ бѣлыми мѣтинами во лбахъ осѣли на желтое дышло.

— Гдѣ изволилъ, вѣтренникъ, пропадать? — отперъ Елагинъ тяжелую дворцу. — Влѣзай - ка.

Кривцовъ прыгнулъ на высокую подножку, забрался въ карету. Онъ запыхался отъ бѣга.

— Ахъ, сударь, Каліостръ въ столицѣ.

— Вотъ удивилъ. Я, батюшка, о томъ давно вѣдаю. Затѣмъ и тебя ищу, чтобы ты письмо кавалеру Каліостру отнесъ.

— Письмо? — передохнулъ Кривцовъ.

Желтыя колеса гулко загремѣли по мостовой. Бревна деревянныхъ настиловъ подымались кое-гдѣ, какъ сѣрые пальцы.

На Невской Проспективѣ тѣсно пошли за каретными стеклами низкіе дома, бѣлые, желтые, розовые. Межъ ними выбѣгали зеленыя лужайки, тянулись заборы.

Блеснулъ круглый циферблатъ надъ магазиномъ часовщика, посмотрѣлъ въ карету турка въ шальварахъ и съ чубукомъ, намалеванный на вывѣскѣ табачника, мелькнула зеленая вывѣска французскаго кондитера, черная ботфорта сапожника, золоченый крендель надъ булочной.

Подъ молодыми липками, стриженными въ зеленыя шапки, по деревяннымъ морсткамъ, обливаясь то свѣтомъ, то тѣнью, снуютъ пѣшеходы. Рослый гусаръ въ доломанѣ песочнаго цвѣта, опираясь на кривую саблю, смотритъ на эстампы въ аглицкомъ магазинѣ. Двѣ дворянки въ лѣтнихъ фишбейнахъ проплыли какъ розоватое облако. Соломенныя шляпки, подобны корзинкамъ съ цвѣтами.

— Слушай, мой другъ... — Елагинъ поскребъ ногтями подбородокъ. Его старческое, тонкое лицо было сегодня усталымъ. Глаза печально и горячо замерцали подъ сѣдыми бровями:

— Только и разговору во дворцѣ, что Каліостръ Обманщикъ-де, плутъ.

Кривцовъ повозился на сидѣньи, взглянулъ на строгій профиль старика, на сѣдую буклю, которая развилась у впалой щеки.

— Помолчи, — сказалъ канцлеръ, хотя Кривцовъ молчалъ и такъ, — Сама Augustissima говоритъ мнѣ севодни: «ваши масоны, мой добрый Елагинъ, имѣютъ особливый аппетитъ къ мистическимъ бреднямъ, какъ бы сей знаменитый обманщикъ Каліостръ не сталъ водить васъ за носъ» Тако разсуждая все за обманъ почесть можно. А между тѣмъ неопровержимо отнюдь, что Каліостръ, знаменитый философусъ и докторъ, въ столицахъ Европы многихъ смертельно болящихъ исцѣлялъ, многимъ судьбы предсказывалъ, являлъ видѣнія мертвыхъ. И повсюду разливалъ золото, подобно водѣ, хотя и оставался самъ бѣднымъ.

— Бѣднымъ? — Кривцовъ, кашлянулъ. — А у Николая Фламеля прямо сказано: имѣющій камень философскій да останется бѣднякомъ, источая золото.

— Знаю сіе. — Елагинъ потеръ лобъ сухощавой горстью. — И не токмо сіи признаки означены. Получено мною достовѣрное извѣстіе, что графъ Фениксъ .

Канцлеръ наклонился къ секретарю. Глаза у обоихъ блеснули. Старикъ прошепталъ:

— Что самъ графъ Фениксъ — великій Кофта египетскихъ масонскихъ ложъ, розенкрейцеръ высоко посвященный . Уразумѣлъ?

— Да.

— Слушай - же: вскорѣ будетъ собраніе нашей ложи. Графъ Фениксъ долженъ показать тамъ не-

сумнѣнные знаки тайной магіи. И тогда, быть можетъ, тута, въ сѣверной Варваріи свершится то, о чемъ мечталъ ты, мой бѣдный студіозусъ, бьющій реторты и обжигающій пальцы. О чемъ, впрочемъ, мечтаю и я.

Великій мастеръ, вы говорите о философскомъ камнѣ? — спросилъ Кривцовъ, обнажая голову.

О немъ, мой другъ. Для сего Каліостръ и прибылъ въ столицу. Аминь.

Гофмейстеръ и секретарь умолкли.

Карета обогнала роту гренадеръ въ зеленыхъ мундирахъ и бѣлыхъ гамашахъ. Солнце плещется на мѣдныхъ орлахъ гранадерокъ.

А ежели отыщемъ мы камень мудрости и содѣлаемъ чудесное золото, тогда что? — прошепталъ Кривцовъ, любопытствуя.

Тогда будемъ искать квадратуру круга, сирѣчь perpetuum mobile — покойно отвѣтилъ канцлеръ.

А послѣ того?

А послѣ, побѣдивъ перваго врага человѣчества нищету, будемъ побѣждать и послѣдняго — смерть. Тогда будемъ искать путь къ гомункулусу.

Все искать, искать — вздохнулъ Кривцовъ.

Да, все искать, понеже рыцари Креста и Розы, суть искатели истины, изслѣдователи принципіевъ божественнаго строенія. Боже, Великій Архитекторъ, Ты, раздающій чашу радости всея вселенной, помоги намъ, кавалерамъ Твоимъ, въ державу Екатерины Вторыя учредить въ Имперіи вѣчное пребываніе Розы и Креста.

Старый гофмейстеръ перекрестился. Рѣдкія слезы стекли въ уголки запалыхъ губъ, загорѣлись солнечными огоньками въ кружевахъ на груди. Кривцовъ взволнованно потеребилъ треуголку. Онъ смотрѣлъ вдаль. Синіе глаза баккалавра полны были слезъ.

А Елагинъ уже улыбался. Букли распушились въ бѣлый дымъ. Почему-то на взъерошенной брови дрожитъ огонекъ слезы. Глаза блистаютъ весело, ласково:

— А ежели наша затѣйка окажется забавой обманщика, — ну что-жъ, пусть посмѣются щастливые потомки надъ мечтательнымъ старикомъ и надъ молодымъ студіозусомъ, съ закруженной головой... Стой, кажись и Гороховая... Тутъ тебѣ выходить. Сіе письмо передай графу Фениксу въ собственныя руки.

КАВАЛЕРЪ КОШАЧЬЯ ГОЛОВА.

Первую пѣсенку, зардѣвшись спѣть.

Поговорка.

У Дворянской Гостинницы, каменнаго двухэтажнаго дома, стоитъ дормезъ, красныя колеса облѣплены глиной. У дормеза толпятся зѣваки.

Переходя немощенную улицу, Кривцовъ потянулъ изъ грудного кармана камзола таинственное письмо. Сѣрый конвертъ съ сургучевой гербомъ — печатью надписанъ невѣдомыми значками, по гречески и еврейски, — точно куриныя лапки исходили его вкривь и вкось.

На дворѣ, у желѣзныхъ крылецъ, тоже толпятся зѣваки.

А можетъ про него газетиры все врутъ, — хмуро говорилъ тощій, рябой человѣкъ, въ коричневомъ кафтанѣ и обтертой треуголкѣ на самой макушкѣ, по виду сенатскій канцеляристъ. — Дуракъ онъ, чтобы червонцы раскидывать. Полагаю, фальшивую монету дѣлаетъ. Много нынче мошенниковъ развелось. Будь я губернаторомъ, я фигуру такую и носа-бъ въ столицу не допустилъ. Больныхъ исцѣляетъ, золото раздаетъ ... Враки - съ.

Враки — не враки, а растворяй ворота, графъ испанской посунулся изъ толпы старичекъ въ поштопанномъ кафтанѣ, морщинистая мордочка точно изжевана.

У крылецъ тѣснились столичные канцеляристы, купеческіе писцы, нищіе съ гноящимися глазами, провинціальный дворянинъ въ старомодныхъ брызжахъ вѣеромъ на обѣ стороны груди, армейскій офицеръ на костыляхъ. «Какова же слава у Каліостра» — подумалъ Кривцовъ. «Кого только нѣтъ. Ровно у архіерея на пасхальномъ пріемѣ». И тотчасъ представилъ себѣ Каліостро высокимъ старцемъ, въ свѣтлыхъ одеждахъ, струящихся съ плечъ, — во образѣ пророка библейскаго, подобнаго тому, какого видѣлъ на гравюрномъ листѣ, Рембрандія славнаго мастера ...

А дверь внезапно распахнулась во внутрь, баккалавръ потерялъ отъ толчка равновѣсіе и устремясь головою впередъ влетѣлъ въ прихожую графа.

На дворъ выглянулъ носатый слуга въ чудной ливреѣ: пелерина зеленая, полы желтыя, какъ у ка-

натнаго плясуна. Повелъ на толпу длиннымъ носомъ и почудилось всѣмъ, что самый кончикъ его шевельнулся.

— Прочь, графа нѣтъ, прочь — гортанно крикнулъ слуга. Звучно защелкнулся ключъ.

Баккалавръ упалъ такъ сильно въ уголъ прихожей, что набилъ шишку на лбу, а бланжевые чулки полопались на колѣнкахъ. Онъ всталъ, одернулъ кафтанъ, оглядѣлся: деревянная лѣсенка ведетъ изъ прихожей на антресоли.

Опираясь на перила, стоитъ тамъ коренастый человѣкъ безъ парика, въ нечистой голландской рубахѣ, засученной до локтей. На его полосатомъ камзолѣ, измятомъ по брюху въ мягкія складки, мигаютъ пуговки изъ стекляруса.

У коренастаго человѣка — широкій носъ, кошачьи, раздутыя ноздри, двойной подбородокъ, и торчатъ чернымъ вихремъ волосы вокругъ лысины, похожей на тонзурку патера, выбритую на самой макушкѣ.

«Точь въ точь плѣшивая кошка» — подумалъ Кривцовъ.

Кавалеръ съ кошачьей головой, визгливо ругался по итальянски. Баккалавръ замѣтилъ теперь, что носатый слуга въ желтозеленой ливреѣ и другой слуга, неуклюжій горбунъ въ сѣромъ фракѣ съ заношенной грудью, волокутъ по ступенькамъ на атресоли кожаный тяжелый сундукъ, обитый обручами.

Кавалеръ Кошка вдругъ выкатилъ рачьи глаза на Кривцова — блеснули черные огни, кавалеръ взвизгнулъ. —

— Вотъ онъ!

Тяжелый чемоданъ загрохоталъ внизъ. Внутри зазвенѣли пружины, откинулась крышка...

И увидѣлъ Кривцовъ, что въ сундукѣ, сложивъ руки крестомъ, лежитъ блѣдная, прекрасная госпожа въ бѣлыхъ одеждахъ.

Баккалавръ, ужасаясь, попятился.

У покойницы дрогнули вдругъ рѣсницы, разомкнулись алыя губы, совершеннѣе которыхъ не видалъ Кривцовъ даже у Мадоннъ Италiйскихъ, и мертвая госпожа стала медля подыматься изъ своего гроба, подобно новой Афродитѣ, рождаемой не изъ пѣны морской, а изъ дорожнаго сундука.

— О, mio carissimo — сказала она чисто и звучно, протягивая баккалавру руки.

Но тутъ кто-то сбилъ Кривцова съ ногъ. Не красавица, а обезьянья морда горбатаго слуги склонилась надъ нимъ, слуга въ птичьей ливреѣ вцѣпился Кривцову въ затылокъ.

Баккалавръ отбивался ногами, какъ молодой конь. Онъ колотилъ слугъ по головамъ, — пудра разлеталась бѣлой пылью. Онъ вскочилъ на ноги, онъ крикнулъ голосомъ, не менѣе трагическимъ, чѣмъ голоса вѣстниковъ во французскихъ трагедiяхъ, и потрясъ надъ головой помятымъ конвертомъ, сыплющимъ искрошенный сургучъ: —

— Отъ Великаго Розенкрейцера Верховнаго Мастера Ложъ Россiйскихъ — Великому Кофтѣ Египетскихъ Ложъ Графу Фениксу.

И тогда въ бѣломъ туманѣ пудры послышался женскiй голосъ мягкiй, грудной:

— Джузуппе, Боже мой, тутъ драка.

Баккалавру показалось, что говоритъ госпожа изъ дорожнаго сундука, но теперь голосъ ея былъ теплѣе и не такой звучный.

Бѣлый дымъ пудры разсѣялся. Кривцовъ, застыдясь, оправилъ изорванное жабо. Слуга въ сѣромъ фракѣ дышалъ по собачьи, а носатый слуга ливреей смахивалъ потъ.

Дорожный сундукъ стоитъ у лѣстницы. Крышка закрыта, а госпожа изъ сундука поднялась на антресоли, она смотритъ изъ-за спины кавалера Кошачья Голова.

Она кутается въ бѣличью шубку, крытую голубымъ гарнитуромъ. Госпожѣ холодно. Глаза мерцаютъ, какъ влажныя звѣзды.

Кавалеръ Кошка топнулъ ногой и сбѣжалъ по ступенькамъ, поднявъ надъ головой руки, точно умоляя о пощадѣ.

— Ахъ, signore, несчастное приключеніе! Мною приказано никого не пускать, я думалъ, вы докучливый проситель, московъ, и вотъ...

Кавалеръ щелкнулъ короткими, пухлыми пальцами, повернулся на красныхъ каблукахъ, отъ гнѣвнаго крика затряслись на жирныхъ икрахъ желтые чулки съ красными запятыми. —

— Жако, Жульенъ, табакерку, шпагу, парикъ, лучшій кафтанъ — фрамбуазъ!

А Кривцовъ смотрѣлъ на госпожу въ голубой шубкѣ. «Или мнится мнѣ, или отъ безсонныхъ ночей дурость напала» — проносилось въ его головѣ. «Гдѣ же это видано, чтобы такихъ прекрасныхъ Мадоннъ возили въ сундукахъ, ровно дорожную кладь»

— Подайте ваше письмо.

Баккалавръ сунулъ кому-то конвертъ.

— Феличіани, тебѣ тутъ нечего дѣлать, — уйди.

Госпожа пугливо запахнула шубку, но влажныя звѣзды еще изумленно бродили по лицу баккалавра, по синему кафтану и бланжевымъ, наморщеннымъ чулкамъ.

Кривцовъ покраснѣвъ отъ смущенія нагнулся, чтобы подтянуть эти проклятые чулки.

А когда поднялъ голову, прекрасной госпожи не было на антресоляхъ. Стоялъ передъ нимъ графъ Фениксъ въ натопорщенномъ французскомъ кафтанѣ, неторопливо читалъ канцелярское письмо. На коротномъ мизинцѣ дрожатъ оранжевые огни въ граняхъ брилліантоваго перстня.

«Неужто сей плѣшивой кавалеръ — великій магъ Каліостро, я почелъ бы его за барскаго парикмахера» — разсматривалъ Кривцовъ багровое, точно опаленное лицо мага. Черныя, смолистыя, брови внимательно двигались, тяжелыя вѣки были опущены. Двойной подбородокъ надавилъ нечистыя кружева шарфа.

Графъ пошуршалъ листомъ, верхняя припухлая губа заежилась отъ усмѣшки, крылья носа раздулись, графъ Фениксъ сипло вздохнулъ и вдругъ поднялъ морщинистые вѣки. —

Точно копья блеснули у лица баккалавра.

А графъ уже кланялся церемонно, едва не касаясь рукою ступенекъ. Его шпага описала за спиною дугу и встала торчкомъ, задѣвъ носъ Жульену. Слуга чихнулъ.

— Прошу васъ, передать высокочтимому брату и кавалеру, господину гофмейстеру, что я не премину быть въ ложѣ Гигея, въ сопутствіи супруги моей графини Санта - Кроче. —

И по кошачьи гибко разогнулся, обдавъ Кривцова ударомъ молніи, сверкающимъ взглядомъ.

— Которую видѣли вы не въ чемоданѣ, а на ступенькахъ, — забудьте про чемоданъ!

Кривцовъ провелъ ладонями по лицу, точно оправляясь отъ мгновеннаго обморока.

Графъ Фениксъ, прищуривъ на баккалавра заплывшіе мѣшками глаза, порылся въ заднемъ карманѣ кафтана. Вытянулъ оттуда шелковый красный платокъ, сердоликовую печатку, золотой лорнетъ съ обломаннымъ ушкомъ, пучокъ бечевокъ, — сердито все вскомкалъ, сталъ снова рыться и, вытянулъ наконецъ золотую тяжелую табакерку. —

— Угощайтесь.

— Благодарствую, я не

А графъ вбилъ уже въ носъ щепотку табаку сладко зажмурился, заходили черныя брови — графъ шумно чихнулъ, обрызгавъ мокрыми кропками грудь.

— Жако, Жульенъ, проводите тогда молодого синьора, — живѣе!

Слуги бросились впередъ.

На крыльцѣ носатый Жульенъ состроилъ гримасу и показалъ баккалавру языкъ.

— Ахъ, злодѣй — кинулся назадъ Кривцовъ, но дверь захлопнулась, стукнула по тульѣ треуголки . .

Потирая лобъ, баккалавръ шагалъ по Невской Прошпективѣ, говорилъ самъ съ собою.

— Чудная красавица, Мадонна святѣйшая, ангелъ. Постой, Андрей Кривцовъ, да какъ же оно было? Словно бы госпожа изъ сундука вышла.. чепуха, дорожный сундукъ у лѣстницы стоялъ, а госпожа изъ верхняго покоя явилась... Санта - Кроче ей имя, Феличіани, Феличіани А у меня чулки слѣзши.

И зардѣлся отъ смущенія и разсмѣялся.

Невскій вѣтеръ, играя, подкидывалъ его рыжія пряди.

ГЕЛІОНЪ, МЕЛІОНЪ, ТЕТРАГРАМАТОНЪ...

Что вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?
Надъ вашей головой колеблется сѣкира
Но что-жъ?... Изъ васъ одинъ ее увижу я.
Лермонтовъ.

Въ свѣтломъ просторѣ неба разлитъ желтоватый и грустный отсвѣтъ вечерней зари. У Тучкова моста, подлѣ Соляныхъ Буяновъ, черными хлыстами застыли мачты уснувшихъ галіотовъ.

Васильевскій Островъ пустыненъ. Оконницы низкихъ домовъ блѣдно желтѣютъ зарей. Лужа у деревянныхъ мостковъ, какъ длинный блѣдный опалъ. Догораетъ заря, предвѣстница іюньской бѣлой ночи — ни свѣта, ни мглы, а серебристаго полусумрака.

Безвѣтренный вечеръ. На Васильостровскихъ линеяхъ, за пустырями лаетъ цѣпной песъ на пустое и свѣтлое небо.

Къ дому нѣмецкаго негоціанта Григора Фихтеля, что въ Волховскомъ переулкѣ, къ тѣмъ воротамъ на Невскій берегъ, гдѣ не просыхаетъ никогда грязь, — по вечерней зарѣ стали подходить многіе люди, кто въ гвардейской епанчѣ, кто въ купеческой круглой шляпѣ съ золотымъ галуномъ округъ тульи. Брались за мѣдный молотъ, изображающій львиную голову, и тишина переулка оглашалась тремя глухими ударами.

Аллебардщикъ, заступившій на ночной караулъ къ Тучкову мосту, каждый разъ вскидывалъ голову —

— Экъ ихъ разобрало Разумѣю, Фитель нѣмецкія именины справляетъ, а то поминанье родителей .

И погасла желтая заря надъ Невой и побѣлѣли воды и какъ бы насторожились, когда въ переулокъ свернулъ съ Первой линеи тяжелый дормезъ, похожій на покойницкій катафалкъ. Сталъ, накренился.

— Разумѣю, дышломъ въ заборъ угодилъ: мѣсто тѣсное — приглядѣлся отъ плошкоутовъ аллебардщикъ.

Дверка дормеза блѣдно блеснула. У дома Фихтеля на мостки выпрыгнулъ плотный человѣкъ въ малиновомъ кафтанѣ.

Тремя выстрѣлами прогремѣли удары молота

Отъ внезапности очнулся может - быть подъ периной отставной императорскихъ коллегій экзекуторъ, доживающій вѣкъ въ переулкѣ,—или дебелая купеческая супруга, которой душно на ковровомъ сундукѣ въ сводчатомъ покоѣ за печью,—шарахнулась къ блѣдному окну, гдѣ несносно жужжитъ всю

ночь муха и сыплетъ изъ клѣтки зерно и трепещетъ на жердочкѣ взъерошенная, безсонная канарейка.

— Экую пальбу поднялъ, — заворчалъ стражъ и потянулъ костлявую руку къ ржавой своей алле-бардѣ, зазубренной лишь оттого, что желѣзнымъ ея полумѣсяцемъ кололась лучина. На этомъ движеніи стражъ успокоился, тѣмъ болѣе, что дормезъ проплылъ на господскій дворъ . . .

Не именины, и не поминовеніе родителей справлялъ нѣмецкій негоціантъ.

А наказано было брату — розенкрейцеру Григору Фихтелю отъ самого господина Елагина пріуготовить залы въ домѣ своемъ и возжечь семисвѣщники для собранія братьевъ - каменьщиковъ ложи Гигея.

Баккалавръ къ собранію запоздалъ.

Пронесся зайцемъ по чисто выметенному двору, вбѣжалъ на крыльцо.

Въ сводчатомъ, низкомъ покоѣ, окнами на Неву, свалены на скамьи трости, шляпы, плащи. Кривцовъ оправилъ помятыя букли и опаясался бѣлымъ кожаннымъ передникомъ, каменьщицкимъ запономъ. Натянулъ лосиныя перчатки до локтей и перекинулъ черезъ грудь золоченый масонскій знакъ — шестиугольную звѣзду на голубой лентѣ.

Набросивъ на плечи черный долгій плащъ, подобный монашеской мантіи, баккалавръ изъ прихожей ступилъ въ темное зало.

Золоченая звѣзда позваниваетъ на ходу Слышны издали торжественные вздохи органа, грустный звонъ арфы. Кривцовъ сталъ на колѣни у высокихъ дверей, постучалъ робко.

— Кто тамъ? — позвалъ изъ тьмы голосъ сильный, какъ будто голосъ самой музыки.

— Братъ - странникъ, — отвѣтилъ Кривцовъ словами масонскаго пароля.

— Многопочтенный кавалеръ, откуда ты пришелъ?

— Іерусалима.

— Гдѣ ты проходилъ?

— Назаретомъ.

— Кто тебя водилъ?

— Рафаилъ.

— Какого ты колѣна?

— Іудина.

— Inri! вскрикнули многіе голоса за дверями, а одинъ голосъ позвалъ грозно и сильно: —

— Войди, кавалеръ, въ братство Креста, орошеннаго розовой кровью.

Звучная волна органа хлынула баккалавру въ лицо. Его ослѣпило блистаніе свѣчъ, тѣснота пудреныхъ головъ, сквозящихъ бѣлымъ дымомъ.

На бархатной черной завѣсѣ въ глубинѣ залы горитъ алымъ огнемъ Златорозовый Крестъ. А подъ нимъ вьется огненная надпись:

Fraternitas Rosae Crucis.

Семисвѣщники, окутанные чернымъ флеромъ, ровно пылаютъ по четыремъ краямъ масонскаго ковра.

Баккалавръ сѣлъ на скамью у входа. Вдалекѣ въ отблескахъ свѣчей склоняется надъ столомъ лицо великаго розенкрейцера, господина Елагина.

Кто - то мягко тронулъ Кривцова за локоть. Рядомъ съ баккалаврамъ сидитъ на скамьѣ Николай

Ивановичъ Новиковъ, типографщикъ, держащій книжную свою лавку въ Москвѣ, у Воскресенскихъ воротъ. Надъ пристальными, добрыми глазами типографщика нависли косые мѣшки вѣкъ. Братъ Новиковъ всегда найдетъ добрую шутку для младшаго брата - каменьщика:

— Не оробѣлъ ли, душа моя? — протянулъ Новиковъ руку. Изъ подъ мантіи мелькнулъ поношенный коричневый кафтанъ.

Баккалавръ учтиво пожалъ бѣлую полную ладонь московскаго типографщика, высочайшихъ степеней розенкрейцера, брата — sacerdos, который носитъ въ ложѣ великое и страшное имя Collovion.

— А я полагалъ, многопочтенный братъ Collovion, что вы въ Москвѣ обрѣтаетесь.

— Пребывалъ тамъ, душа моя, да меня сюда вызвали: Каліостра смотрѣть.

Тутъ ударилъ три раза костяной молотокъ, говоръ умолкъ и всѣ поднялись со скамей.

Елагинъ стоялъ, оперевъ ладони о столъ. Чуть тряслась пудреная голова великаго мастера:

— Кавалеры и рыцари, Пеликанъ начертанъ на нашемъ щитѣ, Пеликанъ кормящій кровью дѣтенышей. Вступая сюда, мы клянемся даже и тѣнь свою посвятить ордену — отдадимся же кровью и тѣнью, тѣломъ и духомъ Златорозовому Кресту.

Невидимый органъ прихлынулъ глубокимъ приливомъ, грянули колоннады металла.

Ярко загорѣлся алый крестъ на черной завѣсѣ. Всѣ пѣли, поднявъ къ алому Кресту головы:

Взвѣйтесь сердцами
Выше всѣхъ звѣздъ,

Блещетъ предъ нами
Златорозовый Крестъ...

Московскій типографщикъ пѣлъ, сжавъ кулаки, съ расширенными ноздрями. По его крутому лысѣющему лбу катилъ крупный потъ.

Отъ восковыхъ огней, пѣнія, запаха вощины, сукна камзоловъ и пудры баккалавру стало душно. Дрожащій органъ изливалъ еще утихающее дыханье, когда распахнулись двери изъ темной залы и, предшествуемый двумъ братьямъ со свѣтильниками, вступилъ въ храмъ графъ Фениксъ, кавалеръ де-Каліостро, въ красномъ кафтанѣ, въ желтыхъ чулкахъ съ красными запятыми.

За нимъ какъ бѣлое видѣніе, выплыла изъ тьмы Санта-Кроче. На порогѣ запнулась, отвела съ виска темную прядь. Братья со свѣтильниками провели графиню къ круглому столу, противъ баккалавра. Санта-Кроче шла черезъ зало не поднимая глазъ, едва касаясь паркета. По ея лицу, по опущеннымъ шелковистымъ рѣсницамъ ходили отсвѣты огней.

— Прекрасная госпожа, — прошепталъ баккалавръ.

— Отмѣнна, не спорю — шопотомъ подтвердилъ Новиковъ. — А вотъ Фениксъ сей вовсе не авантаженъ.

Каліостро остался у дверей. Онъ точно растерялся отъ блеска, тѣсноты, жара. Громадная тѣнь пала за нимъ чернымъ горбомъ. И вдругъ, со всѣхъ ногъ, кинулся онъ въ глубину залы, къ креслу Елагина. Стремительно сѣлъ на колѣни, закачался

какъ китайскій божокъ, ударяя въ грудь кулакомъ.

— Встаньте странствующій рыцарь, — съ явной досадой сказалъ Елагинъ, протянувъ графу черезъ столъ старческую руку. — Не подобаютъ мнѣ почести ваши. Прошу васъ приступать къ дѣлу.

Каліостро поднялся, утеръ краснымъ платкомъ жирный затылокъ. Его сивый парикъ сбился вбокъ.

Баккалавръ безъ стѣсненія разглядывалъ приземистую фигуру мага въ натопорщенномъ фрамбуазѣ, точно - бы съ чужого плеча.

И почему - то застыдился баккалавръ, что всѣ такъ восторженно пѣли молитву, что гудитъ еще металлическая пещера органа, а въ храмѣ бѣгаетъ, стучитъ красными каблуками этотъ плѣшивый графъ, похожій на комедійнаго педриллу.

Каліостро быстро обходилъ братьевъ. Кланялся, присѣдалъ, на красной спинѣ морщилась складка, шпажонка прыгала, какъ желѣзный хвостъ. Съ лица графа не сбѣгала насмѣшливая, трусливая улыбка. Она приподымала ему припухлую губу, обнажая острые мышьи зубы.

Каліостро поздоровался и съ Кривцовымъ: точно встряхнулъ передъ нимъ нестройными сиплыми струнами, обдавъ изо рта гнилью желудка.

Баккалавръ выдернулъ ладонь изъ влажныхъ пальцевъ графа, проворно обтеръ за спиной.

— И чего распрыгался, шутъ, — проворчалъ Новиковъ вслѣдъ Каліостро.

Графъ Фениксъ оглянулся, точно понялъ, потное лицо поблѣднѣло, ноздри раздулись. Онъ сталъ посреди зала, скрестивъ на груди руки. Пылаетъ

его красный кафтанъ среди черныхъ мантій братьевъ. Сверкнули глаза. Графъ что-то сказалъ:

— Не разумѣю иностранныхъ языковъ, никакъ латынь? — вполголоса спросилъ Новиковъ баккалавра.

— Нѣтъ, италіанскій. Магическіе опыты собранію объявляетъ.

Въ золотистомъ и тепломъ блистаньи свѣчей, бѣлымъ облакомъ свѣтилась Санта-Кроче. «Феличіани, Феличіани», смотрѣлъ на нее Кривцовъ. Казалось, что графиня тоже смотритъ на него издали.

Сильно сверкнулъ клинокъ, Каліостро выхватилъ шпагу.

Клинкомъ бьетъ по воздуху, сопитъ, напрягается. Вдругъ подпрыгнулъ, очертилъ на паркетѣ кругъ. Скрежещетъ сталь. Языки огня бѣгутъ по чертѣ.

Въ огненный кругъ ступилъ Каліостро, замахалъ шпагой во всѣ углы залы. И куда сверкалъ клинокъ, тамъ гасли, точно отъ удара вѣтра, огни.

Высоко, на черной завѣсѣ пылаетъ Златорозовый Крестъ.

Каліостро вбѣжалъ къ нему по ступенькамъ. Онъ пронзилъ шпагой воздухъ, сшибся съ кѣмъ-то въ схваткѣ — его отбросило со ступеней — храпя онъ кинулся вновь.

Черный горбунъ съ кошачьей головой — тѣнь Каліостро — кривляется на сводахъ, ступенькахъ, завѣсѣ.

Вотъ отшвырнуло Каліостро. Вотъ онъ вспрянулъ, страстно и дико завылъ:

— Геліонъ, Меліонъ, Тетраграматонъ!

Ворвался, шумя, холодный вѣтеръ. Ударилъ. Златорозовый Крестъ погасъ.

Шпага Каліостро, звеня, покатилась во тьму

Только одна тонкая восковая свѣча теплится у круглаго стола Санта-Кроче. Каліостро ступилъ къ графинѣ вкрадчиво и безшумно. Взялъ ее за руку

У баккалавра отъ страха шевельнулись волосы. Ему почудилось, что онъ съ глазу на глазъ съ Каліостро въ душномъ склепѣ, и горитъ одна восковая свѣча и въ невѣрномъ огнѣ ея видится кошачья голова кавалера, а съ нимъ рядомъ лицо блѣдной покойницы, лицо иностранной госпожи Санта-Кроче.

— Встань, Мадонна моя,—воркующе заговорилъ графъ. — Помоги мнѣ показать знатнымъ братьямъ московамъ, кто я таковъ, — встань!

Онъ кинулъ вверхъ руку со шпагой. Блеснулъ клинокъ.

Графиня протянула къ горящему острію руки, съ закрытыми глазами шла она на шпагу. Она тянулась къ этой сверкающей иглѣ, точно къ магниту. Затрепетала. Ея атласные башмачки отдѣлились отъ паркета, — графиня подымается, подымается въ воздухъ — прозрачная, бѣлая . . .

Ея распростертое тѣло медленно закружило вокругъ острія. Бѣлое лицо безъ кровинки, искажены темныя губы. Какъ легкое крыло мелькаетъ бѣлая шаль — быстрѣе, быстрѣе — молніей кружится въ вышинѣ остріе, свистя носится подъ темными сводами бездыханная бѣлая госпожа.

— Мать Пресвятая, смотрите, она страдаетъ! — вскрикнулъ Кривцовъ. Его потрясла глубокая, дрожь негодованія, ужаса, жалости.

— Довольно! Довольно!

Всѣ гнѣвно вздохнули, заговорили. Съ грохотомъ опрокинулась дубовая скамья.

Какъ сбитая птица Санта - Кроче упала у стола. Очнулась, окинула дикимъ взглядомъ сивыя космы париковъ, свѣсившихся надъ ней.

— Не мѣшать! — яростно визгнулъ графъ. По его блѣдному лицу катилъ потъ. — Прочь изъ магическаго круга московскіе невѣжды, или я, я . .

Онъ разсѣкъ клинкомъ воздухъ, всѣ отшатнулись.

И видѣли всѣ, какъ изъ рукавовъ Каліостро, изъ желтоватыхъ пуандешпановъ, вырвалась стая причудливыхъ птицъ — чудовищныхъ гусей, со слоновьими ногами, индюковъ, похожихъ на мясистыя башни, грифовъ, съ дряблыми колючими шеями. Чудовища захлопали крыльями, сшибаясь, носясь, хлеща по головамъ, въ корчахъ падали на паркетъ, ломая скрипящіе костяки крылъ.

Баккалавръ отбивался отъ птицъ кулаками. Влажныя, вонючія перья мазали его по лицу. И тогда кто - то крикнулъ:

— Вода!

Пѣнясь хлынули туманныя воды, надули черную завѣсу, хлеснули черезъ столы, скамьи, со звономъ опрокинули свѣтильники.

— Феличіани, Феличіани! Спасите ее — вскрикнулъ баккалавръ, вырываясь изъ рукъ Новикова.

— Куда, стой! — держалъ его тотъ.

— Великій Кофта, не вселяй ужаса въ сердца наши, — донесся изъ тьмы, покойный голосъ Елагина. — Властное могущество твое мы узрѣли воочію, но не для гнѣва званъ ты сюда. Останови силы тьмы, магъ великій.

— Геліонъ, Меліонъ, Тетраграматонъ . . . — протяжно завылъ Каліостро.

И всѣ увидѣли, что водъ нѣтъ, что у круглаго стола лежитъ на паркетѣ бѣлая графиня, что Каліостро склоняется надъ ней. Черные жесткіе волосы дыбятся вокругъ лысины, графъ держитъ въ рукахъ парикъ, какъ отрубленную голову.

Ужасно и медленно обвелъ онъ глазами зало, пепельныя губы насмѣшливо дрогнули:

— Повинуюсь приказанію великаго розенкрейцера . . .

«Подыми Феличіани, или она умерла?» — съ острой тоской подумалъ Кривцовъ. Каліостро точно услышалъ мысли баккалавра и коснулся плеча Санта - Кроче.

— Отдохни, встань, Мадонна моя.

И закланялся во всѣ стороны, какъ фигляръ или продавецъ лекарственныхъ эликсировъ на ярмаркѣ.

— Какихъ еще знаковъ надобно вамъ, signores?

— Золота, — послышался голосъ Елагина.

— Истиннаго золота, чтобы повелѣвать жизнью! — крикнулъ Новиковъ.

— Золота, золота, — жадно и глухо загудѣли всѣ, напирая на огненную черту. Каліостро вертѣлъ головой. Кругомъ кричали — «Золота, золота» — а

Каліостро хохоталъ, чихалъ, утиралъ платкомъ багровую лысину —

— Золота! О, это легче всего. Ни съ мѣста! Я засыплю васъ золотомъ.

Графъ повернулся на каблукахъ, щелкнулъ пальцами и отъ щелчковъ запрыгали каскады червонцевъ вокругъ лысой его головы. Изумленныя лица, круглые глаза, скорченные пальцы озарило золотымъ блескомъ.

Изъ рукъ Каліостро бьютъ золотые фонтаны. Монеты, чисто звеня, подскакиваютъ, катятся по паркету.

— Червонцы — о, о — дукаты, дублонъ покатился, султанская лира! — жадно гудѣли кругомъ.

Кривцовъ обошелъ спины, тѣсно сбитыя у магическаго круга. Санта - Кроче сидѣла въ креслахъ у стола, положивъ голову на руку.

— Госпожа, — наклонился къ ней баккалавръ, — Прекрасная госпожа, узнаете вы меня?

Изъ полуопущенныхъ рѣсницъ по лицу баккалавра скользнулъ разсѣянный, темный взглядъ.

— Помните, госпожа, я принесъ графу письмо?

— Да, я васъ помню, молодой кавалеръ.

— Госпожа, вотъ всѣ они бросились къ золоту, а я . . .

Санта - Кроче повела тонкой бровью:

— Золото? Но тамъ нѣтъ золота, кавалеръ . . .

— Какъ? — Баккалавръ открывъ отъ удивленія ротъ, взглянулъ на магическій кругъ. А кругъ очерченъ мѣломъ, а золота нѣтъ, только топчатся плотныя графскія ноги въ желтыхъ чулкахъ съ красными запятыми.

— Феличіани! — позвалъ Каліостро. — Довольно имъ золота!

Баккалавръ отшатнулся отъ графини. «Что за притча, куда дѣвались червонцы?» — и даже потеръ переносицу. Кругомъ недоумѣнно заспорили.

— Полагаю, онъ монеты — въ рукавъ, а оттуда въ штаны.

— Изволь - ка въ штаны такую казну угвоздить. Я, чаю, воза два золота было, что твой монетный дворъ.

— А я смѣю удостовѣрить, что всѣ червонцы до остатняго въ шпагу его поскакали: дзыкъ—прыгъ.

— Помолчите вы, сударь Дзыкъ - Прыгъ: виданное ли дѣло деньги въ шпагу прятать?

— Да шпага его одинъ символъ и магическій жезлъ, а золото, полагаю, — одна аллегорія.

Долго - бы еще спорили братья - розенкрейцеры, утирая платками лица, взбивая влажныя отъ пота букли, постукивая крышками табакерокъ и предлагая сосѣдямъ отвѣдать тертаго лавеланда, если - бы Каліостро не захлопалъ въ ладоши.

— Высокое собраніе, — надмѣнно заговорилъ онъ по - французски. — Теперь вы видите, откуда богатства мои, о которыхъ столь много пишутъ въ газетахъ Европы . . . Но, братья, все же я утѣсненъ, обвиненъ людьми, оклеветанъ: Каліостро — плутъ, Каліостро — обманщикъ А, заслужилъ ли я участь сію ? Встань, Санта - Кроче, покажи имъ кто я, кѣмъ буду я въ грядущія времена — встань!

Граненый алмазъ перстня влажно вспыхнулъ на короткомъ пальцѣ.

— Всѣ смотрите на мой волшебный алмазъ! Говори, Санта - Кроче, что видишь?

— Я устала, Джузуппе, не могу

— Смотри!..

Санта - Кроче замерла отъ сиплаго окрика, руки пали вдоль тѣла. «Прекрасная госпожа, лучше бы мнѣ страдать за тебя», — на глаза Кривцову навернулись слезы.

— Что видишь? — прикрикнулъ Каліостро.

— Вижу, вижу. Точно издалека доносился мягкій голосъ графини.

— Вижу Толпа, шерстяные красные колпаки, черныя пики, въ заревѣ небо Голова, — пощади! — отрубленная голова...

— Голова, что такое? Гдѣ видишь меня? — недоумѣнно забормоталъ Каліостро. — Да скажешь ли ты!

— Выкачены глаза, кожа обуглилась,почернѣла, вспыхшій шаршавый языкъ торчитъ изъ ощеренныхъ зубовъ Это ты! ты!

— Я? — Каліостро поблѣднѣлъ. — Меня казнятъ, да?

— О нѣтъ Ты Тебѣ машутъ красными колпаками... Они ревутъ плещутъ въ ладоши, они несутъ тебя надъ черными пиками, — вотъ ты! Ты вождь!

— А, а — оскалился графъ — Не слышишь ли имя мое?

— Отъ рева трясется красное небо, мостовыя, дома... Не слышу Слышу Ма нѣтъ Ро ... Ма - Ро Ро - Ма Нѣтъ, не слышу.

— Дальше гдѣ я, иди, иди, дальше!

— Солдаты, мѣдные орлы, барабаны... Всадники, на мѣдныхъ каскахъ конскіе хвосты... о, куда они устремились, громъ небесный!

— А я? Гдѣ я?

— Ты... Сѣрый конь. Они кидаютъ въ воздухъ мохнатые медвѣжьи шапки, они рыдаютъ отъ восхищенья... Слышу Ты Бо Вотъ ты! Ты — императоръ.

— Императоръ? — Каліостро фыркнулъ. — Какъ, твой старый лысый Джузуппе, ты сказала, онъ императоръ Тогда дальше, впередъ.

— Пощади меня.

— Дальше!

— Вижу Городъ... Красные кирпичи въ инеѣ. Сугробы Высокая восточная стѣна... Просторъ... Мертвыя улицы... Скуластые варвары..., вотъ твой лысый лобъ, блестящіе монгольскіе глаза Пощади!

— Нѣтъ!

Санта-Кроче зашаталась, со стономъ пала на колѣни —

— О, пощади — кровь, кровь!

— Кровь! — проворчалъ Каліостро, блѣднѣя. Склонился надъ графиней, поднялъ ее:

— Опыты кончены! Прочь съ дороги!

И съ графиней на рукахъ широкими прыжками бросился изъ храма.

— Будь проклята твоя магія, червонцы, алмазъ! — бѣшенно крикнулъ баккалавръ, кидаясь за графомъ вдогонку.

Онъ пронесся по пустому темному залу, по лѣстницѣ скатился въ прихожую, — но тутъ

графскіе слуги Жако и Жульенъ преградили ему путь.

— Не такъ быстро, signore — съ ужимками поклонился Жако.

— Пусти! — отбросилъ его баккалавръ.

Въ открытую дверь мелькнула бѣлая мгла. Къ воротамъ по деревяннымъ мосткамъ бѣжитъ съ бѣлой госпожей на рукахъ графъ Фениксъ—красная кошка, ставшая на заднія лапы.

— Назадъ! — оттолкнулъ баккалавра Жако.

Дверь хлопнула, баккалавръ ударилъ въ нее кулаками и вдругъ изъ замочной скважины просунулся долгій палецъ. Погрозилъ.

Не палецъ, а кончикъ носа просунулся въ скважину. Шевельнулся, понюхалъ воздухъ, чихнулъ.

— Навожденіе! — Кривцовъ рванулъ волосы, въ кулакѣ остались рыжія пряди . . .

Великій мастеръ и московскій типографщикъ нашли баккалавра въ прихожей, у задняго крыльца, на полу. Кривцовъ сидѣлъ у замочной скважины и рукой ловилъ воздухъ.

— Андрей, батюшка, что тебѣ приключилось? — коснулся его плеча Елагинъ.

— Носъ, носъ проклятой. Чуть поймаешь, онъ ровно муха — въ скважину шмыгъ . .

— Господинъ секретарь, не дурите, — сказалъ Елагинъ построже.

— Голубчикъ, душа моя, нагнулся къ баккалавру и Новиковъ.—Пошто ты за магомъ со всѣхъ ногъ грянулъ?

— Ахъ вы? — повелъ глазами Кривцовъ. И закрылъ худое лицо ладонями и заплакалъ въ голосъ, навзрыдъ.

— Навожденіе, навожденіе...

— Пойдемъ отседова, батюшка, — ласково взялъ его подъ руку Елагинъ.

Негоціантъ Григоръ Фихтель выпустилъ братьевъ съ парадныхъ крылецъ, а они втроемъ вышли со двора.

Уже свѣтало.

Бѣлое небо надъ Невой тронулось холодной желтой зарей. Отлогимъ глинистымъ берегомъ пробирались они къ Тучкову мосту. Старый аллебардщикъ уже проснулся отъ холода и отъ утренняго боя курантовъ.

— Словно бы заря, словно и нѣтъ, — поморгалъ рѣсницами аллебардщикъ. — Кто его знаетъ, а фонарь подъ мостомъ тушить самое время.

За Невой заря облила блѣднымъ золотомъ верхушки барокъ съ сѣномъ.

— Бесѣда наша, сударь, Иванъ Перфильевичъ, будетъ короткой — покашливая отъ сырости, говорилъ Новиковъ. — На утріе я отбываю въ Москву Баккалавръ-то нашъ, сдается мнѣ, правъ: сей Каліострь единое навожденіе суть. Можетъ и знаетъ онъ какую силишку, намъ покуда невѣдомую, да и морочитъ весь свѣтъ и ту бѣдную госпожу мучаетъ...

Башмаки глухо постукивали по влажнымъ настиламъ моста.

— Выслушайте меня, сударь, Николай Ивановичъ съ терпѣніемъ.—Елагинъ остановился и даже

взялъ Новикова за мѣдную пуговицу синяго плаща:

— Можетъ статься обманщикъ онъ, но я исповѣдаю тако: и ложь и обманъ да послужатъ рабынями Златорозовому Кресту. Посему намѣренъ я сего графа въ мой домъ на житье позвать, дабы отыскалъ онъ намъ камень мудрости и содѣлалъ золото, какъ было обѣщано имъ въ письмѣ изъ Митавы.

— Пустое затѣяли, сударь.

— Николай Ивановичъ, другъ мой, не горячитесь. А ежели откроемъ мы тайну философскаго камени — вѣдь воистину наступитъ тогда златой вѣкъ человѣчества.

— Златой вѣкъ, златой вѣкъ... — вздохнулъ Новиковъ. — Сущее все мечтательство.. Нѣтъ, заутра я отбываю въ Москву.

Баккалавръ, облокотясь о деревянныя перила, смотрѣлъ на бѣлую, едва зажелтѣвшую пустыню неба и воды.

— Пойдемъ, Степанычъ, — мягко позвалъ его Новиковъ.

— Иду, иду, — обернулъ баккалавръ лицо изъ тумана.

За горбатымъ мостомъ выросла мокрая крыша гауптвахты. Ходитъ у полосатаго столба часовой солдатъ въ овчинномъ дымящемъ тулупѣ...

IMMORTELLE EKATHERINE II.

Кто Аристонъ сей молодой
Нѣженъ лицомъ и душой?...

. .

Дней гражданинъ золотыхъ
Истый любимецъ Астреи.

Державинъ.

У бѣлой баллюстрады, на желтомъ паркетѣ, горячія пятна солнца.

За каріатидами бельведера, — полегчавшими, посинѣвшими, — огромно и ясно видна даль Царскаго Села: зеленые квадраты стриженныхъ рощъ, мостки, коричневыя поволоки овраговъ, рогатки и скирды скошеннаго сѣна, уходящія зелеными чалмами по скату къ вѣтренной мельницѣ, вертящей четкія крылья.

Ея Величество въ бѣломъ гарнитуровомъ шлафрокѣ, — влажныя отъ умыванія волосы подобраны въ свѣтлый узелъ, волны волансьена колышатся на груди, — проходитъ въ неспѣшной прогулкѣ вдоль каріатидъ воздушной галлереи.

Въ голубыхъ глазахъ государыни блеснули черныя, золотистыя искры. Она оглянулась:

— Поспѣшите, милій другъ, Александръ Васильевичъ, али вамъ не пройти?

Въ стеклянныхъ дверяхъ наклонно отразились зеленые штофные обои, золоченые карнизы, простѣнки и на бельведеръ неловко протискался Ея Величества секретарь, тучный щеголь Храповицкій

въ просторномъ коричневомъ фракѣ и въ атласномъ камзолѣ цвѣта молока съ кофе.

— Инда, матушка, въ потъ вогнала дверка сія.

За Храповицкимъ, сухо постукивая коготками, выбѣжали господинъ Сиръ и господинъ Томъ, поджарыя англійскія собаки, — мордочки узкія, острыя уши торчкомъ, сѣрая шерсть, какъ гладкое серебро, обѣ въ ошейникахъ краснаго бархата, — любимцы императрицы.

— Слюшай, батушка, надобно тебѣ обливанья отъ пота.

— Обливаюсь, государыня, инда мерзну, да безъ толку: подобенъ грецкой губкѣ, водой насыщенной.

Императрица сощурилась, глаза блеснули голубымъ свѣтомъ . . .

Марья Саввишна Перекусихина, придворная камерфрау, вѣдала многія тайны этихъ ясныхъ глазъ: они темнѣли, какъ твердое желѣзо, они синѣли, подобно лѣтнему небу, они сіяли голубымъ свѣтомъ. Вѣдала также Перекусихина секреты натуральнаго румянца императрицы, пріятной свѣжести ея лица: еще до свѣта, покидая постель, государыня первымъ дѣломъ утираетъ лицо кускомъ льда, и пьетъ чашку черного левантійскаго кофе, болѣе крѣпкаго, чѣмъ табакъ морскихъ капитановъ.

Пріятная полуулыбка, всегда приподымаетъ ей привлекательно и какъ-то по козьи уголки свѣжихъ губъ. Отъ ея невысокой, слегка полнѣющей фигуры, отъ бѣлыхъ рукъ съ ямками на локтяхъ, отъ того, какъ на кругломъ подбородкѣ разбѣгаются

при смѣхѣ пріятныя морщинки — лукавая звѣздочка, — вѣетъ чѣмъ то влекущимъ, податливосладостнымъ, грѣшнымъ.

А въ Санктпетербургѣ, — на засѣданіяхъ Сената и военныхъ коллегій, или за тонконогимъ рабочимъ столомъ, жалобно скрипящимъ подъ ея пріятными локтями, когда при свѣчахъ, перебираетъ она шуршащіе листы меморій и слушаетъ грубые и сиплые голоса докладчиковъ генералъ-губернаторовъ, — императрицу не узнать.

Императрица мѣняется. Выслушавъ фельдмаршаловъ и министровъ, она закидываетъ по мужски ногу на ногу, покачиветъ острымъ концомъ парчевой туфли. Ея чепецъ изъ бѣлой блонды, зачастую, сбивается вбокъ, и всегда влѣво. Обдумывая что-либо, она гусинымъ перомъ почесываетъ за ухомъ, шумно чихаетъ въ платокъ, нерѣдко и чертыхается.

Или мгновенно вспыхнувъ отъ гнѣва, смертельно блѣднѣетъ, меркнутъ какъ желѣзо глаза, она медленно подымается, опираясь всей тяжестью продолговатыхъ ладоней о столъ, — точно выростаетъ она, высокая, величественная, — ея разгнѣванное лицо, какъ сіяющій мраморъ, — и генералъ-губернаторы, адмиралы, послы, съ холоднымъ трепетомъ пригибаютъ спины въ глубокомъ поклонѣ: стоитъ передъ ними сама великая въ женахъ, Augustissima, Императрица Россійская, Сѣверная Миневра...

— Сиръ, Томъ, ко мнѣ — позвала Екатерина англійскихъ собакъ. Сухо заскребли ноготки, Сиръ и Томъ запрыгали у ея ногъ, наровя лизнуть ладонь.

— Несносныя! — Екатерина притворно замахнулась янтарной тростью, сверкнувшей желтымъ огнемъ.

— Отдохнуль, господинъ Храповицкій? — Пойдемъ Венеру Стыдливую посмотрѣть: нынче сей статуй изъ зимней кладовая подъ колоннадой поставленъ.

Государыня говорила по-русски съ едва примѣтнымъ акцентомъ иностранки, бывало ошибалась въ падежахъ, а русскія слова звучали у нее большими, смѣшными и теплыми.

Проходя мимо Геркулеса, государыня постучала янтарной тростью по мраморной его ступнѣ.

— Располагаю я, милій другъ, думать, что басни о превращеніяхъ Юпитеровыхъ были токмо удачной отговорка для прогрѣшивыхъ дѣвокъ. Мой мнѣніе таково: въ древнія времена беременныя дѣвки по просту клепали на Геркулеса и Марса.

Храповицкій добродушно улыбнулся, отирая лобъ очень чистымъ платкомъ.

Въ концѣ воздушной галлереи ослѣпительно блещетъ Венера Медичи или Венера Стыдливая, — одна рука отбита до круглаго плеча, а другая мягкимъ изгибомъ прикрываетъ стыдныя прелести.

Императрица сощурилась, разсѣянно пошевелила въ воздухѣ пальцами, — Храповицкій протянулъ табакерку, — она взяла щепоть, не отрывая взгляда отъ статуи.

Государыня обошла Венеру кругомъ. Божественная мраморная спина съ чуть изогнутой линіей — точно тѣнью легкаго лука, — пылаетъ солнечной

бѣлизной. Императрица похлопала Венеру продолговатой ладонью по спинѣ, ниже поясницы.

— Безъ спора прекрасна сей Venus à belle dos, pour ne pas dire... aux belles fesses.

Атласный камзолъ Храповицкаго, цвѣта молока съ кофе, залоснился, заколыхался. Тучный щеголь отъ хохота тутъ же вспотѣлъ. Екатерина ждала, когда добрякъ отсмѣется, пристально наблюдала груду его трясущихся мясъ. И вдругъ прижала палецъ къ губамъ, взглянувъ черезъ голову Храповицкаго въ конецъ бельведера.

— Никакъ мой генеральсъ-адъютантъ? Благодарствую господинъ секретарь, что сопровождали меня на скучной прогулка. Теперь я не буду одна.

И привѣтливо кивнула Храповицкому. Тотъ, кланяясь, сталъ отходить къ стекляннымъ павильонамъ.

На галлерею, по широкимъ бѣлымъ ступенькамъ, легко вбѣгаетъ изъ парка Ея Величества Генеральсъ-Адъютантъ, Шефъ Кирасирскихъ Полковъ, Александръ Дмитріевичъ Ланской.

Государыня быстро шла навстрѣчу. Она чуть задыхалась, прохладно шумѣлъ бѣлый шлафрокъ.

— Здравствуй, радость, пошто вечоръ не бывалъ?

Ланской молча склонилъ пудреную, пронизанную солнцемъ голову. Вѣтеръ отнесъ его бѣлую буклю, колыхнулъ влажные, свѣтлые волосы государыни, волансьены на груди. Ланской вдохнулъ знакомый запахъ утренней свѣжести, душистыхъ кружевъ, солнца. За бельведеромъ, какъ на архитектурномъ планѣ, видна круглая площадка, отъ которой разбѣгаются звѣздой, посыпанныя краснымъ

гравіемъ дорожки. У вязовъ, стриженныхъ въ квадратную стѣну, стоитъ на часахъ гренадеръ. Вѣтеръ треплетъ бѣлосинія перья его серебрянаго шишака, также какъ страусовый султанъ на черной треуголкѣ Ланского.

— Ты вернулся не веселъ, въ разстройствѣ. Что приключилось? — государыня положила бѣлую ладонь на смуглую руку генеральсъ - адъютанта.

На тонкомъ лицѣ Ланского, въ его бархатныхъ горячихъ глазахъ свѣтло дрогнуло солнце. Блескъ прекрасныхъ глазъ облилъ Екатерину и пудренная голова генеральсъ - адъютанта, изящная голова Адониса, снова склонилась.

— Точно запоздалъ, невеселъ. Самъ не вѣдаю, что со мной ... Вечоръ у Поцѣлуева моста остановилъ я карету, вошелъ, было, въ гуляющую толпу и тутъ почуялъ, что въ спину мнѣ кто - то смотритъ, въ самый затылокъ.

— Короче, мой другъ.

Ланской скомкалъ лосиную перчатку.

— Оглянулся, а на меня смотритъ невѣдомый кавалеръ, иностранецъ въ черномъ кафтанѣ. «Я пріѣхалъ за вами, мое имя графъ Фениксъ» — поклонился онъ мнѣ. «Я привезъ прожектъ заведенья въ Имперіи фабрикъ для дѣланья золота. И токмо вы можете мнѣ помочь» ...

— Фениксъ ?.. Вѣдаю, что подъ симъ прозвищемъ шутъ всесвѣтный, обманщикъ Каліостръ прибылъ каверзничать въ нашу столицу Ахъ, каналья.

Она закинула ногу на ногу, прищурилась.

— Вольно тебѣ подобныя бредни слушать. И къ чему мнѣ про то сказывать.

— Выслушайте, кавалеръ Фениксъ подвелъ ко мнѣ за руку прекрасную госпожу Санта-Кроче.

— Прекрасную?

— Да.

— Прекрасную? — отъ шеи, на щеки, на виски государыни проступили красныя пятна. Ея пріятное лицо постарѣло:

— Оставьте дипломатическіе формалитеты... Я вижю, вамъ пришлась по нравъ сей заѣзжая дѣвка.

— Государыня, государыня! — смуглыя ладони Ланского растерянно затеребили серебряныя пуговки сиреневаго камзола.

— Причины нѣтъ слюшать о вашихъ петербургскихъ амурахъ.

— Ваше Величество!

— Я знаю мое величество! У меня не въ обычаѣ насильно держать кого при себѣ. Вы вольны, Александръ Дмитріевичъ, въ своемъ сердцѣ.

— Государыня, но вы не хотите слушать меня.

Смуглое лицо Ланского посѣрѣло. Онъ такъ сильно ударилъ себя въ грудь кулакомъ, что перстень плеснулъ вишневыми огнями.

Екатерина медленно шла къ павильону. Коготки господъ Сира и Тома выстукивали на паркетѣ легкую барабанную дробь.

— Ступайте, сударь, на амурныя ваши прогулки въ столица. Въ Сарскомъ Село васъ болѣ не ждутъ...

Ланской растерянно смотрѣлъ вслѣдъ Императрицѣ. Потомъ его лицо освѣтилось улыбкой.

— Астрея, ревнуешь, — Астрея?..

А вечеромъ, когда въ полукруглыхъ окнахъ дворца замерцали многія свѣчи, въ павильонъ молодого генерала пробралась мимо оранжерей, Марья Саввишна Перекусихина. Въ желтомъ шелковомъ душегреѣ, въ черномъ корсажѣ полоской, востроносая, тощая, походила камерфрау Перекусихина на осу.

Ланской лежалъ на канапэ къ стѣнѣ лицомъ. Марья Саввишна подергала генеральсъ-адъютанта за бѣлую косицу, обвитую чернымъ гро-греномъ.

— Ай, хорошъ молодецъ, начудесилъ, — зажужжала Перекусихина, подбоченясь.—Было бы молчать о вечерошнихъ авантюрахъ твоихъ, кто за языкъ-то потянулъ.

— Государыни моей я не лжецъ, — хмуро отвѣтилъ Ланской. — Что вамъ надобно?

— Пожалуй на половину Ея Величества. Тамъ узнаешь...

Въ спальнѣ императрицы, на шифоньерѣ, горитъ свѣча. Екатерина, поджавъ ноги, сидитъ на смятыхъ пуховикахъ. Одинъ парчевый башмакъ упалъ, другой еще держится на кончикахъ пальцевъ.

Камерфрау легонько втолкнула Ланского.

— Вы? — государыня разжала руки съ колѣнъ. Кончикомъ ноги, не глядя, поискала подъ постелью упавшій башмакъ. Въ ночныхъ одеждахъ казалась она пышнѣе, величественнѣе и старше, чѣмъ утромъ.

— Тутъ вамъ вольный абшидъ, отставка, чины, деревни — ея продолговатые пальцы пошуршали

въ бумагахъ на шифоньерѣ. — Вотъ возьмите Благодарствую, что были мнѣ другомъ. Понимаю: я стара, вы молоды. Идите ... Ничего.

Послѣднее слово она выговорила — «нишево».

— Вы вольны меня удалять, государыня, — поклонился Ланской. — Но чиновъ и деревень мнѣ не надобно. Гоните, когда не вѣрите. Все едино, безъ тебя не жить Люблю, не лгалъ, никогда не солгу, люблю тебя, царица славная, великая, свѣтлая.

И палъ на колѣни, сильно охватилъ ея ноги. Государыня испуганно долго смотрѣла въ его пылающіе глаза. И вдругъ коротко разсмѣялась.

— Любишь, не врешь ... по глазамъ вижю: любишь Я, старая баба — я тебя ко всему свѣту ревную. Встань.

Государыня такъ быстро ходила съ Ланскимъ по спальнѣ, что ея бѣлыя одежды, раздуваясь, обдавали генерала свѣжестью.

— Говори, Александръ, точно хороша Санта-Кроче?

— Хороша, государыня, не солгу. Но не о ней рѣчь, — а о Фениксѣ.

— Лысой бѣсъ? Накаверзничавъ съ моими масонами, онъ удеретъ — Каліостро пустое.

— Нѣтъ, государыня... Какъ онъ взглянулъ на меня, я тотчасъ Страшные глаза Я мигомъ руку отъ него вырвалъ, карету погналъ Испугалъ меня сей кавалеръ И всю ночь онъ мнѣ видѣлся, смотритъ изъ тьмы: «Ланской, хочешь золота?» И я думаю, государыня, что...

Генеральсъ - адъютантъ покосился на темное окно, гдѣ отъ дуновенія сквозняка стлался желтымъ копьемъ огонь одинокой свѣчи.

— Что Кавалеръ Каліостро — чортъ.

— Чортъ ? Тише — Суевѣръ, и меня напугалъ... Пустой вздоръ. Точно - ли Каліостро чортъ я не вѣдаю, а что онъ дерзостный шарлатанъ, шутъ полосатый, мартышка, то вѣдомо всѣмъ.

— Выгони его изъ Имперіи... Страшные глаза... Чую, для зла прибылъ сей кавалеръ... Выгони.

— Нѣтъ, хочу подождать, что онъ тутъ накуралеситъ, выслать успѣю. Не съ такія боролась. Маркизъ Пугачовъ чѣмъ не чортъ? А коли Каліостро подлинно господинъ сатана тѣмъ викторія надъ нимъ будетъ славнѣе.

— Безстрашная ты...

— Вижю, Каліостро тебя по пусту затревожилъ, — оставь А я полагаль, отъ робости ты невѣсть что плетешь, отойти думаешь, а сказать боишься. Вотъ и лжешь.

— Не могу лгать тебѣ. Ровно Нарциссъ, я увидѣлъ себя въ твоихъ глазахъ. Я отъ любви къ тебѣ умру Думаешь, не брезговалъ я прозвищемъ фаворита, думаешь, не шептались о семъ въ кумпаніяхъ Честью отцовой клянусь, не переступилъ бы порога опочивальни твоей, ежели - бъ

— Что милій? — на ея кругломъ подбородкѣ разбѣжались пріятныя морщинки, лукавая звѣздочка.

— Ежели - бъ не судилъ такъ Богъ Сударушка, лебедь, воистину взяла ты сердце мое. Чу-

десна моя судьба: кавалергардскій офицеръ полюбилъ императрицу всероссійскую ... И не стыжусь, не стыжусь, что округъ нынче шепчутъ — Ланской въ случаѣ, Ланской фаворитъ

Они сидѣли въ однѣхъ креслахъ. Государыня приблизила къ Ланскому потемнѣвшіе глаза и улыбнулась странной жалобной улыбкой.

— Фавориты, фавориты Точно. Много ихъ было Слюшай вотъ скажу Дѣвчонкой привезла мать въ Россію. Принцесса Катринъ, дочь прусскій полковника, я былъ тогда худенькой, неуклюжей дѣвчонкой Фикэ, нищенка при дворѣ Елисаветъ. Но отъ натуры имѣлъ дѣвчонка Фикэ умъ смѣлій, смѣшливый. Была я философъ о шестнадцать лѣтъ ... А Петръ Ѳедоровичъ, покойный императоръ, ту худенькую дѣвчонка Фикэ по плечамъ, глиняной трубкой, съ огнемъ, по плечамъ Видитъ Богъ!

Екатерина встрепенулась, дрогнула, прижалась къ Ланскому —

— Катя, Катя

— Тамъ на окнѣ бабочка у свѣча, бьется Видитъ Богъ, въ крови императора Петра Ѳедоровича неповинна. Въ блудахъ грѣшна, во лжахъ, въ сердцѣ жесткомъ, а въ крови Петра Ѳедоровича, видитъ Богъ. Никогда не была жадной до человѣческой кровь Алексѣй Орловъ, рубецъ у него, во всю щеку, Алешка, пьяной, императора прикончилъ ... Свершилось. La revolution ... Въ ногахъ, вонючіе царедворцы ползали, руки обуглили поцѣлуями — псы А мнѣ тогда, больше всего на бѣ-

лый конь, — Брилліантомъ его звали, — на бѣломъ конь предъ гвардейскими полками гарцевать желалось. Богиня въ Преображенскомъ мундирѣ, лавровый вѣнокъ... Но вскорѣ Фикэ понялъ, или быть ей императрицей, или придушать ее въ дворцовыхъ чуланахъ: императору Петру Третьему измѣнили, измѣнятъ императрицѣ Екатеринѣ Второй... Да, я лестью, я пріятствомъ взяла. Я, Александръ, по рукамъ пошла. Любой гвардейскій солдатъ, мой сподвижникъ въ петербургской гисторіи, могъ тогда изъявить на меня права И пошла Фикэ по рукамъ...

Государыня привстала:

— Я властна требовать молчанія отъ россіянъ современниковъ, но что скажетъ потомство? Вѣдаю, найдутся средь потомковъ безстыжіе, которые поглумятся вволю надъ принцессой Фикэ, забывъ императрицу Екатеринъ.

И жалобно, тоненько засмѣялась закрывъ руками лицо. Ланской пробовалъ отвести ея пальцы —

— Нишево, нишево Нашлись у Фикэ и друзья. Князь Потемкинъ — отвага ума, Григорій Орловъ — мягкое благородство, а я между ними — курцъ - галопомъ, курцъ - галопомъ.

Екатерина тряхнула головой, утерла глаза.

— Нишево, я не плачу Курцъ - галопомъ, — отчего всѣ дѣла мои, самой великой важности, стали принимать мягкое изящество Дурно токмо одно у твоей государыня было и осталось бабье сердце. Вѣдь я нѣмка. А нѣмки до старости мечтаютъ о своемъ человѣкѣ. Понимаешь — mein Mann Но

судьба дала мнѣ великую державу, войны, устроеніе народовъ и много, много Männer

Екатерина высморкалась, гибко встала.

— А, чортъ, разревѣлась. Отъ такихъ разстройствъ у меня подымается желудочный ураганъ. А государямъ надобно свѣжая голова и хорошій желудокъ.

Ланской по дѣтски разсмѣялся.

— Вотъ ты смѣешься. А понялъ ли ты, кроткій душа, почто должна была льстить, пріятствовать, покупать похвалы продажныхъ перьевъ Европы. Глупцы скажутъ: Екатерина вздорно тщеславна. Глупцы не поймутъ никогда, что сѣверная монархія Immortelle Ekatherine II, какъ зовутъ ее нынче философы, заботилась токмо, чтобы всѣ забыли въ императрицѣ россійской нѣмецкую, худенькую дѣвчонка Катринъ, ту принцессу Фикэ, который ходилъ по рукамъ...

Ланской склонилъ голову къ ладонямъ государыни —

— Не будь ты царицей, твой тронъ и такъ воздвигся бы въ сердцахъ.

— Мои піиты льстятъ краше... Идемъ, мой другъ, ужинать.

Уже за полночь, Марья Саввишна мѣняла свѣчи. Императрица и генеральсъ-адьютантъ сидѣли склонясь надъ столомъ, тѣсно прижавъ другъ къ другу головы. Они разсматривали любимые Ланскимъ продолговатыя римскія камеи, — фіолетово-прозрачныя, если смотрѣть ихъ на свѣтъ, — рѣзан-

ную на камнѣ головку Junius Bratus и Младого Ахиллеса.

Когда Перекусихина ставила канделябръ, Екатерина вскинула голову, весело улыбнулась —

— Не сердись, Саввишна, ступай... Твой Катринъ всегда быль явной дура.

КАЛІОСТРОВЫ ШУТКИ.

Вертится свѣтъ, а для чего онъ такъ —
Не вѣдаютъ того, ни умный, ни дуракъ.
Фонвизинъ.

Графъ Фениксъ роговой палочкой чиститъ крѣпкіе ногти.

Баккалавру противно, что графъ чиститъ ихъ тутъ же, за кушаньями, и что короткіе его пальцы лоснятся отъ сала: графъ обсасывалъ крыло рябчика. Теперь на его тарелкѣ горка оранжевой кожуры. Апельсинныя косточки графъ выплевываетъ въ горсть. Его бѣлая салфетка, повязанная на затылкѣ ослиными ушами, залита соусомъ. Графъ ѣстъ неряшливо, чавкаетъ, ковыряетъ мизинцемъ въ глубинѣ рта. Его лысый лобъ отъ удовольствія въ поту.

Сунувъ роговую палочку въ карманчикъ камзола, графъ сталъ прихлебывать горячій кофе. Онъ прищурилъ одинъ глазъ на Елагина, надъ другимъ, — круглымъ и строгимъ, — ерошится черная бровь.

— Вы спрашиваете, сколько мнѣ лѣтъ, — графъ выпятивъ нижнюю губу, шумно глотнулъ, поперхнулся. Неспѣшно утеръ маслянистый пухлый ротъ, оставивъ на салфеткѣ коричневыя пятна.

— Уважая ваше гостепріимство, рыцарь и братъ, я могу вамъ открыться: жизни моей 5557 лѣтъ.

— 5557? Быть не можетъ! — Елагинъ всплеснулъ руками. Кривцовъ отъ стыда кашлянулъ: до чего дерзко вретъ этотъ неряшливый итальянецъ съ блестящими, какъ у рака, глазами.

— Несносный лжецъ, подумали вы, — я вижу по лицамъ — графъ сорвалъ салфетку, отшвырнулъ, злобно приподнялась верхняя губа, обнаживъ мелкіе зубы.

— А я подтверждаю: кавалеръ Каліостро живетъ на землѣ 5557 лѣтъ, а можетъ быть больше...

— Графъ, простите, но не могу вамъ повѣрить, — канцлеръ съ досадой отодвинулъ тарелку.

Каліостро поблѣднѣлъ. Черные глаза запылали.

— Не вѣрьте, снова васъ убѣждать, мало вамъ явныхъ знаменій ? Каліостро, Каліостро, ты бродишь по странамъ слѣпыхъ, среди народовъ глухихъ... Весь міръ будетъ твой, а они, маловѣры, скажутъ: Каліостро — плутъ, Каліостро — обманщикъ.

— Остановитесь, графъ, вамъ не говорятъ такихъ позорныхъ словъ — твердо сказалъ Елагинъ, — Но согласитесь, 5557 — подобныхъ сроковъ человѣческой жизни не обнимаетъ мой бѣдный, темный умъ.

— Но вы забыли, что я владѣю камнемъ мудрости, что я побѣдилъ смерть. Даже для глупыхъ старухъ, даже для разслабленныхъ сластолюбцевъ имѣю я рецепты вѣчной молодости и долгой жизни: каждыя пятьдесятъ лѣтъ, въ майское новолуніе, поститься два мѣсяца, питаться только чистымъ

воздухомъ и чистой водой, пускать кровь, принимать Materiae primae, втирать мои египетскія помады Robantia, Stimulantia и масло премудрости.

— Цѣлая аптека, — сказалъ Елагинъ по-русски, подмигнувъ баккалавру.

— Да, наконецъ, вы забыли имя мое. Не подумали, что означаетъ имя, принятое мною, — Фениксъ, Фениксъ...

— Фениксъ? — встрепенулся Кривцовъ, — Фениксъ изъ пепла вѣчно рождаемый?

— Вы правы, молодой кавалеръ... О, сколько странъ, народовъ, вѣковъ, именъ прошли и пройдутъ въ глазахъ моихъ.

— Да кто же вы, откройтесь? — Елагинъ внимательно посмотрѣлъ на графа.

— О, только Джузуппе Каліостро, бродячій итальянецъ... — Глаза графа блеснули подъ полуопущенными вѣками, какъ дальнія молніи.

— Или не видите вы, кто передъ вами?

— Вы, вы можетъ быть... Вы — Агасферусъ? — неувѣренно спросилъ канцлеръ.

— Агасферусъ? Не знаю такого. Я — Фениксъ... Помню, когда я впервые былъ въ Санктпетербургѣ...

— Какъ, вы уже были у насъ? — удивились и канцлеръ и секретарь.

— Конечно, въ 1762 году, когда ваша belle-femme, верхомъ на гвардейскомъ солдатѣ прискакала на тронъ. Кстати, кланяйтесь отъ меня новому фавориту, Ланскому.

— Не извольте, сударь, отзываться такъ фривольно о государынѣ нашей, — сухо проворчалъ

канцлеръ. — А васъ въ памятные тѣ дни я въ столицѣ не видывалъ.

— Меня тогда звали графъ Сенъ-Жерменъ.

— Позвольте, тотъ тощій, сѣденькій французикъ, темный пріятель Орловыхъ, всѣхъ увѣрявшій, что владѣетъ философскимъ камнемъ и жизненнымъ эликсиромъ?.. Точно, онъ былъ тогда въ столицѣ, но у него съ вами никакого сходства.

— А между тѣмъ, графъ Сенъ-Жерменъ — я!

При этихъ словахъ Каліостро порылся въ заднемъ карманѣ кафтана, вытянулъ нечистый шелковый платокъ, печатку, затрепанные листки, червонецъ, и, наконецъ, тяжелую, окованную золотомъ табакерку.

— Угощайтесь — протянулъ онъ табакерку Елагину.

Канцлеръ взялъ понюшку, смѣясь.

— Этакъ вы скажете, что были и Казановой, тоже прѣнижаннимъ сюда...

— Джіакомо Казанова? — Да, это былъ я.

Какъ? Тотъ старый, вонючій итальянецъ, коричневый, какъ выжатый лимонъ, — побойтесь, графъ, Бога, — я отлично помню Казанову: въ пыльныхъ чулкахъ, въ поношенномъ дорожномъ кафтанѣ, трактирный болтунъ, отъ котораго несло дешевымъ виномъ и дешевыми гостиницами, гдѣ веселыхъ дѣвокъ торгуютъ за нашъ алтынъ — безбожно такъ шутить, графъ.

А между тѣмъ, я живъ и въ Казановѣ — задумчиво сказалъ Каліостро. Оперевъ голову на пухлые кулаки, онъ повелъ глазами на окно. И вдругъ гнѣвно багровѣя, засопѣлъ, фыркнулъ.

— Каліострова ложь, застольная болтовня, — я вижу, такъ думаютъ, мои кавалеры и рыцари. А то, что явилось вамъ тутъ, въ моемъ волшебномъ алмазѣ, тоже каліостровы шутки?

Перстень блеснулъ влажнымъ огнемъ.

— Нѣтъ, то не шутки, — холодно сказалъ Елагинъ, жмурясь отъ блеска брилліанта. — Но имена, названныя намъ въ ложѣ Гигея, отнюдь непонятны. Что означаетъ Ма - Ро - Бо? Іероглифъ невразумительный, китайская надпись, — прочтите ее.

— О, нѣтъ. Читайте сами. Всѣ имена въ имени Фениксъ... Читайте сами, сами.

Графъ всталъ съ гнѣвомъ, быстро зашагалъ по многооконной залѣ. А на порогѣ пробормоталъ подъ носъ, покусывая губы.

— Прочесть имъ имена... О, если бы я могъ. Если - бъ ихъ знать...

Послѣ обѣда, канцлеръ и секретарь безъ графа, курили по трубкѣ крѣпкаго кнастера въ диванной, что окнами на Неву.

— Разгнѣвался гость нашъ, — ворчалъ уже по русски Елагинъ изъ облака табачнаго дыма. — Имажинируетъ изрядныя небылицы, такую ермолафію развелъ, каково братъ: выходитъ, вначалѣ бѣ сей кавалеръ Каліостръ, да онъ же и въ концѣ. Альфа и Омега.

— Кощунникъ онъ, — нахмурился Кривцовъ. — А можетъ...

— Что можетъ? — Не тяни... — нахмурился и канцлеръ.

— Самъ сударь, не вѣдаю. То видится онъ мнѣ шушигой, обманщикомъ, шпыней иностраннымъ,

коего въ три шеи отседова гнать надобно...
А то...

— Ну?

— А то явно мнѣ, что ужасный магъ сей человѣкъ, камень мудрости разумѣющій. И что нарочно надъ нами онъ потѣшается, глаза намъ отводитъ.

— Отводитъ? — Елагинъ мягко разсмѣялся. — И точно: примѣтилъ-ли, какъ лики его мѣняются? То впрямь свиное рыло, то огнь быстрый, блѣдный. Вовсе иные люди въ немъ заключены. Уповательно, онъ магъ.

— Магъ — печально и твердо повторилъ Кривцовъ.

А потомъ, отмахнувъ рукою табачный дымъ, спросилъ съ робостью:

— Сударь, почто-же госпожа графиня за столъ къ вамъ не жалуетъ?

— А видишь ли, батюшка, сказывалъ графъ, что не можется ей и что выходить къ намъ не будетъ.

Они оба умолкли, выдыхая клубы дыма... Не въ примѣръ графу Фениксу не ложатся они отдохнуть послѣ обѣда. Да и ночи Кривцова безсонны. Похудѣло его лицо. Глаза ввалились, стали большими, печальными, теперь онъ не убираетъ въ букли рыжихъ волосъ. Съ вечера до разсвѣта проводитъ баккалавръ время свое въ подвалѣ, въ подземной алхимической лабораторіи канцлера, гдѣ окна забиты наглухо досками.

А въ каморку къ себѣ выбирается уже на зарѣ. Ложится на жесткій диванъ, каждый разъ задѣвая головой гравюру «Похищеніе Европы», которая описываетъ на шпалерѣ дугу. Баккалавръ вовсе забро-

силъ часы и скрипки. На коричневыхъ грифахъ пушистая сѣрая пыль, какъ проведешь обшлагомъ по столу, — останутся темныя дорожки.

Только флажолета не забылъ баккалавръ. И въ безмолвіи ранняго утра, въ чуткомъ сумракѣ мертваго дома, насвистываетъ онъ, пугаясь пробудить кого-либо, журчащія легкія пѣсенки. А ихъ льющійся звукъ похожъ на жалобный зовъ.

Намедни, когда увлекся онъ такъ мелодіей своей, ему послышался шелестъ быстрыхъ шаговъ. Выглянулъ изъ покоя, а на верху лѣстницы, въ стеклянномъ фонарѣ, гдѣ уже зардѣлась зарей мраморная лысина Сократа, повидѣлось межъ пламенныхъ оконницъ озаренное облако, — бѣлая Санта-Кроче, Феличіани. И тотчасъ исчезла...

— Подай мнѣ очки, да и къ дѣлу, — перебилъ тутъ Елагинъ мечтательныя мысли баккалавра.

Кривцовъ съ благоговѣйной робостью входитъ въ кабинетъ канцлера, въ бѣдную и чистую келью высокаго покровителя. Онъ не забываетъ, еще на порогѣ, перекреститься и на бѣлое Распятіе и на маленькій, совсѣмъ темный образокъ, мѣдный вѣнчикъ котораго поблескиваетъ надъ зеленой выцвѣлой ширмой въ головахъ канцлерской постели.

Въ кабинетѣ тонко пахнетъ книжной пылью и ладаномъ: запахомъ чистой старости.

Елагинъ пишетъ и читаетъ стоя у окна, за обтертой конторкой. Въ роговыхъ очкахъ, сильно увеличивающихъ глаза, онъ становится сморщеннѣе и точно-бы меньше ростомъ. За свѣтлыми стеклами, углубленные глаза канцлера, какъ прозрачно-зеленыя чистыя воды лѣсныхъ озеръ.

Помусоливъ палецъ, Елагинъ перекинулъ листы книги, лежащей на конторкѣ.

— Прошлую середу мы на чемъ остановились?

— На двунадесятомъ элементѣ состава камени философскаго, на Меркуріи сирѣчь, — отвѣчаетъ Кривцовъ, разглаживая на столѣ шершавую бумагу, уже исписанную кругомъ значками, треугольниками, змѣйками и прочими фигурами алхимическихъ формулъ. Расщепивъ на пальцѣ гусиное перо — «ладно ли будетъ писать?» — баккалавръ сказалъ:

— Я, сударь, готовъ.

— Тогда пиши, душа моя, покудова сердитый графъ почиваетъ. Въ химической псалтирѣ Феофраста Парацельса показано: «философскій камень составленъ изъ Сѣры и Меркурія. Меркурій суть сѣмя женское всѣхъ металловъ, имѣетъ знакъ луны».

Перо заскрипѣло, голосъ старческій тихо диктуетъ:

«Сѣра суть мужское сѣмя металловъ, имѣетъ знакъ солнца».

Отъ алхимическихъ формулъ Парацельса добрались до книги еврея Абрагама, до разбора магическихъ надписей Николая Фламеля Ашъ Мезерефъ на порталѣ парижскаго собора Notre Dame.

Кривцовъ вслушивается въ тишину. Надъ самой головой, надъ плафономъ «Торжество Справедливости», который кажется снизу желтовато-розовымъ пятномъ, ему слышны чьи-то шаги. Точно пугливыя, нестройныя струны отзываются въ

сердцѣ: «Феличіани тамъ, наверху, ходитъ въ покояхъ».

Елагинъ быстро перелистываетъ «Ключъ Соломоновъ» и «Каббалу».

— Еще запиши для графа: въ книгѣ еврея Абрагама рецептура философскаго камени обозначена тако: «Зеленый Левъ, Змѣя, Молоко Дѣвы» Постой, батюшка, а въ тигеляхъ вы до чего доварились?

Баккалавръ смахиваетъ рѣсницами. Его блѣдное лицо, съ померкшими синими глазами розовѣетъ смущенно:

— О чемъ, сударь, изволите спрашивать?

— Спрашиваю, далеко ли въ подвалѣ дѣло зашло, — доварились до чего, али посуду токмо бьете?

— Доварились, сударь: въ семи ретортахъ зеленое кипитъ, въ семи сѣрое. И съ бурленіемъ. А нынче въ ночь господинъ Каліостръ все что - то въ мѣдной ступкѣ толокъ. Ажно вспотѣлъ. Ворчитъ съ сердцемъ. Толокъ, толокъ, да и бросилъ. Сызнова толочи сталъ.

— Ну, ну Нынче я самъ къ вамъ буду Можетъ и сіи реторты бурлящія тоже Каліостровы шутки, однако, пиши: «А самъ философскій камень видомъ гибкій, красный, пахнетъ морской солью и по свидѣтельству господина Прелати Алхимика, — хрупкій».

Кривцовъ обмакнулъ въ чернильницу перо, глянулъ на сѣрый листъ и дрогнулъ:

Подъ словами: «А самъ философскій камень» его же рукой, въ строку разъ десять написано: «Феличіани, Феличіани, Феличіани»

— Ахти, бѣда.

— Что еще?

— Да чернильныхъ шлепковъ на листъ нагвоздалъ, ужъ я табличку сію зачеркну, а вы, сударь, Абрагамово означеніе — извольте не гнѣваться, — повторите.

— Экая ты, братъ, неловкая попадья. Ну вновѣ пиши.

«Ходитъ, ходитъ Феличіани» — заскрипѣлъ перомъ баккалавръ.

До ночи слышенъ въ кабинетѣ диктующій старческій голосъ, скрипитъ перо и шелестятъ бумаги. Дворецкій Африканъ, бѣлый, въ пушистой сѣдинѣ, моргая бѣлыми рѣсницами, какъ ослѣпшая птица, неслышно войдетъ и легонько стукнетъ огнивомъ, высѣкая огонь надъ высокой жирандолью.

— Глаза себѣ, о сударь мой, слѣпите, — скажетъ древній дворецкій, низко кланяясь сухопарой канцелярской спинѣ.

— Поди, дѣдъ, поди: тебѣ на боковую пора.

И уже потрескиваютъ нагорѣвшія свѣчи, а въ окнѣ, за темными пустотами Невы, мигаетъ тусклый фонарь надъ корабельной дамбой, когда застучатъ на лѣстницѣ красные каблуки графа Феникса.

Со сна графъ кашляетъ и говоритъ хрипло. Всклокочена лысая голова, черными вихрями стоятъ волосы по краямъ лба, лицо одутловато и заспанно. Точно въ римскую тогу, кутается графъ въ

свой черный китайчатый балахонъ, прожженный бурыми пятнами алхимическихъ жидкостей. Его желтый съ красными запятыми чулокъ, полуспущенъ. Сидя въ креслахъ, онъ качаетъ стоптанной туфлей, поеживаетъ плечами и сердито зѣваетъ, со звукомъ сиплымъ, собачьимъ.

— Исполнено - ли заданіе мое?

— Прошу обождать, графъ, — канцлеръ подымаетъ очки на лобъ.—Мой секретарь, по случайности, плеснулъ чернилами на листъ вамъ нужный.

Но Кривцовъ уже подаетъ графу исписанные листы. Каліостро близоруко подноситъ ихъ къ глазамъ:

— Однако, французскія обозначенія тутъ не разборчивы, — говоритъ онъ, шевеля густыми бровями такъ строго, что баккалавръ тревожится: «А ну какъ примѣтитъ имя ея подъ сими мараньями?».

Но графъ только фыркаетъ и спѣшно свертываетъ листы въ трубку:

— Въ подвалъ, signores, въ подвалъ!

ГОСПОЖА ИЗЪ ДОРОЖНАГО СУНДУКА.

Различныя шутки, загадки, древнія апоѳегмы и Епиктитово нравоученіе.

Заголовокъ въ письмовникѣ Курганова.

Багровѣютъ угли подъ навѣсомъ кузнечнаго горна. Закоптѣли балки надъ неугасаемой свѣчей, пирамидой желтаго воска, какую ставятъ на сорокаустъ въ церквахъ, въ поминовенье усопшихъ.

Въ багровомъ сумракѣ поблескиваютъ на досчатомъ столѣ стеклянныя реторты въ трехногихъ та-

ганахъ. Пыточнымъ колесомъ тычится изъ угла дискъ неуклюжей электрической машины. Колбы, причудливыя щипцы, мѣдныя стопки разставлены на полкахъ. Алхимическій кабинетъ канцлера похожъ на аптеку и на подземную тюрьму. Металлически-кисло пахнутъ составы, тихо кипящіе на огнѣ. Воздухъ сухой и душный.

Баккалавръ, повѣсивъ на крюкъ кафтанъ, засучивъ рукава рубахи, налегаетъ крѣпко на поддувало.

Загудѣло. Струя огня пробѣжала по углямъ. Блеснули выпуклые бока склянокъ. Красновато озаренное лицо Елагина — лобъ собранъ въ морщины, въ багровыхъ отблескахъ круги очковъ, — склонилось изъ тьмы къ волшебнымъ составамъ.

— Кипятъ. — шепчетъ канцлеръ торжественно.

Въ отсвѣтахъ огня и скуластое лицо Каліостро, глаза сощурены въ косыя щелины. Отсвѣчиваютъ волоски на пухлыхъ рукахъ. Перстень мага горитъ тяжко и сильно, какъ красный глазъ звѣря . . .

— Кавалеръ и братъ, — шепчетъ Елагинъ. — Почему ты, показавшій намъ въ одинъ мигъ столько золота, добываешь его теперь въ столь многихъ трудахъ?

— Для того, мой рыцарь, чтобы и васъ научить тайнѣ дѣланья золота . . . Однако, сегодня я званъ на куртагъ къ князю Потемкину — пора начинать . . . Но, мой рыцарь, — для троихъ тутъ тѣсно.

— Иду, иду Да благословитъ Великій Строитель Вселенной трудъ искателя философскаго камня . . .

— Аминь. Прощайте, рыцарь, до утра.

Кривцовъ остается съ магомъ съ глазу на глазъ. Въ душномъ подвалѣ они еще не сказали другъ другу ни слова. Великій магъ, чудной кавалеръ въ китайчатомъ черномъ халатѣ, ставитъ сорокаустную свѣчу на столъ. Въ ея невѣрномъ свѣтѣ выступаетъ пасмурное лицо мага, полузакрыты его глаза. Молча посапывая, онъ пересыпаетъ, взвѣшиваетъ на аптекарскихъ вѣсахъ, мѣшаетъ многіе свои порошки, отъ которыхъ разливается въ сухомъ воздухѣ сладковатый и горькій запахъ корицы, миндаля и вербены. Тяжелѣетъ голова баккалавра.

Плавно колышатся черные рукава Каліострова балахона. Магъ щелкаетъ табакеркой, чихаетъ фыркая по кошачьи, пишетъ свинцовымъ карандашомъ, толчетъ. Звякаютъ мѣдныя гирьки вѣсовъ. Магъ бормочетъ невнятно, магъ заклинаетъ...

Отъ плавнаго колыханія его черныхъ крылъ мелькаютъ въ глазахъ баккалавра огненныя змѣйки, Саламандры. «Саламандры, саламандры» — жмурится баккалавръ.

— Огня! — сипло командуетъ магъ. — Сильнѣе, огня!

Его багровое лицо склонилось надъ тигелемъ. Бурлятъ и брызгаютъ кипящіе составы. Изъ узкихъ горлышекъ выкидываетъ паръ.

— Довольно, я буду сливать.

Каліостро ловко подхватываетъ склянки съ тагановъ, переноситъ на столъ, онъ сливаетъ все въ горло большой колбы, кипящій сплавъ пронзительно визжитъ...

Грохнулъ, вдругъ, выстрѣлъ, сверкнулъ огонь, магъ сгинулъ въ черномъ дымѣ.

— Лопнула! Опаленное лицо Каліостро вынырнуло изъ дыма. — Это ты, ты!

Пылающіе глаза метнулись на баккалавра, тотъ обмеръ.

Но взглядъ мага, скользнувъ, уставился въ уголъ, гдѣ громоздится электрическая машина —

Ты всегда, всегда мнѣ мѣшаешь! — Каліостро затопалъ ногами, схватилъ склянницу, размахнулся, швырнулъ —

Гулко загремѣло. Баккалавръ, трясясь, повисъ на поддувалѣ.

Горшки, колбы, вѣсы — со свистомъ ринулись въ уголъ, стекла лопаются, звенятъ, какъ фейерверочныя ракеты . . .

Отъ бомбардировки Каліостро усталъ. Сопитъ, отираетъ рукавомъ лысину —

— Но я добуду, добьюсь тебя . . . Гдѣ записки ? Элементъ - С, элементъ - М, зеленый Левъ, Дѣва, Змѣй . . Поддержать огонь на всю ночь! А я спѣшу, я званъ къ князю . . . Я вскорѣ вернусь —

И, подхвативъ полы халата, графъ ныряетъ въ подвальную дверку.

— Убѣгъ? Кривцовъ растерянно оглядѣлся.

Въ щелинѣ ставни пронесся голубоватый свѣтъ, страшно озарилъ ему лицо. Ударилъ громовый раскатъ.

— Святъ — святъ — святъ. Да ефто Божій громъ, а я невѣсть что подумалъ . . . Чтобы я тутъ одинъ пребывалъ, да пропади оно пропадомъ! —

Крестясь онъ шмыгнулъ изъ подвала, побѣжалъ темной ротондой. Стекла фонарика на верхней площадкѣ охватило голубымъ заревомъ, въ его трепетѣ сверкнулъ мраморный лобъ Сократа, ухнуло все въ черную тьму. Порывъ вѣтра отбросилъ дверь въ паркъ — прихлынула шумящая теплая тьма. Баккалавръ залюбовался грозой, вдыхая, сухой гулъ бѣгущаго вѣтра. Голубоватые, дымные углы молніи, зіяя, раскраивали черное небо Вдругъ, отъ тощихъ ногъ баккалавра, упала на порогъ тѣнь. Онъ оглянулся.

На антресоляхъ замелькали огни. Съ факелами медленно сходятъ внизъ по ступенькамъ графскіе слуги Жако и Жульенъ. Мечутся набухшіе языки пламени. За слугами идетъ графъ. Онъ несетъ на плечѣ мертвую, въ бѣломъ саванѣ, — мертвую госпожу Санта - Кроче —

— Феличіани, — баккалавръ попятился.

Каліостро мгновенно поставилъ Санта - Кроче на ноги. Бѣлая госпожа сама двинулась внизъ. Ея лицо въ отблескахъ факеловъ, алыя губы, полуоткрыты, влажно сіяютъ глаза сквозь пушистыя рѣсницы. Графиня, улыбаясь, идетъ прямо на баккалавра.

— Сундукъ! — дико вскрикнулъ Кривцовъ.

Онъ кинулся прочь въ многооконное зало. Голубыя зіянія озаряютъ бѣгущую темную фигуру.—

— Сундукъ! — съ крикомъ ворвался онъ въ кабинетъ канцлера.

Елагинъ еще читалъ въ постели при свѣчѣ. Его нахохленная бѣлая голова выглянула изъ за ширмы.

— Сундукъ! — упалъ баккалавръ къ его тощимъ ногамъ. Бѣлая голова канцлера затряслась:

— Андрей, — святые угодники, — Андрей, другъ мой?

— Спасите, спасите!.. Тамъ, на лѣстницѣ, госпожа изъ сундука, мертвая...

— Бредишь! — вспрянулъ Елагинъ. — Толкомъ сказывай, что за мертвый сундукъ?

Кривцовъ широко раскрылъ глаза, потеръ ладонями лобъ:

— Сундукъ? Повремените, сударь, забылъ о чемъ я... Какой сундукъ? А господинъ Каліостръ съ госпожей Санта - Кроче къ свѣтлѣйшему отбыли, — на ротондѣ ихъ повстрѣчалъ.

— Знаю, что отбыли. — А про какой сундукъ вопіялъ? Чего ночью пужаешь? — Сундукъ, сундукъ, — силился что - то припомнить Кривцовъ. Онъ ступилъ къ окну. Черную бездну за стеклами раскроило голубоватымъ потокомъ огня. Выхватило изъ тьмы уголъ крыши съ торчащей трубой, кусокъ дороги, голубую сосну, голубой дормезъ Каліостро и голубыхъ слугъ, согнутыхъ на запяткахъ отъ вѣтра. Сгинуло все.

О черныя стекла невнятно застучалъ дождь.

Елагинъ изумленно слѣдилъ за секретаремъ поверхъ круглыхъ очковъ.

— Братъ Кривцовъ, я разумѣю вы утомились до крайности, но надобно собою овладѣть. Повелѣваю вамъ, молодой рыцарь, утвердить въ крѣпости духовныя силы ваши, дабы продолжать исканія камени мудрости.

— А, камень, камень. — Кривцовъ провелъ ладонями по лицу, неувѣренно улыбнулся.—Я, право, виноватъ, сударь: въ подвалѣ съ ногъ сбился. Что такое почудилось, никакъ не вспомнить. Ровно бы нѣкій сундукъ. Въ небылицахъ, сударь, плутаю.

— Пойдемъ, батюшка, токаемъ тебя подкрѣплю. Да ложись тутъ на коврѣ, подлѣ меня. Никакая мертвая госпожа не привидится.

Они пробрались въ буфетную наноскахъ, чтобы не разбудить Африкана, мирно храпѣвшаго въ креслахъ, подъ канделябрами. А ужинали они при свѣчѣ, стоя у голландскаго шкафа. Канцлеръ разсмотрѣлъ на огонь бокалъ: пунцовое вино золотисто лучилось изнутри.

— Послушай меня, Андрей. Не принимай ты близко къ сердцу земныхъ комедій, различныхъ шутокъ и земныхъ загадокъ. Можетъ и магъ сей Каліострь, и самъ философскій камень тоже токмо комедія, да пустая загадка. Но мы ее отгадывать будемъ, испытаемъ ее, понеже человѣку, созданію безстрашному и свободному, все испытывать, во славу Божію, надлежитъ. А ты, вишь, съ ума сходить вздумалъ: въ комедіи трагическую ролю играть. Оставь. Послушай меня: держи сердце веселымъ и чистымъ, высоко надъ земными юдолями. Токмо веселыя сердца надобны Богу, Даятелю чаши радостей всей вселенной Здоровье твое! —

И старый канцлеръ чокнулся съ баккалавромъ. Свѣжо шумѣлъ у стеколъ ночной дождь.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ВЪ ЧУЛАНѢ.

„Lilium pedibus destrue"
Девизъ Каліостро.

Баккалавръ улегся на коврѣ. Старикъ перекинулъ ему черезъ ширму ветхій камзолъ, чтобы прикрыться. Отъ канцлерскаго камзола пахло церковнымъ воскомъ, старыми книгами, черешней и нюхательнымъ табакомъ.

Старикъ еще возился. На зеленой ткани ширмы его тѣнь двигалась той смѣшной звѣрюгой, какихъ заѣзжіе фокусники показываютъ въ китайскихъ тѣняхъ, чрезъ волшебный фонарь. Канцлеръ покряхтѣлъ, уминая сухимъ тѣломъ жесткій тюфякъ, задулъ свѣчу

А баккалавру не спалось. Шуршалъ — позванивалъ у окна дождь. Уходилъ сырой громъ, — Кривцову чудилось, что каретныя колесы гудятъ на влажныхъ настилахъ, у въѣзда.

Елагинъ уже похрапывалъ за ширмой, съ высвистомъ печальнымъ, высокимъ. Баккалавру вспомнилось, что магъ приказалъ держать всю ночь огонь въ горнѣ —

— Какъ бы уголья не погасли. —

Онъ поднялся, у самыхъ дверей толкнулъ колѣнями визгнувшее кресло. Канцлеръ высвистывалъ во снѣ нѣкую весьма мирную пѣсенку съ длинными переливами . . .

Потайная дверка въ подвалъ у самой лѣстницы на антресоли, въ шпалерѣ . . . Кривцовъ взглянулъ на верхнюю площадку, гдѣ въ стеклянномъ фонари-

кѣ почудилось намедни озаренное облако, кроткая госпожа Санта - Кроче.

— А что, ежели... Ежели мнѣ въ графскіе покои подняться покуда магъ съ тихой госпожей на куртагѣ. Хотя бы горенки тѣ посмотрѣть, гдѣ пребываетъ она.

И точно вѣтеръ подхватилъ баккалавра. Въ своей каморкѣ, на столѣ, нащупалъ онъ огниво межъ часовыхъ колесъ, книгъ, кусковъ кипариса и мѣднаго лома. Высѣкъ дрожащими руками свѣтъ въ глиняномъ ночникѣ...

Безъ башмаковъ, въ однихъ чулкахъ забрался баккалавръ на антресоли. Нагнулся къ замочной скважинѣ: въ покояхъ Каліостро тьма. Оттуда дунуло холоднымъ вѣтромъ. Слуги ставню забыли прикрыть.

Дверь подалась безшумно подъ рукой баккалавра.

Тусклый ночникъ освѣтилъ пустую прихожую. У голландской печи стоитъ канапэ, гдѣ сиживаютъ, вѣроятно, Жако и Жульенъ. Тутъ воздухъ тяжелый, точно въ звѣринцѣ, пахнетъ птичьимъ пухомъ и шерстью. За канапэ виденъ мѣдный куполъ попугайной клѣтки. «А куда же самъ попугай подѣвался», подумалъ Кривцовъ. «Еще, не ровенъ часъ, клюнетъ изъ тьмы».

А шерстью воняетъ отъ стараго плаща Жако, развѣшаннаго на печкѣ.

Баккалавръ, осмѣлѣвъ, шагнулъ изъ прихожей въ графскій покой.

Разставлены вдоль стѣны деревянныя чушки - болванки съ напяленными париками. Надъ ними,

какъ въ лавкѣ старьевщика, висятъ кафтаны и трости, камзолы помигиваютъ чещуей, золотого шитья, пуговками изъ стекляруса. Чушки париковъ похожи на десятокъ деревянныхъ головъ самого Каліостро, только со стертыми ртами, ушами, глазами. У стѣны громоздится дорожный сундукъ, обитый потертой кожей. Крышка откинута. Сундукъ пустъ.

Не прибрана широкая графская постель, сползло мѣховое одѣяло, нечистые тюфяки сбиты въ пухлую гору, на спинкѣ висятъ для просушки два желтыхъ графскихъ чулка, точно витыя колбасы.

Баккалавръ чихнулъ отъ прокисшаго воздуха.

— Ахъ, нерадивые слуги, вовсе за магомъ не смотрятъ.

А на столѣ великаго мага навалены связки бумагъ, торчатъ изъ песочницъ гусиныя перья, тутъ же сложены ватерпасы, пыльная треуголка, заячья лапка, какой обмахиваютъ пудру съ буклей, сломанная золотая лорнетка, круглое зеркало, масонскіе наугольники, вывернутая лосиная перчатка съ темными пропотѣлыми пятнами на концахъ пальцевъ, масонская красная лента, мѣдное солнце съ мѣдными лучами, кусокъ сургуча, перстень и открытая дорожная шкатулка съ бездной круглыхъ ящичковъ, гдѣ всяческій хламъ: холщевые мѣшечки съ порошками, флаконы, червонцы, роговыя пуговицы.

Столъ Каліостро, какъ весь его кабинетъ, подобенъ дощатому чулану, въ которомъ убираются къ представленіямъ театральные комедіанты.

Кривцовъ развернулъ связку листовъ, похожихъ на обширные архитектурные планы. Это были дипломы масонскихъ египетскихъ ложъ Великой Кофты. Дипломы обрамлялись узоромъ изъ знаковъ Зодіака, семисвѣщниковъ, циркулей, глобусовъ, масонскихъ лопатокъ, молотковъ, мертвыхъ головъ, а мѣсто, куда вписывать имена вновь принятыхъ братьевъ, бѣлѣлось еще пустотой. Но на одномъ было нацарапано латинскими буквами:

— Ivan Perfielievitch Elagine.

«Заготовилъ уже подарочекъ свой» съ непріязнью подумалъ баккалвръ, разглядывая затѣйливый заголовокъ. Былъ тамъ изображенъ крестъ, сотканный изъ лилій. Змѣя обвивала лилейный крестъ, жалила его вершину. А подъ крестомъ напечатанъ девизъ:

— Lilium pedibus destrue . . .

Тутъ послышался баккалавру шорохъ, словно шмыгнула, за спиной мышь или кто - то вздохнулъ.

Кривцовъ медленно оглянулся, а въ стѣнѣ, у графскаго стола, — третья дверь.. Онъ тронулъ мѣдную ручку, дверь заперта на ключъ.

Баккалавръ сѣлъ передъ нею на полъ.

— Вотъ твоя дверь — зашепталъ онъ —. Я знаю, не тутъ въ тѣсномъ чуланѣ, не въ прихожей ты пребываешь. Ты—тамъ, но мнѣ не отпереть твой чудный замокъ, царевна блѣдная, прекрасная Мадонна Италійская, Феличіани.

Онъ говорилъ по-французски, точно бы и вправду не на куртагѣ, а въ запертомъ покоѣ была чужеземная госпожа.

— Ты никогда не узнаешь, какъ тебя полюбилъ бѣдный баккалавръ, варваръ московскій... Знаетъ о томъ только его флажолетъ.

Отъ такихъ словъ баккалавру стало жаль себя, онъ обшлагомъ утеръ слезы:

— Никогда, никогда...

И заглянулъ сквозь слезы въ замочную скважину. И весь содрогнулся:

Изнутри влажно свѣтился чей то живой зрачекъ. Кто-то смотрѣлъ на него изъ запертаго покоя. Кривцовъ вспрянулъ на ноги, но тутъ чья-то ладонь опустилась ему на плечо.

«Магъ, магъ, я погибъ» — затрепеталъ баккалавръ.

— Андрей Степанычъ, пошто, сударикъ, сюды забрался, шептать да въ темени слезы лить — прошамкалъ знакомый старческій голосъ.

— Африканъ! Другъ сердечный, любезный Африканъ, Богомъ Христомъ заклинаю, памятью угодниковъ Саввы, Зосимы, Савватія, Кіевскихъ Чудотворцевъ, Нила Столбенскаго, всѣхъ иже во святѣхъ мученики —

Затрясъ Кривцовъ холодную, жилистую руку дворецкаго.

— Батюшка, руку-то пусти, что ты ровно ошалѣлый.

— Африканъ, заклинаю, никому ни полслова, что меня тутъ застигъ. Ни господину Елагину, ниже самому графу.

— Зачѣмъ сказывать, не скажу, — зашамкалъ старикъ. — А токмо чудно мнѣ, пошто сюда забрался... Обхожу домъ, смотрю огонь свѣтитъ, — ай,

думаю, воры. А замѣсть ихъ—ты. И пошто хаживать въ сей покой, басурменомъ опакощенный.

— Ладно, Африканъ, ладно, — ободрился баккалавръ, сбѣгая впереди дворецкаго съ лѣстницы.

Какъ лягавая послѣ охоты легъ онъ на половичекъ у постели Елагина и уже не слышалъ сырого шелеста каретныхъ колесъ на пескѣ: графъ Фениксъ воротился отъ свѣтлѣйшаго въ четвертомъ часу по полуночи.

Посвѣтало. Канцлеръ кашлялъ со сна, а на верхнемъ углу зеленой ширмы и на голландскихъ печныхъ изразцахъ прохладнымъ румянымъ огнемъ легла косая тропа ранняго солнца...

Визгъ, свирѣпая брань, спугнули свѣтлую тишину спальни.

— Съ нами крестная сила! — выглянулъ изъ за ширмы Елагинъ въ фуляровомъ ночномъ колпакѣ.

На полу спитъ Кривцовъ — блѣдный, съ открытымъ ртомъ. Его раскинутыя руки облиты свѣтлымъ золотомъ зари.

Елагинъ проворно прыгнулъ черезъ спящаго и какъ былъ босой, побѣжалъ отпирать.

За дверями — графъ Фениксъ въ растегнутомъ красномъ кафтанѣ фрамбуазъ, желтоватое жабо слѣзло въ бокъ, выказывая жирную, смуглую шею. Натуженныя щеки надуваются, опадаютъ, какъ багровые мѣшки.

— Воры — воры! — графъ затопалъ ногами на канцлера.

Тотъ присѣлъ, озираясь—гдѣ воры, но стоитъ за графомъ одинъ дворецкій Африканъ, зѣваетъ,

кретя ротъ, и чешетъ подъ жидкой сѣдой косицей затылокъ. Графъ шагнулъ въ кабинетъ.

— Воръ! У меня въ комнатахъ былъ воръ, на столѣ передвинутъ флаконъ съ вербеной и печатка...

— Что украдено? — спросилъ отступая Елагинъ. —

— Ничего... Но у меня былъ чужой, я чую по запаху

Кривцовъ съ просонокъ застегивалъ, невпопадъ, мѣдныя пуговки камзола, когда Каліостро сильно ударилъ его по плечу.

— Ты!

Баккалавръ увернулся. Его кроткое лицо мгновенно ожесточилось —

— Прикажите господину кавалеру не нападать! — крикнулъ онъ Елагину — Кавалеръ нетрезвъ и я не знаю, что ему надобно.

— Ты не знаешь? — графъ, сопя, подступилъ къ баккалавру.

— Не знаю, — въ упоръ посмотрѣлъ на него Кривцовъ. Робость исчезла: не смѣетъ иностранный шушига бить по плечу дворянина императрицы —

— Извольте отъ меня отойти, а не то...

И схватился за эфесъ шпаги, торчащій изъ кафтаннаго кармана.

— Стойте! Въ домѣ моемъ!—Елагинъ хлопнулъ ладонью по эфесу, позвалъ по-русски дворецкаго:

— Разнимай, бѣдены-оба объѣвшись —

Канцлеръ подъ мышки подхватилъ баккалавра, дворецкій за локти потянулъ графа. Тутъ Каліостро поймалъ стараго Африкана за косу.

— Оставь слугу моего! — звонко крикнулъ Елагинъ. — Господинъ Каліостръ, твои поступки безчинны, ты пьянъ, вонъ отседа!

Каліостро выпустилъ жидкую косу, тяжело задышалъ —

— Я требую, чтобы мнѣ помогли искать вора.

— Господинъ Кривцовъ и ты Африканъ,—сказалъ Елагинъ по-русски. — Графъ жалуется, будто нынче въ ночь нѣкто былъ у него въ кабинетѣ.

— Я не былъ, — тряхнулъ головой Кривцовъ.

— Да я, батюшка, былъ, — прошамкалъ дворецкій, подмигнувъ баккалавру.

— Ты? Да какъ-же ты смѣлъ?

— Да чего, батюшка, не смѣть? Домъ-то чай нашъ, а не графской. Коли евонные слуги-лодыри покои намъ пакостятъ, кому прибрать, какъ не мнѣ? Да куды прибрать: конюшня турецкая.

— Ты, Африканъ, гостя моего обзывать подобно не смѣй, — чуть улыбнулся Елагинъ, не переводя послѣднихъ словъ графу.

— А, — а, — а, — недовѣрчиво ворчалъ Каліостро, изподлобья оглядывая всѣхъ троихъ.

Кривцовъ, потупясь, перекручивалъ на камзолѣ самую крайнюю пуговку.

Уходя, графъ нарочно хлопнулъ дверью.

Елагинъ улыбнулся. Кривцовъ тоже. Улыбка все шире, все свѣтлѣе заливала его лицо. Дворецкій жмурился отъ добраго смѣшка, тряся косицей.

— Ишь, Махметъ лысой. Едва остаткіе волосья не вырвалъ!

Заря, румяная и прохладная улыбка освѣтила всю спальню.

— Разумѣешь, Андрей, — подмигнулъ Елагинъ баккалавру. — Дебоширствомъ симъ Каліостръ насъ провести пожелалъ: вздорнымъ и дерзкимъ мнился представиться. По слову твоему глаза намъ думалъ отвесть. Анъ, сударь, не проведешь!

«За то я его знатно провелъ» — весело подумалъ Кривцовъ и пальцы заерзали по кафтану, наровя показать вслѣдъ графу преогромный носъ.

ПОЕДИНКИ.

Prima – Secunda – Tertia
Фехтовальный возгласъ.

Камерюнгферы окутали покатыя плечи государыни московской, шитой въ серебро, тканью яблочнаго цвѣта. Какъ-бы играющей свѣтло-зеленой водой залило Екатерину.

Въ овальномъ зеркалѣ, наклонно отражается Бриллiантовая Зала, яшмовые столики, малахитовый простѣнокъ, часы Золотой Гермесъ на мраморной колонкѣ, и свѣжее лицо государыни въ бѣломъ облакѣ пудреныхъ волосъ.

Государыня оправила на груди красную ленту съ алмазными знаками императорскихъ орденовъ и лукаво посмотрѣла черезъ плечо на свѣтлѣйшаго князя Потемкина.

Высокаго роста, тяжелый, съ ненапудренной темной головой, князь стоялъ за ея туалетомъ, зало-

живъ руки подъ фалды бѣлоснѣжнаго дородороваго кафтана. Князь поворчалъ хмуро, съ хрипцой.

— Андрея Первозваннаго повыше - бы, матушка, наколоть.

Въ зеркалѣ, за бѣлымъ плечомъ императрицы, мелькнуло его оливковое, твердо сбитое лицо съ горбатымъ носомъ, съ двойнымъ подбородкомъ, лицо хмураго римскаго сенатора. Заерошены широкіе брови, какъ черные соболя. Глаза поставлены близко, по птичьи. Одинъ глазъ - сѣрый, холоднаго блеска, а въ другомъ, съ бѣльмомъ, — странно и тускло отражаются свѣчи, какъ въ затянутомъ глазу мертвеца.

— Не грызи, сдѣлай милость, ваша свѣтлость, ногтей: кабинетъ мнѣ засоришь,—усмѣхнулась Екатерина. — Сказывай дальше прожектъ твой... Токмо время - ли, князь, съ добрымъ вѣтромъ привѣтствовать турецкаго султана салютъ пушекъ россійскихъ?

Потемкинъ круто повернулся, какъ блистающій бѣлый столбъ. Упрямо стукнулъ кулакомъ о ладонь, брови — черные соболя — разлетѣлись.

— Время не время, а войны не миновать. Крымъ долженъ быть въ предѣлахъ россійскихъ. Ужо, заерошитъ Стамбулу бороду сѣверный Орелъ... Въ Царьградѣ положено быть твоей разиденціи, государыня.

— Далече, ваша свѣтлость, летаешь. Одинъ глазъ, а смотри, куда смотритъ... Завтрева поговоримъ.

Ставъ на одно колѣно, Потемкинъ поцѣловалъ продолговатую ладонь Екатерины. —

— Величіе Имперіи Россійской должно быть равнымъ свѣтлому величеству твоему.

— Встань, князь - льстецъ. Да помилюй Богъ, ногтей не грызи .. Разгрызся. Али въ несносной скукѣ имѣешь быть обрѣтаться?

— Подходитъ, матушка, сія мрачность и бездѣльность моя, запрусь, въ халатъ грязный влѣзу, да зачну небритой, нечесаной каноны Спасителю сочинять.

— Что, князь, али госпожа Санта - Кроче огорчила, ласкательства ваши отвергнуть изволивъ?

Сѣрый глазъ князя блеснулъ удивленно —

— Какъ, и о семъ уже вѣдомо?

— О васъ, старій другъ, мнѣ все вѣдомо. Волочилась ваша свѣтлость за сей авантюркой?

— Точно, поволочился, да она, какъ рыба мороженая, какъ ледъ, а то кукла, только и есть: «О, mio carissimo . . .» А кавалеръ Каліострь ею явно торгуетъ. Гнала бы ты сего лысаго демонологій учителя отседова прочь.

— Вигоню, обожди . . . А тебѣ совѣтъ въ затрапезной халатъ не влѣзать: перья отъ бездѣлья, князь - орелъ, полиняютъ. А лети - ка ты, Гришенька Одноглазка, обозрѣть страны тѣ полуденныя, да . . .

Государыня вдругъ обернулась, живо хлопнула камерюнгферу по рукѣ —

— Прошу, мой дѣвушекъ, убрать свѣжую розу, изсохнутъ . . . Я жаркая: въ пяти минутъ цвѣтокъ на мнѣ вянетъ . . . Ну, гдѣ же корона?

Вспыхнула бѣлымъ огнемъ маленькая брилліантовая корона на головѣ императрицы.

До Брилліантоваго Кабинета, до Бронзоваго Кабинета, до Кабинета Цвѣта Табакерки доносится изъ аванзалъ глубокій и торжественный гулъ придворной толпы. Сегодня Ея Величество принимаетъ посла Его Всехристіаннѣйшаго Величества Французскаго Короля и при дворѣ объявленъ съѣздъ на baise - maine.

Потемкинъ сильно распахнулъ двери краснаго дерева, украшенныя бронзовыми щитами, кадуцеями и головами медузы. Кавалергарды въ блистающихъ броссарахъ — налокотникахъ, въ серебряныхъ шишакахъ, съ бѣлосиними опереньями, перезвякнувъ палашами, отдали императрицѣ салютъ.

Межъ шпалеръ рослыхъ конногвардейцевъ въ серебряныхъ кирасахъ, поверхъ которыхъ накинуты супервейсы краснаго бархата съ серебряными орлами, шла медленно государыня къ параднымъ заламъ. Передъ императрицей торжественно шествовали кавалеры двора въ короткихъ бархатныхъ плащахъ, застегнутыхъ у плечъ изумрудными аграфами. Государыня попути вынула изъ кармана янтарную коробочку и налѣпила забытую бархатную мушку, у ямки, на щекѣ.

Гофмаршалъ въ кафтанѣ бѣлаго бархата съ золотыми травами, махнулъ рукой, прошипѣлъ:

— Ш - ш - ш - ш

Заволновались бѣлыя облака головъ, зеленыя, палевыя, оранжевыя, персиковыя пятна кафтановъ, точно волна теплаго вѣтра обдала лицо государыни, — съ тихимъ шумомъ склонились всѣ въ глубокомъ поклонѣ.

Съ хоръ грянула кантата:

Вездѣ твои орлы, монархиня, парятъ.

Вездѣ твой громъ гремитъ и молніи горятъ...

Французскій посолъ, смуглый маленькій человѣчекъ въ кафтанѣ небесноголубого цвѣта двинулся государынѣ на встрѣчу. Онъ смѣло поднялъ голову, началъ заготовленную рѣчь:

— Le roi mon maître...

И смѣшался, блѣднѣя: блистательная императрица, сіяющій мраморъ — властно и пронзительно холодно смотрѣла на него.

— Le roi mon maître, le roi mon maître . растерянно бормоталъ французъ.

— Il est des mes amis — улыбнулась Екатерина. Сіяющій мраморъ ожилъ, она протянула послу руку.

Запѣли валторны, кларнеты, фаготы. Ея Величество объ руку съ генеральсъ - адьютантомъ открыла балъ минуэтомъ à la Reine.

Отъ бронзовыхъ часовъ съ Трубящей Славой, два морского флота констапеля съ фрегатовъ «Святой Евстафій» и «Гекторъ», — Люсьенъ Леруа и долговязый шотландецъ Крюйзъ, уже отвѣдавъ дворцовыхъ шербетовъ и лимонадовъ, слѣдили за танцорами. Въ тотъ вечеръ придворные скрипачи играли новый концертъ господина Моцарта. Констапель Леруа толкнулъ локтемъ долговязаго, съ выцвѣлыми голубыми глазами, товарища, который отдалъ честь пуншу еще на кораблѣ и потому былъ не совсѣмъ твердъ на ногахъ. Впрочемъ и Леруа почему - то подмигивалъ Трубящей Славѣ —

— Смотрите, милый Крюйзъ, Сама танцуетъ съ фаворитомъ.. Гвардейскій щенокъ. У него блистаютъ глаза. Онъ отлично изображаетъ влюбленнаго... Это безчестно, быть поденщикомъ Амура у старѣющей дамы.

— Я думаю, да... Но, любезный Леруа, я давно слѣжу за этимъ мальчишкой. Его глаза горятъ неподдѣльнымъ восторгомъ, когда онъ смотритъ на Augustissimy Я склоненъ думать, я склоненъ...

Констапелю Крюйзу никакъ не сказать, къ чему онъ склоненъ —

— Сѣдалище зловоннаго діавола, — выругался шотландецъ затѣйливо.

— Тише, Крюйзъ, эти шаркуны могутъ слышать.

— Я склоненъ думать, что кавалергардскій молодчикъ не на шутку влюбленъ въ нашу belle-femme.

Констапель Леруа весело подмигнулъ Трубящей Славѣ, точно хотѣлъ сказать: «Вы только послушайте, что плететъ мой дуралей».

— Увѣряю васъ, камрадъ. Русскіе, конечно, свиньи, но русская императрица, которой мы имѣемъ честь служить, — даю вамъ слово шотландца, — прекрасна.

— Да... Но она въ два раза старше этого мальчишки, хороша любовь.

— Бываетъ, камрадъ. А къ тому же не вижу, въ чемъ ея старость. Я замѣтилъ, что женщинѣ съ хорошимъ цвѣтомъ лица и бѣлыми зубами можетъ быть подъ пятьдесятъ, а она выглядитъ, какъ молодая дѣвушка... У насъ въ Лондонѣ... Я разскажу вамъ одну лондонскую исторію... Млад-

шій сынъ чопорной шотландской фамиліи, молодчикъ его лѣтъ, полюбилъ актрису лондонской оперы. Ее звали Эліара Орэ. Увѣряю васъ, Орэ была старше нашей belle - femme, а онъ моложе Ланского. У мистриссъ Орэ были чудовищные долги. Мальчишка разорился, едва не разорилъ отца, былъ выгнанъ изъ дому Короче сказать — этотъ мальчишка передъ вами. Правда, онъ постарѣлъ лѣтъ на двадцать.

Леруа блеснулъ зубами —

— Какъ, Крюйзъ, кромѣ пунша вы знали любовныя исторіи? А что же съ мадамъ Орэ?

— Мадамъ давно померла, помяни, Господи, ея душу... Я только хотѣлъ сказать, что императрицы, какъ и актрисы, никогда не старѣютъ.

— Афоризмъ не плохъ даже и для Вольтера.

Морскіе капитаны поспѣшно отошли отъ Трубящей Славы, на нихъ плавно надвинулась волна танцоровъ.

Баккалавру не удалось протискаться дальше аванзалы, до верху увѣшанной портретами. Придворные щеголи съ висками, причесанными aîles du pigeon, кавалеры въ щелковыхъ чулкахъ grande tenue, оттѣснили Кривцова за колоннаду. Жалъ подъ мышками персиковый кафтанъ, надѣваемый лишь къ свѣтлымъ праздникамъ, да къ дворцовымъ выходамъ, оттягивали голову букли алевержетъ и тонкая проволока, вплетенная въ косицу.

Толпа оттѣснила за колоннаду и Никиту Шершнева. Съ того дня, какъ молочные братья повстрѣчались въ трактирѣ «Демута», Шершневу улыбну-

лась фортуна: самъ свѣтлѣйшій взялъ его въ адъютанты.

— Смотри, вотъ мой афинейскій Альцибіадъ — кивнулъ Шершневъ въ глубину анфиладъ. Въ тѣсной толпѣ высилась надъ пудренными головами орлиная, гордая голова князя Потемкина.

— А тотъ-то, на кривыхъ ножкахъ, въ кошелькѣ и при шпагѣ, что подлѣ свѣтлѣйшаго лебезитъ. Тоже придворный чинъ, бригадиръ Хованской... Лишился онъ милостей государыни Елизаветы Петровны, у коей былъ пажемъ, за то, что засталъ ее на суднѣ.

— Да придержи ты языкъ, — робко дергалъ его за рукавъ баккалавръ. — Сущій безстыдникъ.

— Нѣтъ, ты туда посмотри: вонъ старичекъ, весь въ звѣздахъ, паричишко плюгавый... На случай любовныхъ шалостей прелестной супруги его ни одинъ столяръ не могъ еще сдѣлать надежной кровати.

— Ахъ, Шершня, — покраснѣлъ Кривцовъ. — И гдѣ ты храбрости набрался?

— Въ прихожей свѣтлѣйшаго. Я нынче въ силѣ. Не то, что ты; сидишь сычемъ со своимъ Елагинымъ чернокнижнымъ.

И тутъ - же схватилъ руку Кривцова —

— А, и кавалеръ Каліостръ изволилъ пожаловать, магъ плѣшивой. А съ нимъ и графиня —

Баккалавръ не узналъ графа. Въ черномъ шелковомъ кафтанѣ и въ черныхъ чулкахъ, только жабо пѣнится на груди пышной пѣной, Каліостро ловко и быстро двигался въ толпѣ, ведя за руку Санта - Кроче. Странны и жалостны показались

Кривцову ея широко раскрытые, смотрящіе вдаль глаза.

— Прекрасная госпожа, — пробормоталъ онъ.

— Ты о комъ?

— О Санта-Кроче. Нѣтъ прекраснѣе сея госпожи во всемъ свѣтѣ.

Шершневъ прыснулъ, прикрывъ ротъ ладошкой.

— Дуракъ! Да Санта-Кроче гульбишная дѣвка обычная, графъ ее всякому за горсть червонцевъ продастъ. Да свѣтлѣйшій со двора ихъ прогналъ... Сущая дрянь твоя Санта-Кроче.

— Шершневъ, не смѣй имя госпожи поносить!

— Да ты кто? Или за одно съ Каліострой ею торгуешь?

Лицо баккалавра исказилось.

— Никита, не смѣй. Что тебѣ содѣлала сія кроткая госпожа?

— А тебѣ что содѣлала, что ты ей такой секурсъ подаешь? Сущая дѣвка и все.

— Подлецъ! — вскрикнулъ Кривцовъ.

— Кто подлецъ, я? И разговаривать съ тобой тутъ не буду, сатисфакціей мнѣ отвѣтишь.

— Хотя бы нынче.

— Такъ идемъ, ученая крыса!

Шершневъ зашагалъ противъ толпы, за нимъ Кривцовъ. На нихъ оглядывались, отъ нихъ отскакивали, они наступали на многіе башмаки, чуть не опрокинули у самаго выхода горящій канделябръ. Старикъ кофешенкъ, свѣсивъ голову, сверху смотрѣлъ, какъ они бѣгутъ внизъ по лѣстницѣ: —

— Животы, что-ль, у молодыхъ людей прохватило?

Громоздятся у дворцоваго въѣзда семистекольныя золоченыя кареты, берлины, рындваны. Кричать гайдуки, бичи хлопають, какъ пистолетные выстрѣлы.. А подъ сырыми деревьями Лѣтняго Сада — безлюдье, тишина, тьма. Едва свѣтится желтоватая полоска неба надъ Невой. У отлогаго берега спитъ одинокая барка высокой тѣнью.

— На шпагахъ съ молочнымъ братцемъ биться восхотѣлъ, изъ-за дѣвки! — размахивалъ руками Шершневъ. — Безстыжая твоя рожа, франкъ-масонъ, Каинъ.

— Никита, да я...

— Молчи! Еще въ Москвѣ въ бытность нашу въ школѣ университетской примѣчено мною, что ты скрытный хитрецъ, книжникъ сопливой, я тебя проучу!

— Опомнись,—уговаривалъ друга баккалавръ— не желалъ я обидѣть, но почто ты бранью обнесъ госпожу?

— Молчать! Пустилъ подлеца, да въ кусты! Нѣтъ, изволь отвѣчать по правиламъ французскаго артикула о чести: въ позицью!

Мгновенно сверкнула гибкая дуга шпаги.

Клинокъ пронзительно засвисталъ у лица, у груди баккалавра. Шершневъ наступаетъ, выкрикивая: —

— Prima — Secunda — Tertia!

Кривцовъ отбѣжалъ, выхватилъ шпагу. Наотмашь отбилъ ударъ. Зазвякала, зачиркала сталь. Въ темноту посыпались искры. Противники ды-

шали сквозь ноздри, подпрыгивали, присаживались, отбѣгали какъ кошки и сходились, заложивъ одну руку за спину

Клинокъ Кривцова вдругъ устремился во что-то мягкое, податливое.

— Хр-хр-хр — по собачьи закашлялъ Шершневъ.

Кривцовъ дернулъ шпагу назадъ. На руку обильно полилось что-то теплое.

— Никита! — бросился Кривцовъ къ другу.

Тотъ медленно опускался въ траву, точно пробовалъ, гдѣ удобнѣе сѣсть, ловилъ воздухъ руками —

— Убилъ ты меня, — прохрипѣлъ Шершневъ, — убилъ, братъ, Андр...

И палъ въ траву, на животъ, подогнувъ руку вверхъ горстью.

Все стихло. Сквозь темные листья страшно смотрѣла блѣдная полоса неба, страшенъ сталъ гулъ каретныхъ колесъ у дворца, крики гайдуковъ, хохотъ форейторовъ.

Сырые шаги послышались на аллеѣ.

Кривцовъ широкими прыжками, какъ заяцъ, надъ которымъ уже трубятъ рога доѣзжачихъ, кинулся къ набережной. Загнутый крюкъ косицы хлещетъ по щекамъ. «Трусъ, трусъ — брата бросилъ» — но слышался гулъ страшной погони, свистъ арапника.

Огненныя дворцовыя окна, семистекольныя кареты, форейтеры, громоздкіе берлины, полосатыя будки, часовые, барки, весь Санктпетербургъ, вся Имперія погналась за нимъ.

А во дворцѣ минуэты смѣнялись гавотами, англэзами, граціознымъ танцемъ экосезъ и чиннымъ гроссъ - фатеромъ.

Дамы, обмахиваясь павлиньими вѣерами, поглядывая въ нагрѣтое восковымъ огнемъ зало, разсаживались вдоль штофныхъ стѣнъ, подъ зеркалами. Дамы видѣли, какъ иностранецъ въ черномъ кафтанѣ подвелъ за руку къ генеральсъ - адьютанту прекрасную и нѣжную госпожу, окутанную волнами бѣлаго флера, въ любопытномъ парижскомъ уборѣ, — расцвѣтающая пріятность.

Ланской освѣжалъ лицо у открытаго окна. Онъ смотрѣлъ на темныя кущи деревъ Лѣтняго Сада. Пустымъ Невскимъ берегомъ стремглавъ пробѣжалъ человѣкъ.

— Не воръ ли? — подумалъ Ланской. И тутъ за его спиной кавалеръ въ черномъ кафтанѣ сказалъ сипло и вкрадчиво:

— Добрый вечеръ, господинъ генералъ, поклонись же, графиня.

Ланской тревожно метнулъ горячими глазами:

— Господинъ де - Каліостръ, что вамъ надобно отъ меня? И какъ проникли вы во дворецъ?

— О, ради одного васъ, — поклонился Каліостро, хлестнувъ сивыми буклями по ладонямъ Ланского. Тотъ брезгливо отдернулъ руку.

— Вы непристойно преслѣдуете меня, господинъ Каліостръ.

— Клянусь Мадонной, не я, а она . Подойди же ближе, графиня.

Каліостро потянулъ за руку Санта-Кроче, графиня вздохнула, обдала Ланского теплымъ дыханьемъ, прошептала жеманно и страстно:

— O, mio carissimo . . .

— Графиня, графъ, прошу васъ отойти, ваши любезности мнѣ докучливы.

— Господинъ генералъ, но вы не отказываетесь отъ любви прекрасной дамы ? Клянусь, она будетъ вашей, если вы добьетесь у государыни позволенія открыть въ Имперіи заводы для дѣланія золота . . .

Графъ Фениксъ смотрѣлъ на Ланского въ упоръ тяжелымъ, злымъ взглядомъ:

— Я готовъ передать вамъ, господинъ генералъ, секретъ дѣланія золота. Соглашайтесь, Ланской, соглашайтесь . .

И тутъ, изъ глубины залы, отъ карточныхъ столовъ послышался зовущій голосъ Екатерины:

— Александръ Дмитріевичъ, гдѣ вы? Пойдите, батюшка, сюда, а то мы въ фараонѣ вовсе нещастливы.

Графъ Фениксъ съежился, глаза погасли. Ланской провелъ ладонью по лицу —

— Что вы болтаете, Каліостръ, какъ смѣете вы болтать, плутъ, ярмарочный обманщикъ.

Эти слова Ланской слышалъ утромъ отъ государыни.

— Какъ смѣешь ты, заѣзжій лысый чортъ, шептать мнѣ низкіе твои прожекты? —

Ланской такъ прикрикнулъ на графа, что дамы остановили маханіе павлиньихъ вѣеровъ, повернули головы —

— Всесвѣтный плутъ, магъ лжи, тутъ не надобны твои фокусы, — прочь!

Тощія, высохшія отъ ветхости красавицы прошлаго царствованія, сидѣвшія какъ нарумяненныя муміи у зеркальныхъ простѣнковъ, наклонили другъ къ другу свои мудренныя кауфюры, заговорили всѣ разомъ:

— Фаворитъ - то, сударыньки, фаворитъ... Самого Каліостра осрамилъ.

Графу Фениксу всѣ уступали дорогу со смѣхомъ, кто - то подставилъ ножку. Каліостро, рыча, перескочилъ.

Волоча за собой Санта - Кроче. Онъ сбѣжалъ съ лѣстницы. У кареты Жако и Жульенъ подхватили графиню подъ руки. Каліостро, оскаленный, взбѣшенный, рванулъ жабо, кружева съ трескомъ лопнули. —

— А, мальчишка, московъ, теленокъ Астреи, я припомню тебѣ!..

Пушечной пальбой загремѣли колеса графскаго дормеза по настиламъ моста.

ТРИ БУКВЫ.

На краткій мигъ моя,
Потомъ на вѣкъ
Я — для тебя.
Старинный романсъ.

Яличникъ, заспанный парнишка безъ шапки, — невскій вѣтеръ трепалъ всю дорогу его бѣлесные волосы, — перевезъ баккалавра на Островную Сторону. Кривцовъ лежалъ въ лодкѣ ничкомъ.

Заскрипѣли уключины, парнишка зацѣпилъ багромъ деревянную свою —

— Вылѣзай гвардея — сказалъ онъ разсудительно. — Было-бъ вина не пить, а то вишь раскуражился... —

Кривцовъ отсыпалъ ему въ рваную шапку мѣдяковъ.

Погашеннымъ, темнымъ стоялъ дворецъ Елагина. Баккалавръ отперъ ночную калитку за сараемъ, прошелъ къ себѣ и, какъ былъ, въ шляпѣ и въ парадномъ кафтанѣ легъ на жесткій диванъ, задѣвъ головою «Похищеніе Европы». И тутъ же вспрянулъ со стономъ —

— Убилъ, убилъ!

— Изъ за тебя, Феличіани, изъ за тебя — бормоталъ онъ лихорадочно высѣкая огонь.

И заслонивъ свѣчу ладонью, крадучись пробрался на антресоли...

Запахъ птичьяго пуха, шерсти, кислый воздухъ Каліострова чулана обдалъ его. Кривцовъ сѣлъ на корточки передъ таинственной, третью дверью —

— Госпожа, слышишь ли, знаешь ли, за одно имя твое я убилъ...

Баккалавръ шепталъ, плакалъ, клялся и молился у запертаго покоя.

Вдругъ въ замочной скважинѣ щелкнулъ ключъ. Медля, толчками, дверь стала пріотворяться. Кривцовъ отшатнулся. На порогѣ въ бѣлыхъ одеждахъ — какъ мертвая въ саванѣ — стоитъ Санта-Кроче, въ рукѣ горящая свѣча. Сіяютъ влажные глаза.

— Не пугайтесь, мой кавалеръ, — груднымъ голосомъ сказала графиня. — Не дрожите такъ, бѣдный московъ.

— Чуръ меня, чуръ... Видится мнѣ...

— О, нѣтъ... Отнюдь не видѣніе, а живая Санта-Кроче, которую тронули до слезъ ваши горячія признанія и печальныя жалобы вашего флажолета. Неправда - ли, концерты на разсвѣтѣ были для меня?

— Да, для васъ, да—заикаясь отъ страха бормоталъ Кривцовъ.

— И вотъ я отперла дверь. Войдите. Странное ночное приключеніе...

Тутъ Санта - Кроче закашлялась, прикрывая ротъ шелковымъ платкомъ. Передохнула.

— Я очень больна, мой ночной кавалеръ... — Войдите.

Въ горенкѣ Феличіани надъ чисто застланной постелью мраморное Распятіе, у изголовья брошена на кресла крошечная книжка, католическій молитвенникъ.

— Не понимаю, не понимаю, — озирался Кривцовъ — Санта - Кроче во дворцѣ, Санта - Кроче тутъ... Двѣ Санта - Кроче.

— Не бойтесь: Санта - Кроче только тутъ.

И протянула руки. Баккалавръ сжалъ ея горячія ладони, заглянулъ въ темные, влажные глаза —

— Ты, — только ты, Санта - Кроче?

— Конечно же, а тамъ, во дворцѣ, — фантасъ, выдумка.

Въ маленькомъ покоѣ, за чуланомъ, госпожа и баккалавръ бесѣдовали въ полголоса. При тускломъ

свѣтѣ ночника Кривцовъ замѣтилъ, что на его пальцахъ и кружевахъ запеклась кровь.

— Боже, я убійца!

— Успокойтесь, мой бѣдный кавалеръ... Отъ невѣрнаго удара шпаги, въ потемкахъ, не умираютъ мгновенно: я думаю, вашъ другъ раненъ.

— Раненъ? Помоги, Богородица.

Баккалавра ободрилъ этотъ грудной, легкій голосъ.

— Ваши признанія, мой кавалеръ, такъ горячи и сердечны... Выслушайте и мои: Джу дѣйствительно показываетъ всему свѣту ту госпожу Санта-Кроче.

— Какой Джу?

— Каліостро. Его зовутъ Джу.

— Великій магъ создалъ вашъ двойникъ?

— Магъ? Какой же Джу магъ? Впрочемъ, точно не знаю. Онъ очень хитрый... Дайте мнѣ слово, что вы никому не откроете одинъ изъ секретовъ его.

— Даю...

— Слушайте... Мы бродили тогда по Германіи. Въ Гейдельбергѣ или въ Штутттартѣ, забыла городъ, но прозвище трактира, гдѣ мы стояли, мнѣ памятно — «Голубые Олени» —, осенью, трактирщикъ такъ дурно топилъ нашу комнату, что я стала кашлять... Вы знаете, кавалеръ, что Джу таскаетъ меня по всему свѣту для своихъ магическихъ опытовъ, которые отнимаютъ мои послѣднія силы. Я была и раньше очень слаба, а въ «Голубыхъ Оле-

няхъ» у меня открылась грудная болѣзнь... Джу, — по правдѣ сказать Джу добрякъ — онъ много болтаетъ, часто вретъ, бѣсится, морочитъ дураковъ но онъ добрякъ, повѣрьте мнѣ. Вѣдь я отдала ему молодость, — Джу торговалъ когда-то пластырями и эликсирами на итальянскихъ ярмаркахъ, когда-то мы любили другъ друга... Но, о чемъ я? Да, Джу считаетъ себя врачемъ. Въ «Голубыхъ Оленяхъ» ему удалось поднять меня на ноги, но въ Митавѣ я снова простудилась, а въ вашей суровой Московіи, гдѣ и лѣтомъ дуютъ вѣтры отъ ледяныхъ морей, я слегла. И вы видите меня тутъ, въ тайномъ покоѣ, взаперти... Джу скрываетъ меня отъ всего свѣта... Джу никому не посмѣетъ признаться, что его блистательная Феличіани, непобѣдимая красавица, вѣчноюная Венера, совершеннѣйшій образецъ его жизненныхъ эликсировъ, прекрасная графиня Санта-Кроче, слава о которой гремитъ по всѣмъ королевствамъ, — больна, похудѣла, старѣетъ и скоро умретъ, какъ умираютъ всѣ... Посмотрите, у чахнущей Венеры лихорадочный румянецъ на впалыхъ щекахъ.

— Боже, — страдая и сожалѣя, стиснулъ руки Кривцовъ.

Феличіани отвела съ виска темную прядь. Ея тонкія ладони тихо пали на колѣни.

— Я говорю вамъ все, въ надеждѣ на вашу честь и молчаніе, мой кавалеръ... И теперь я помогаю Джу въ магическихъ опытахъ. Безъ меня они неудачны. Джо румянитъ, сурмитъ меня, какъ куклу, и вывозитъ въ собранья.

— Такъ значитъ это вы летали въ ложѣ-Гигея вокругъ его шпаги, по воздуху?

— Я была въ Гигеѣ, но ничуть не летала. Я безкрылая, мой бѣдный мечтатель... Каліостро дѣлаетъ такъ, что всѣмъ чудится. Я вамъ скажу

Санта - Кроче, наклонилась къ уху баккалавра:

— Я думаю, что Каліостро несчастный обманщикъ.

— Почему несчастный?

— Слушайте... Въ «Голубыхъ Оленяхъ», въ отчаяніи что я умру, онъ обезумѣлъ, онъ рычалъ, онъ страшно проклиналъ и Сладчайшее Сердце Іисуса и Дѣву Марію. Вѣдь безъ меня его опыты неудачны... Тогда то въ бѣшенномъ ропотѣ на небеса, надписалъ онъ на дипломахъ свой девизъ «Lilium pedibus destrue» — еретикъ, богохульникъ — онъ мнѣ не давалъ умереть покойно—«Феличіани, если проклятая, смерть похититъ тебя — тогда на небѣ тотъ же обманъ, тогда тамъ такой же кавалеръ Каліостро, какъ я, который дурачитъ насъ всѣхъ»... И однажды онъ привелъ съ собою бродячаго хромоногаго музыканта. Это былъ сумасшедшій нѣмецъ съ всклокоченными волосами, одинъ глазъ у него косилъ. Я помню, что одинъ глазъ былъ у него карій, а другой голубой, какъ стекляшка. Онъ носилъ зеленый, штопанный сюртукъ, закиданный табакомъ, а звали его Іоганнъ - Готлибъ - Терезія Купенфатеръ. Онъ былъ скрипачемъ королевскаго оркестра, продавцомъ лекарствъ, поэтомъ, изобрѣтателемъ и баварскимъ иллюминатомъ. Этотъ хромогій чортъ продалъ Джу свое послѣднее изобрѣ-

теніе, механическую куклу, ту Санта-Кроче, которую вы видѣли въ сундукѣ.

— Госпожа изъ сундука — кукла?

— Конечно. Развѣ вы не читали о механическихъ музыкантахъ, о танцующихъ маріонеткахъ, составленныхъ изъ шелка, кружевъ и пружинъ. Купенфатеръ и Каліостро смастерили механическую Санта-Кроче. Она очень сложна: внутри переливается въ сосудахъ ртуть и воскъ, всегда подогрѣваемые лампой, которая горитъ тамъ, гдѣ у насъ желудокъ и сердце. Ея кожа изъ тончайшаго китайскаго шелка, а подъ кожей теплый воскъ и стальныя шарниры... Правда, ей нельзя долго быть среди многихъ свѣчей и гдѣ воздухъ нагрѣтъ; отъ дыханія Санта-Кроче можетъ растаять...

— Кукла, кукла, — бормоталъ Кривцовъ.

— Каліостро сказалъ мнѣ: «Пойми, Феличіани, этимъ дуракамъ нужна мечта, обманъ. Когда ты умрешь, пусть они бѣгаютъ за восковой Санта-Кроче, покуда она не растаетъ»... Не правда ли, онъ грубъ, Джо?.. Я скоро умру, а будетъ жить обманъ... Мы поквитались, кавалеръ: вы узнали мою тайну Бѣдный влюбленный, оставьте зачахлую Венеру. Выдумка Каліостро, Венера на Шарнирахъ, чудеснѣе моей скучной правды.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы прекрасны и предъ лицомъ грацій, кроткая госпожа!.. Клянусь, жизнь мою готовъ бы отдать, чтобы вы жили.

Баккалавръ опустился на колѣни, горячія ладони итальянки обхватили ему голову. Ея глаза странно блеснули, губы вспыхнули яркой кровью:

— Кавалеръ, ты полюбилъ меня?

— Люблю, люблю, глотая слезы шепталъ баккалавръ.

— Но ты забылъ о философскомъ камнѣ...

— Философскій камень? Ахъ если - бы найти его для тебя... Но почему ты вспомнила о камнѣ?

Санта - Кроче коротко разсмѣялась: —

— Я пошутила... философскаго камня нѣтъ, а золото, которое вы ищете, — обманъ... Каліостро бредетъ на угадъ... Какъ алхимикъ, сошедшій съ ума, онъ мѣшаетъ старинныя формулы, вычисленія, знаки — «А вдругъ, Феличіани, найдется секретъ дѣланья золота?» — говоритъ Джу Джу ничего не знаетъ... Но когда я смотрю на васъ, мой бѣдный влюбленный, мнѣ вспоминается, что истинный философскій камень есть. Каліостро и я — мы когда - то знали о немъ... Когда - то... Но мы забыли...

— А, философскій камень все - таки есть! — вскрикнулъ баккалавръ.

Мягко, точно стыдясь движенія своего, Феличіани чуть сжала его щеки ладошами, приподняла ему голову, приблизила мерцающіе глаза. Рѣсницы защекотали лобъ баккалавру —

— Есть, мой бѣдный влюбленный, есть... Онъ уже былъ, когда родилось солнце, дохнулъ первый вѣтеръ, зашумѣла волна... Слушай, я вспомнила... Вотъ магическая формула: первая буква — А, вторая — М, третья — О...

И вдругъ оттолкнула его голову, приложила палецъ къ губамъ.

— Стукъ колесъ, — онъ!

— Госпожа, букву!

—Уходите, до ночного свиданія, — умоляю, бѣгите!

— Букву! букву!

Но Санта - Кроче толкала его къ порогу.

Баккалавръ подхватилъ свѣчу и саженными шагами пролетѣлъ лѣстницу.

Онъ обогнулъ уже ротонду, когда навстрѣчу, изъ-за угла вышли Жако и Жульенъ со свѣчами, а за ними, въ прозрачныхъ одеждахъ, въ уборѣ расцвѣтающихъ прелестей, шла Санта - Кроче. Ея сіяющіе глаза смотрѣли передъ собою, нѣжныя ноздри сквозили розоватымъ, теплымъ свѣтомъ.

— Почему вы бродите тутъ? — сипло окликнулъ Каліостро.

Баккалавръ поклонился, скрывая усмѣшку —

— Господинъ магъ, по вашему приказанію я иду въ погребъ слѣдить за секретными сплавами.

— А .   а, въ погребъ . . .

Шествіе завернуло за уголъ. Теперь баккалавръ не удержался и показалъ Каліостровой спинѣ носъ . . .

Многія приключенія свалили Кривцова съ ногъ, едва онъ добрался до «Похищенія Европы».

Сѣдой гофмейстеръ, сидя верхомъ на ретортѣ, гдѣ кипятъ зеленыя саламандры, закружился по комнатѣ, натыкаясь на своды и грозя баккалавру пальцемъ —

— Главное, Андрей, смѣйся . . . Богъ любитъ веселыя сердца.

Черная лягушка въ бѣломъ жабо, — кавалеръ Каліостро — запрыгалъ на корточкахъ, — тутъ-же вбѣжалъ красный пѣтухъ, Шершневъ въ красномъ мундирѣ, закукурекалъ, хлопая крыльями. — Убилъ, ку-ку, убилъ ре-ре!

— Нѣтъ, не убилъ...

Въ покой вошла Санта-Кроче. Покашляла. Лихорадочный румянецъ на впалыхъ щекахъ. А на ладони у Санта-Кроче танцуетъ другая Санта-Кроче, восковая куколка въ шелковомъ робронѣ, она показываетъ баккалавру носъ.

Покой облился свѣтомъ. Озарились скрипичные грифы, стали качаться, повертывать свои орлиныя головки. Весело завертѣлось на гвоздѣ «Похищеніе Европы». Пружины, колеса, мѣдныя гирьки сами поползли по столу, собираясь въ часовые механизмы. Часы дружно затикали. Скрипки затянули хоромъ въ квинту кантату. А Санта-Кроче, подмигивая, запѣла:

— Первая буква — А, вторая — М...

— М-м-м — мычалъ во снѣ баккалавръ.

Подъ закрытыми вѣками, его глаза вертѣлись какъ глобусы...

Развсѣтный дымъ скользилъ сѣрыми призраками въ узкихъ зеркалахъ, тускло смотрѣвшихъ со шпалерныхъ простѣнковъ.

Въ тѣсномъ рабочемъ кабинетѣ, окнами на Фонтанку, императрица, въ ночномъ шлафорѣ, во флеровомъ чепцѣ, вбокъ сбитомъ, писала что-то при догорающихъ и уже ненужныхъ свѣчахъ.

Въ кабинетъ тихо вошелъ Ланской.

— Пренесносно, — оглянулась Екатерина. — Письма не дадутъ дописать. Чортъ возьми, что вамъ надобно?

— Государыня—по дѣтски заметалъ рѣсницами генеральсъ - адьютантъ. — Уже свѣтаетъ, вы утомляете себя . . .

— Отмѣнно благодарствую за подобную забота, но ты не нянька, а у меня спѣшная эштафета Сибирскому генералъ - губернаторъ . . . Когда пришелъ, садись, я дописывать стану.

Она стукнула гусинымъ перомъ о чернильницу, задержала руку —

— Постой, мысли мнѣ перепуталъ.

Императрица, думая, почесала голову курчавымъ концомъ пера.

— О чемъ я ? Да, Ланской, имѣю претензія на тебя: нынче во дворцѣ, на людяхъ былъ ты весьма неучтивъ съ симъ Каліострой.

Ланской покраснѣлъ, потупилъ глаза.

— Прости, государыня . . . Одной милости прощу: вышли его и ее.

— Ее? — пристально посмотрѣла Екатерина на генеральсъ - адъютанта.—Точно, Каліостро изгнать надобно, понеже столица моя — резиденція дураковъ для его обмановъ и каверзъ . . . Но почто же ее, Санта - Кроче, графиню, красавицу знаменитую?

Ланской, какъ виноватый мальчикъ спряталъ лицо въ ладони.

— Александръ Дмитріевичъ, что съ тобой?

Отъ шеи, по щекамъ, до висковъ, лицо императрицы залилось красными пятнами.

— Александръ, или ты, ты...

— Нѣтъ, нѣтъ — ничего!

Точно защищаясь генеральсъ-адьютантъ упалъ на колѣни. Императрица щелкнула пальцами.

— Постой... Она смутила тебя? Не ври, смутила?

— Да... Государыня, они оба страшатъ, преслѣдуютъ меня, — прогони ихъ.

Екатерина, потеребила Ланскому уши, затормошила пушистые волосы, разсмѣялась —

— Экой чудакъ, красавица ему въ руки идетъ, а онъ ее прогнать проситъ. Такъ быть по сему. Вышлю я Каліостро... Понеже Имперіи Россійской врали и обманные прожектеры ненадобны вовсе...

ФИЛОСОФСКІЙ КАМЕНЬ.

Freundschaft, Liebe, Stein der Weisen,
Diese dreie hört' ich preisen,
Und ich pries und suchte sie,
Aber — ach! ich fand sie nie.

Heine.

Къ сумеркамъ графъ Фениксъ перенесъ изъ подвала въ кабинетъ канцлера огромную колбу, похожую на стеклянный жбанъ.

Графъ сказалъ, что сплавъ нуждается въ охлажденіи, а воздухъ въ подвалѣ излишне душенъ и сухъ. Онъ сказалъ также, что изъ отводнаго крана, когда сплавъ охладится, долженъ упасть на тарел-

ку первый кристаллъ, — первая крупица чистѣйшаго золота.

Канцлеръ, не снимая очковъ, присматривался всю ночь къ окутанному суклами жбану, который высился на кругломъ столѣ, подобно надгробной урнѣ.

Точно отсырѣвшія шутихи всю ночь шуршали подъ сукнами. Старый канцлеръ съ опаской осматривалъ Каліострову урну со всѣхъ сторонъ. Поблескивалъ сплавъ.

— Ишь, ровно попадья опару стерегу, — посмѣивался надъ собой старикъ...

И еще до свѣта застучали въ ворота. Африканъ, блѣдный отъ испуга, доложилъ канцлеру, что прискакали верховые солдаты отъ генералъ - губернатора со спѣшной эстафетой. Елагинъ сломалъ печать, быстро прочелъ письмо, подпрыгнулъ на тюфякѣ. Эстафета гласила:

> «Именнымъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ, кавалеръ и графъ де-Каліостръ, гдѣ бы онъ ни обрѣтался въ столицѣ, имѣетъ безъ промедленія, по росписку на семъ, оставить присутствіемъ своимъ не токмо Санктпетербургъ, но и предѣлы всея Имперіи, съ выдачей ему, кавалеру и графу, подорожной черезъ Митаву на Польскія земли».

— Ступай графа будить! — вскричалъ Елагинъ. — Проси пожаловать тотчасъже.

И близоруко сощурился на стеклянную урну. Скользя желтымъ блескомъ, докипалъ тамъ таинственный сплавъ.

— Вотъ тебѣ и волшебное золото, — тихо разсмѣялся Елагинъ.

Графъ Фениксъ сошелъ съ антресолей въ китайчатомъ халатѣ, заспанный, съ опухшимъ, сердитымъ лицомъ.

— Вы внезапно заболѣли, любезный мастеръ и братъ? — прохрипѣлъ графъ, — Желудочная тоска, быть - можетъ поносъ?

И подалъ канцлеру золотую табакерку —

— Угощайтесь...

Елагинъ отмахнулся, затрясъ сѣрымъ листкомъ передъ графскимъ носомъ.

— Подчиняюсь и отбываю, — равнодушно кивнулъ головой Каліостро, выслушавъ переводъ. Втянулъ носомъ воздухъ, наморщился и тоненько, по кошачьи, чихнулъ, обрызгавъ себѣ балахонъ мокрыми, табачными крошками.

— Какъ отбываете? — Нѣтъ, быть не можетъ, а золото? Я упрошу, остановлю высылку. Я тотчасъ къ генералъ - губернатору, во дворецъ, не тревожьтесь, не допущу!

— Я не тревожусь. — Каліостро зѣвнулъ и равнодушно посмотрѣлъ на колбу.

— Ахъ, — блеснули вдругъ его глаза, лицо желтовато озарилось. Графъ съ недовѣрчивымъ любопытствомъ взглянулъ на колбу, точно не ждалъ увидѣть этотъ свѣтлый сплавъ.

— Смотрите — сіяетъ!

— Ѣду! ѣду! Упрошу государыню, перенесу насмѣшки, но вы довершите вашъ великій опытъ!

Канцлеръ второпяхъ, не попадалъ ладонью въ вывернутый рукавъ кафтана и подпрыгивалъ такъ, что напоминалъ всадника, не попадающаго въ стремя ногой...

Каліостро остался въ кабинетѣ одинъ.

Закинувъ ногу на ногу, покачивая стоптанной туфлей, онъ сидѣлъ въ креслахъ передъ стеклянной урной. Онъ косился на нее недовѣрчиво, подперевъ кулаками небритыя щеки —

— Изумительно, невѣроятно сіяетъ... Эта дрянная металлическая смѣсь — сіяетъ волшебно...

Въ креслахъ застала его и заря. Широкое лицо со вздернутымъ носомъ, съ пухлыми, влажными губами, освѣтилось двойнымъ свѣтомъ: ранняго солнца и остывающаго золотого сплава...

— Однако, изъ за дурацкой смѣси я забылъ обриться.—Графъ подобралъ полы халата и живо зашлепалъ туфлями изъ кабинета. Обернулся, побормоталъ:

— Ничего не понимаю... Чортова шутка... — Сіяетъ, сіяетъ.

— Сіяетъ, сіяетъ...

— Были въ то утро и первыя слова баккалавра, когда уже прокатила надъ чахлыми соснами Крестовскаго Острова прохладная колесница Авроры и сверкнулъ надъ румянымъ шествіемъ зябкихъ богинь круглый щитъ Златокудраго Феба.

Сводчатый покой баккалавра наводнился радостнымъ свѣтомъ, гомономъ утра. Засмѣялись коричневыя скрипки, мѣдные стружки, желтые листы книгъ. Подняли звонъ, тиканье, смѣхъ круглые

часы Марктинета, Роза - Лондона, Вайлянда, расцвѣли алые лепестки на фарфоровыхъ циферблатахъ, крошечный зеленый охотникъ въ бархатной треуголкѣ выстрѣлилъ изъ окошка, закачались пастушки на легкихъ качеляхъ.

Свѣжій вѣтеръ гналъ въ окно ясный ливень звуковъ, птичьи свисты, бодрый стукъ, смутный вопль, трепетъ.

Кривцовъ высунулъ въ окно рыжую голову — окунулся въ дрожащій океанъ свѣта. Приливъ утра, небо, сосны, мраморный сатиръ на боскетѣ, все напряглось въ одномъ гармоническомъ воплѣ.

Вѣтеръ колыхнулъ акаціи подъ окномъ, и они всѣ вздохнули шумно, свѣжо.

— Амо —

— Угадалъ! — визгнулъ Кривцовъ и такъ перегнулся въ окно, что рыжая его голова вспыхнула золотымъ снопомъ.

— Угадалъ остатнія буквы — Amore! Любовь!

И какъ былъ неумытый, въ измятомъ кафтанѣ, кинулся къ двери. Ладонь облило солнцемъ, точно припечатало къ дубовой притолкѣ. Кровь затекла къ концамъ пальцевъ бурыми нитками.

— Боже мой,—я убійца, трусъ, брата бросилъ— Боже!

Баккалавръ отступилъ, зашатался и грохнулъ на земь . . .

Весь день Каліостро работалъ въ кабинетѣ одинъ. Жако и Жульенъ съ утра бѣгали по лѣстницамъ съ ларцами и шкатулками. Они занесли къ графу внизъ его дорожный черный плащъ: развѣ можно

знать въ этой варварской Имперіи, прикажутъ ли убраться немедленно, или надобно будетъ гнать карету къ одному изъ московитскихъ вельможъ. У канцлерскихъ конюшенъ Жако и Жульенъ едва не подрались изъ-за ключей со старымъ дворецкимъ. Въ домѣ поднялась возня, какая бываетъ передъ отъѣздомъ...

— Когда же, наконецъ, смѣсь остынетъ? — ворчалъ Каліостро, растерянно роясь въ грудахъ исписанныхъ листковъ, въ путанницѣ алхимическихъ уравненій, чертежей, цифръ — въ томъ лабиринтѣ, который привелъ его къ стеклянному жбану, сіяющему на столѣ.

Графъ весь день записывалъ и рвалъ бумаги, толокъ въ ступкахъ, роговой лопаточкой отсыпалъ хрустящій порошокъ на аптекарскіе вѣсы. Лысый лобъ графа былъ въ мелкомъ поту

А когда очнулся баккалавръ, въ открытомъ окнѣ пылилъ румяно и тускло закатъ.

— Неужели весь день я въ безпамятствѣ пролежалъ?

Онъ стоялъ у окна, вдыхая вечернюю свѣжесть.

Онъ видѣлъ, какъ со двора выплылъ синій Каліостровъ ковчегъ съ носатымъ Жульеномъ на запяткахъ, съ горбатымъ Жако на козлахъ. Старый дворецкій, безъ шляпы, тихо брелъ по тропѣ къ заднему крылечку. Вечеръ, тишина.

Утромъ ревѣли серебряныя трубы, блистали золотые щиты, мечи, — утренняя заря была ликующей битвой. А теперь, отъ росистой травы, отъ темныхъ сосенъ, изсохшихъ на дневномъ жарѣ, отъ

гравія и мраморнаго сатира, надъ которымъ затанцевалъ уже вечерній фонтанчикъ мошкары, плыветъ къ озаренному небу тихая музыка, скрипичный концертъ.

Пѣли скрипки и въ груди баккалавра. И была отъ нихъ печальная сладость. Какъ будто прошли вѣка, и все прощено, все забыто — звонъ мечей и щитовъ, кровь, битвы, обиды, обманы,—или не проходили, не было вовсе вѣковъ, а все стоитъ упокоенно и недвижно въ озареніи вѣчнаго вечера.

— Любовь,—улыбнулся Кривцовъ. — Любовь— камень мудрости . . .

«Любовь» — пѣло въ его груди, когда онъ шелъ къ канцлеру черезъ круглое зало. Счастливо свѣтилось худое лицо, синіе глаза стали лучистыми, ясными.

Онъ толкнулъ дверь въ кабинетъ, дрогнулъ слегка: передъ нимъ широкая черная спина графа Феникса. Черный бархатъ наморщенъ отъ подмышки къ подмышкѣ, надъ воротомъ бѣлая лысина.

— «Вотъ онъ обманщикъ»,—безъ злобы, даже съ жалостью подумалъ баккалавръ. «Вертится, бормочетъ, ярится, а кого обманетъ, когда такъ ясно, что вѣчный вечеръ надъ всѣми, незаходимая заря, Феличіани, любовь».

Съ кроткой усмѣшкой онъ коснулся плеча Каліостро:

— Почтенный кавалеръ, вы увлечены сплавомъ . . . Не ошибка ли это? И надобны ли еще услуги мои въ вашемъ путешествіи къ золотому руну?

Разсѣянный взглядъ графа скользнулъ по его лицу.

— Мой другъ, вы только взгляните, — небывало ласково сказалъ Каліостро. — Сіяетъ, сіяетъ . .

Вочернее солнце, повѣявъ послѣднимъ свѣтомъ, облило высокую стеклянную урну.

— Вы правы, почтенный кавалеръ, сплавъ сіяетъ, какъ лучшая мѣдь, — улыбнулся баккалавръ, подумавъ: «Обманщикъ обманутый».

Каліостро разсѣянно сунулъ ему подъ носъ тяжелую табакерку:

— Угощайтесь, мой другъ.

— Благодарствую, я не нюхаю.

— «Ослабѣлъ магъ, мягокъ, ликъ блѣденъ» — оглядѣлъ Кривцовъ графа . . — «А камень - то философскій, господинъ магъ, уже найденъ . . . »

— Мой другъ, но сплавъ не остываетъ, — приложилъ Каліостро пухлую ладонь къ колбѣ. Его заерошенныя брови жалобно сжались, и онъ такъ посмотрѣлъ на Кривцова, точно у него искалъ помощи:

— Мнѣ даже кажется, онъ сталъ горячѣе.

Едва теплымъ было стекло. Кривцовъ сказалъ:

— О, нѣтъ, почтенный кавалеръ, вашъ сплавъ охлаждается.

— Неправда ли? Благодарю васъ. Вы можете идти . Я одинъ буду ждать перваго кристалла, мнѣ кажется, мнѣ ка . .

Кривцовъ поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

— Мнѣ кажется, что тутъ дѣйствительно золото, — договорилъ графъ уже себѣ самому.

А баккалавръ вбѣжалъ на антресоли. Онъ вспомнилъ, что Жако и Жульенъ увезли въ каретѣ восковую куклу, Механическую Венеру. Тамъ, въ верхнихъ покояхъ, въ дальнихъ горенкахъ, — Феличіани одна.

По лѣстницѣ, навстрѣчу баккалавру, спускался дворецкій Африканъ съ зажженнымъ канделябромъ.

— Amore, Amore, — тихо смѣясь, затормошилъ Кривцовъ старика.

— Да пустите вы, сударь, пожару надѣлаете... Съ ума посходили... То козломъ прыгаешь, то воешь... Перья скрыбутъ, въ стеклянныхъ горшкахъ варева кипятъ, бояринъ спозаранокъ по городу гоняетъ — какъ есть гофшпиталь для умомъ скорбящихъ.

— Amore! — крикнулъ баккалавръ и мраморному Сократу, — Дѣдушко плѣшивой, — любовь!

Въ графскіе покои дверь пріоткрыта. Сердце баккалавра заколотилось. «Чего я боюсь? Тамъ ты, любовь, мечта». И вступилъ въ прихожую и тутъ же наткнулся на мѣдную попугайную клѣтку.

А въ клѣткѣ, сгорбившись, въ желто-зеленой ливреѣ, сидитъ на корточкахъ носатый Жульенъ. Дико взъерошены перья, вертитъ клювастой головой, насмѣшливо крикнулъ:

— Прочь, дуракъ, прочь!

Кривцовъ толкнулъ клѣтку ногой. —

— Почудится тоже, подобная нечисть...

Попугай закракалъ, забился о прутья, ломая костлявыя крылья.

Третья дверь, дверь Санта-Кроче, любви, мечты, философскаго камня, — растворена настежъ.

Въ покоѣ Феличіани горитъ свѣча, брошена книга на кресла, точно тутъ только что были. Но Феличіани не видно... А, вотъ она, на высокой постели, укрыта съ головой лебяжьимъ бѣлымъ покрываломъ, оно чуть подымается отъ дыханія.

— Госпожа моя, радость, сударушка! — прислушался Кривцовъ къ ровному дыханію спящей.

— Проснись, я пришелъ.

Дрожа отъ щемящей сладости, онъ сталъ отнимать покрывало съ ея лица.

— Ты сказала три буквы — А, М, О, — а я отвѣчаю...

— Ре-ре-ре! — вдругъ прохрипѣло съ постели.

Покрывало заежилось, откинулось, и голый Жако,—косматая обезьяна, бурая шерсть, плѣшины на заду, хвостъ облѣзлый, — выпрыгнула на постель, полѣзла, кривляясь, къ потолку по шпалерамъ.

— Амо, амо, — безсмысленно повторилъ Кривцовъ.

— Ре-ре-ре — оскалилось чудовище, сорвало съ гвоздя шляпу, — швырнуло.

— Обманъ! — вскричалъ баккалавръ, выхвативъ шпагу изъ ноженъ. Обезьяна вскочила на окно, перелетѣла въ чуланъ Каліостро.

Трости, треуголки, башмаки, связки тяжелыхъ бумагъ, болванки для париковъ, бомбардировали Кривцова. Попугай закружился вокругъ его головы, норовя клюнуть въ темя. Обезьяна запустила дубовымъ стуломъ. Баккалавръ защищался шпагой.

Тутъ откинулась крышка сундука, — съ визгомъ выскочила оттуда Санта - Кроче. Кривцовъ ударилъ куклу эфесомъ по головѣ, треснули черепки, жалобно звеня полопались пружины и Санта - Кроче упала навзничь въ сундукъ, зазорно кинувъ кверху восковыя ноги . . .

ВОЛШЕБНЫЙ ИСПАНСКІЙ ПЛАЩЪ.

Преданья старины...

Со шпагой въ рукѣ, — рыжіе волосы вздыблены, баккалавръ вбѣжалъ въ кабинетъ канцлера.

Подперевъ кулаками щеки, Каліостро смотрѣлъ на остывающій сплавъ.

— Гдѣ Санта - Кроче? — задыхаясь выговорилъ баккалавръ.

Графъ что - то бормоталъ, склонясь надъ колбой.

— Каліостро, я спрашиваю тебя, гдѣ Санта - Кроче?

И ударилъ графа по плечу эфесомъ. Каліостро содрогнулся, оглянулся, оскаленный.

— Нападеніе! На безоружнаго! Варваръ, что тебѣ надобно?

— Санта - Кроче . . .

— Тебѣ нѣтъ дѣла до нея, московитъ . . .

— Я не выпущу тебя, Каліостро, я убью тебя, если ты не скажешь, куда спряталъ Феличіани.

Дрожа съ головы до ногъ, онъ подступилъ къ магу, остріемъ шпаги коснулся его двойного подбородка.

Каліостро косолапо и медленно отступилъ. Подъ нависшими вѣками сверкнули, погасли глаза.

— Вы обезумѣли, господинъ секретарь, что вамъ надобно?

— Истину.

— Истину? Но вы видѣли ее еще на Гороховой, въ гостиницѣ. Я вожу мою истину въ дорожномъ сундукѣ.

— Не издѣвайся! — взмахнулъ шпагой Кривцовъ. — Твоей куклѣ я размозжилъ голову. — Гдѣ живая?

— А, такъ вы знаете мой маленькій секретъ? Хорошо... Я скажу, гдѣ живая Санта-Кроче, если вы не будете угрожать... Дайте мнѣ сѣсть... Видите ли, исторія эта... Да садитесь же, и не держите шпагу такъ близко предо мной, я не могу повернуть головы... Исторія живой Феличіани очень любопытна... Успокойтесь, молодой кавалеръ, я ее не пряталъ, больше того, она...

Графъ Фениксъ прищурился и поманилъ кого-то согнутымъ пальцемъ изъ-за спины Кривцова:

— Феличіани, поди же сюда.

— Она тутъ? — метнулся баккалавръ.

— Да вотъ она, за вами.

Кривцовъ оглянулся, Каліостро мгновенно вырвалъ шпагу.

— Такъ будетъ покойнѣе, любезный кавалеръ. Теперь будемъ вести нашъ диспутъ.

Графъ развалился въ креслахъ, играя отнятой шпагой. Сталь сверкала, выгибалась дугой.

— Попрощайтесь навсегда съ Санта-Кроче. Вчера ночью я переплавилъ ее въ золото. Феличіани уже остываетъ.

Слезы горечи, ярости потекли по впалымъ щекамъ баккалавра...

— Какъ, вы плачете, мой бѣдный другъ? Допустимъ, что я обманулъ васъ, допустимъ, что поступокъ съ вашей шпагой предательскій, допустимъ даже, что я лжецъ, но скажите, кавалеръ, что есть истина? Развѣ болѣе привлекательна истина, которую вы обрѣли въ темной каморкѣ: чахлую Венеру всю въ морщинахъ.. Увѣряю васъ, у нее старая и дряблая кожа. Ваша мечта оказалась изнурительной чахоткой. Моя Санта-Кроче прекраснѣе той, живой, хотя она изъ воска и на шарнирахъ.

— Говорю тебѣ, я разбилъ куклѣ голову.

— Напрасно... Впрочемъ, я смастерю другую.. Скажите, почему вы всѣ мечтаете объ истинѣ? Мой другъ, — истина скучна. Комедія обманщика Каліостро, увѣряю васъ, веселѣе... Истина? Да ее никогда не было... Истина только въ томъ, что я веду васъ отъ обмана къ обману, что я щедро разбрасываю передъ вами мои миражи о небесахъ, чудесномъ золотѣ, вѣчной юности, жизненномъ элексирѣ, perpetuum mobile... Почтенные signores, вамъ надобна не истина, а убѣжденіе... Вы обезьяны и попугаи, вы мои Жако и Жульены, но я убѣдилъ васъ, что вы люди, и я выдумалъ вашихъ боговъ.

Баккалавръ горько усмѣхнулся.

— Пакостный враль. Подумать, такъ все человѣчество одинъ ты, итальянскій бродяга, ярмарочный торгашъ.

— Браво, браво! Правильно, хотя и невѣжливо... Вотъ теперь я рѣшилъ объявить вамъ золотой вѣкъ, открыть философскій камень.

— Ложь, у тебя нѣтъ его.

Кривцовъ собралъ въ охапку груду исписанныхъ за многія ночи листковъ, смялъ ихъ, поднесъ къ свѣчѣ.

— Вотъ твой фальшивый камень...

— Не жги! — крикнулъ съ тоской Каліостро.

Но пламя вспыхнуло, зловѣще освѣтило лица. Черный пепелъ задышалъ надъ свѣчей.

— А впрочемъ, жги. Ты правъ, московитъ: я не знаю философскаго камня. Его не знаетъ никто. Все это выдумки... Да, я фокусникъ, бродяга, я играю съ вами комедію... Глупецъ, зачѣмъ ты перешелъ на трагическую роль? Ты растревожилъ мой старый гемороидъ. Мнѣ нѣтъ охоты вести съ тобой философскій диспутъ, — уходи!

— Гдѣ Феличіани?

— Клянусь, не знаю, о комъ ты говоришь. Ты бредишь призракомъ, ты, кажется, влюбился въ Саламандру, которыя зажигаютъ блуждающія звѣзды, ложныя солнца...

— О, нѣтъ, Феличіани не Саламандра, — улыбнулся Кривцовъ. — Она не призракъ, она открыла мнѣ истину, какую ты не найдешь никогда.

— А я говорю, она призракъ! — топнулъ ногою графъ. — Моя чахлая жена давно померла въ «Голубыхъ Оленяхъ». Твоя истина мертва. Это я выдумалъ тебѣ Феличіани, я давно замѣтилъ твои вздохи, твой флажолетъ, — я просто водилъ тебя за носъ. Твоя истина — выдумка, вампиръ, — невѣдомый, давно издохшій, дряхлый, проклятый вампиръ! Истины нѣтъ! Одинъ я, графъ Фениксъ, вотъ уже тысячелѣтія брожу по землѣ. Самъ Богъ вашъ

Іегова, какъ Великій Кавалеръ Каліостро, только броженіе, только разрушеніе созданія...

Каліостро вскочилъ, протяжно завылъ по латыни:

— Lilium pedibus destrue.

— Да кто ты, мятежный кощунникъ? — дрогнулъ Кривцовъ.

Каліостро вылъ, выпучивъ глаза:

— Хризофиръ — Геликонъ — Офиръ — Ма - Ро - Бо - Кукуреку!

Какъ черная жирная жаба, запрыгалъ онъ на корточкахъ кругомъ баккалавра.

— Отойди, духъ нечистый! — задохнулся тотъ отъ страха и отвращенія. Пошарилъ по столу, пальцы наткнулись на Каліострову табакерку

— О, я не духъ, не приплетай страшныхъ басенъ о сатанѣ.

Шпага прыснула огнемъ въ рукѣ графа, черными копьями дыбятся волосы по краямъ лысины.

— Я только Джузуппе Каліостро, итальянскій бродяга. Я — человѣкъ..

— Сгинь!

Табакерка ударила звонко о сталь, шпага съ пронзительнымъ свистомъ вырвалась, остріемъ воткнулась въ паркетъ. Трепеща закачалась. Кривцовъ подхватилъ ее.

— Теперь ты отвѣтишь мнѣ, окаянный!

И съ размаха влѣпилъ графу дюжину азартныхъ пощечинъ. Заколотилъ кулаками по тугимъ, колючимъ щекамъ, которыя бухали, какъ кожаныя подушки...

— Не довольно ли, мой кавалеръ, выбивать пыль изъ креселъ? — позвалъ вдругъ насмѣшливый голосъ графа.

Устало дыша, баккалавръ осмотрѣлся: передъ нимъ потертыя кресла, а графъ Фениксъ, оскаленный, стоитъ у окна. Онъ въ черной треуголкѣ и въ испанскомъ черномъ плащѣ, подбитомъ красной тафтой, точно тлѣющимъ огнемъ...

Ледяной вѣтеръ обдалъ Кривцова—графъ взмахнулъ полой плаща.

— Adio, любезный баккалавръ, я къ вамъ вернусь.

Тутъ Каліостро пристукнулъ красными каблуками и прыгнулъ въ окно.

Кривцовъ головой впередъ устремился за нимъ.

Раздуть черный плащъ, графъ Фениксъ косолапо бѣжитъ по аллеямъ, къ Невѣ, черезъ мостъ, какъ тяжелая, черная птица. Баккалавръ его настигаетъ.

Бѣгутъ Васильостровскіе пустыри, заборы, тусклые фонари на полосатыхъ столбахъ, хлѣбные магазейны, кордегардіи...

Фениксъ вдругъ оглянулся. Его оскаленные зубы показались громадными, лошадиными.

— Никогда никому не догнать — Феникса, Феникса!

И почудилось Кривцову, что они оба бѣгутъ на мѣстѣ. «Вѣчный бѣгъ. Недвижна вселенная» — пронеслось въ головѣ баккалавра. Задыхаясь, онъ сталъ отставать.

Черный плащъ вздулся, шумя раскинулся въ воздухѣ — графъ Фениксъ поднялся надъ мостовой. Толстыя икры, подошвы тупоносыхъ башма-

ковъ мелькнули въ блѣдномъ небѣ надъ головой баккалавра. Онъ открылъ ротъ и выронилъ шпагу.

Съ пронзительнымъ свистомъ, какъ черная машина, Каліостро пронесся надъ шпилемъ адмиралтейства, зацѣпилъ полой золоченый корабликъ, рванулся, взвился . Ночной вѣтеръ затрепалъ на корабликѣ черный лоскутокъ испанскаго дорожнаго плаща.

— Амо, амо, — безумно мычалъ Кривцовъ. А хотѣлъ крикнуть — Феличіани, философскій камень, любовь...

* * *

Старый канцлеръ вернулся изъ города за полночь, букли растрепаны, самъ сердитый. Выбрался изъ кареты, а въ сѣни, изъ круглой залы, выбѣжалъ навстрѣчу дворецкій Африканъ, тоже растрепанный и сердитый.

— Батюшка, Иванъ Перфильевичъ, — страсти! — старикъ упалъ канцлеру въ ноги. — Графъ иностранной съ секретаришкой твоимъ подрались — баталія! Я въ кабинетъ было сунулся, да назадъ — оплеушины, шпагами колятся, бумаги пожгли, въ окна попрыгали.

Въ кабинетѣ еще леталъ черный пепелъ. Елагинъ заглянулъ въ открытое окно:

— Никого нѣтъ. Невысоко, не убьются. Убѣгли, куда ни есть . Ступай дѣдъ, я все разберу.

Африканъ, уходя, поднялъ съ паркета Каліострову табакерку, у которой перламутровая крышка отскочила съ шарнировъ.

Старый канцлеръ собралъ обгорѣлые обрывки, клочки записокъ. Сѣрыя буквы на кускахъ пепла разсыпались отъ прикосновенія.

— Ахъ, пѣтухи, весь трудъ свой пожгли... А тутъ и государыня слышать о Каліострѣ не хочетъ: выслать безъ замедленія... Вотъ тебѣ и чудесное золото.

Канцлеръ сѣлъ въ кресла, спиною къ колбѣ. Сердито нахмурился. И вдругъ, въ тишинѣ, за спиной, послышался звукъ чистый и легкій, какъ бы звукъ паденія червонца.

Подъ стекляннымъ жбаномъ, на оловянной тарелкѣ, заигралъ желтымъ свѣтомъ кристалликъ металла.

— Никакъ изъ колбы упалъ — прикинулъ его на руку канцлеръ. — Что такое? Столь чистый блескъ.

Онъ бросилъ кристаллъ на тарелку. Тотъ подпрыгнулъ, издавъ ясный звонъ. Канцлеръ порылся въ карманѣ камзола, кинулъ на тарелку имперіалъ, тотъ упалъ тяжелѣе, но его звонъ былъ такимъ же яснымъ и какъ бы прохладнымъ — гармоническимъ звономъ золота.

— Золото? — поднялъ бѣлыя брови Елагинъ. — Чистое золото?

Онъ засмѣялся, подкидывая въ ладоняхъ сіяющій кусокъ.

— Золото, золото... Рыцари Розы и Креста обладаютъ тобою. Первая ступень къ истинѣ пройдена.

Но посмотрѣлъ на груды чернаго пепла, на обгорѣлые обрывки бумагъ и нахмурился.

— Однако, они сожгли всѣ тайныя формулы до остатней.. Никакъ сгорѣло чудесное золото мое?

ФАВОРИТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Какъ лебедь на водахъ Меандра
Пропѣвъ, умолкнетъ навсегда.
Херасковъ

«Сандро де - Кагліостро, полковникъ испанской, явился въ нашу столицу вызывать духовъ, чего отмѣнно хотѣли здѣшнія франкмасонскія ложи, напоенныя бреднями Шведенборха. Плутъ Кагліостро, лысый бѣсъ, показывалъ имъ чернаго козла, гналъ ртуть изъ ноги подагрика и, наконецъ, вызвался найти философскій камень и сдѣлать золото. Но, за предпріятіемъ симъ, въ погребѣ господина Елагина, прежестоко подрался съ Елагина секретаремъ, и о ту же пору былъ высланъ нашимъ генералъ - губернаторомъ изъ Санктпетербурга. Увѣряю васъ, что Кагліостро отбылъ отсюда въ кибиткѣ, а не по воздуху, со старымъ солдатомъ и графиней, имѣя подорожную до Митавы . . . »

Такъ черезъ годъ писала императрица корреспонденту своему, барону Гримму, въ Парижъ.

Въ столицѣ все лѣто, да и зиму, съ опаской передавали слухъ, сердившій весьма государыню: будто тотъ испанскій полковникъ, магъ Каліостро, который являлся ко двору въ черномъ нарядѣ, словно на парадную панихиду, — не человѣческимъ пу-

темъ покинулъ Имперію, а вылетѣлъ изъ ея резиденціи по воздуху, на черномъ плащѣ.

Зѣваки изъ гвардейскихъ щеголей, заѣзжіе дворяне и даже оберъ - секретари сената, въ ясные дни собирались у перистиля Адмиралтейства, чтобы смотрѣть, закинувъ вверхъ головы, на золоченый воздушный корабликъ. Въ Санктпетербургѣ ходили вздорныя выдумки, что магъ, пролетая, зацѣпился о шпиль и, что на самомъ остріѣ адмиралтейскаго кораблика, точно дохлая черная ворона, треплется клокъ Каліострова плаща.

Затѣйливыя сборища на плацу были пресѣчены, а на мнѣніе Европы Augustissima съ сердцемъ написала свое письмо.

И къ лѣту 1784 года, въ Санктпетербургѣ о пребываніи Каліостро было забыто всѣми, тѣмъ болѣе, что черный лоскутъ уже истлѣлъ на воздушномъ корабликѣ и былъ развѣянъ безъ слѣда свѣжими невскими вѣтрами...

Генеральсъ - адъютантъ Ланской въ 1784 году, по ласковой милости государыни, украсилъ свой бѣлый кавалергардскій колетъ еще однимъ орденомъ — Россійскаго Апостола Андрея Первозваннаго, одновременно получивъ высокое званіе дѣйствительнаго камергера.

Но изящная, пудреная голова генеральсъ - адъютанта, голова молодого Антиноя, не поднялась выше, а смуглое и продолговатое его лицо было такимъ же чистымъ и простымъ, какъ и четыре года назадъ, когда Ланской, весною, въ апрѣлѣ, въ пасхальный перезвонъ, впервые прошелъ черезъ Китайское зало, на половину Свѣтлѣйшей Царицы.

По утрамъ, въ Царскомъ Селѣ, въ павильонѣ фаворита, государыня пивала запросто кофе. Влажными лучами вспыхивало столовое серебро, прозрачный фарфоръ сквозилъ розовато, отсвѣчивая на кругломъ, съ ямочкой, подбородкѣ императрицы.

По утрамъ, Ланской, въ шлафорѣ бѣлаго тентинета, просматривалъ съ государыней новые эстампы, привезенные изъ Лондона, портреты in taglio и en camée изъ Парижа. Пудреной Антиной, привѣтливый фаворитъ, больше всего любилъ головки Греза, гравюры и музыку.

— Государыня, — говорилъ онъ. — Я вашъ отдыхъ, вашъ домашній очагъ, коего можетъ желать не токмо императрица, но и послѣдняя пѣхотная прапорщица въ Имперіи... Державныя дѣла мнѣ не подъ силу, а придворными хитростями гнушаюсь... Государыня, я счастливъ однимъ вниманіемъ вашимъ. Я просто люблю васъ.

На клавесинахъ—лака коричневаго, свѣтлаго, съ золочеными грифами на ножкахъ, — со звукомъ нѣжно звенящимъ, какъ легкая арфа, — Ланской игрывалъ по утрамъ государынѣ новые опусы кавалера Моцарта, серебряныя пѣсенки почтеннаго кавалера Глюка. Государыня посмѣивалась:

— Есть три скучнѣйшихъ вещь на свѣтѣ: гисторія Тредіаковскаго, симфонія Плейля и квинтетъ Вонгали Но Глюкъ твой — прелесть, не въ примѣръ имъ хорошъ.

А чуткіе пальцы Ланского едва касались клавишъ, вспыхивающихъ солнцемъ.

Во дворцѣ такого робкаго фаворита не опасались даже придворные конюхи: онъ рѣдко выходилъ на собранія, ни во что не мѣшался. Въ своихъ свѣтлыхъ покояхъ звенѣлъ молодой генералъ на клавесинахъ, любовался эстампами, читалъ съ императрицей вслухъ Вольтера, «Les amours pastorales», «Oevres spirituelles par Fenelon», и за полночь разбиралъ съ нею рѣзныя камеи, въ которыхъ оба были тонкими знатоками.

Караульные гвардейцы, — имъ часто перепадали отъ Ланского серебряные рублевики, — прозвали его между собою Генералъ Красная Дѣвица. А старыя придворныя дамы временъ императрицъ Анны, сухопарыя, жилистыя, въ фишбейнахъ на китовомъ усу, обмахиваясь пышными вѣерами, шептали одна другой изъ подъ тощей руки на дворцовыхъ куртагахъ:

— Сама - то, гляньте, сударыньки, — расцвѣла, весела, въ экосезахъ прыгаетъ, въ гавотахъ гуляетъ... А ей уже полъ вѣка минуло. Вторую молодость обрѣла: бабье лѣто — со своимъ Не Тронь Меня Генераломъ.

Такъ прозвали Ланского при дворѣ, послѣ спуска въ Неву, въ день Архистратига Михаила, восьмидесятипушечнаго фрегата, которому сама государыня дала такое чудное прозвище. А командиромъ «Не Тронь Меня» назначенъ былъ шотландецъ Крюйзъ, долговязый пьяница и добрякъ, съ выцвѣлыми, голубыми глазами.

— Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина —

Посмѣиваясь, декламировала императрица по утрамъ въ павильонѣ фаворита. Флеровый чепецъ влѣво сбитъ, сама жмурится отъ солнца, весело хлопаетъ продолговатою ладошкой по перламутровымъ черешкамъ стола:

— Еще годъ подобной тишины, милій другъ, и я обнародую мой указъ, давно вчернѣ писанный. Маркизъ Пугачовъ указъ сей вспугнулъ... Обнародую я, подобно вольности дворянства, и вольность крестьянству, гражданству моему брадоносному.

— Смѣлая государыня, — кланялся Ланской. — Я вижу, вы точно намѣрились объявить златой вѣкъ Астреи.

Утреннія ихъ бесѣды были свѣтлыми и веселыми, а по полудни, государыня, опираясь на руку генеральсъ - адъютанта, гуляла въ дворцовомъ паркѣ...

Въ концѣ іюня, на такой прогулкѣ, когда они миновали садовыя шармильи и прошли подъ сводомъ темнокрасныхъ бегоній на высокихъ штамбахъ, Ланской тихо сказалъ:

— Пойдемъ къ Лебяжьимъ прудамъ.

Открылась ясная даль. На зеленомъ лугу круглыя и квадратныя озерца, подобны тихимъ зеркаламъ. Играютъ радугой, бьютъ, вѣя свѣжестью, тонкіе каскады фонтановъ. Лебеди подплыли, выгибая шеи, точно любуясь собою. Ихъ опереніе сіяетъ, какъ бѣлая пѣна.

— Нынче съ утра не можется мнѣ, — сказалъ Ланской, отщипывая лебедямъ крошки бѣлаго хлѣба.

Безшумно, уступая другъ другу, лебеди закружили у гранитнаго парапета. Въ голубоватой водѣ витыми, бѣлыми тропами бѣгутъ ихъ отраженья. Отдуваетъ на сѣрый гранитъ лебяжій пухъ, сквозящій солнцемъ.

— Другъ мой, и я примѣтилъ, что вы не въ себѣ.

— Правда ли, государыня, про лебедей сказываютъ: будто они передъ смертью поютъ?

— Правда.

— Такъ послушайте меня   Потомки хулить вѣрно будутъ: фаворитишка, подлый наемникъ. А каковъ же срамъ, государыня, что полюбилъ тебя? И съ любовью помру. Случай жизни моей весьма рѣдкостенъ. Не чаялъ я, что мнѣ, дворянину простому, судила судьба полюбить саму Императрицу Россійскую.   Катя, лебедь, царица.

— Ланской, что съ тобою, милій. Слова столь торжественны, равно прощаешься.

— У меня пустяшное нездоровье. Горло будто простудой прохвачено. А нѣкій голосъ мнѣ говоритъ: болѣ не встану.

— Отмахни   Ребячество токмо.

— Нѣтъ, не могу   Послушайте.   Вечоръ, какъ вышелъ отъ васъ, лихорадка треплетъ, отъ жара глаза горятъ, не уснуть. А окна отворены. Тутъ на свѣчу летучая мышь налетѣла, о столъ стукнула, зашуршала. Я мнился ее согнать, а мышь объ полъ. И на мѣсто мыши стоитъ предо мною кавалеръ Каліостръ въ черномъ кафтанѣ: «Здравствуйте», — говоритъ, — «Господинъ генеральсъ-адъютантъ, я прибылъ за вами...»

— Милій, милій, — охватила Екатерина голову Ланского. — Бредъ, ты явно боленъ, — каково, лысаго бѣса вспомянулъ.

И за руку, какъ мальчика, повлекла Ланского къ бельведеру.

Лебеди, чуть качаясь, выгибали сіющія шеи, слѣдили за ними. Въ черныхъ лебединыхъ глазахъ, обведенныхъ оранжевыми ободками, пролетало солнце.

Къ генералу Не Тронь Меня еще до вечера былъ посланъ придворный медикъ, но Ланской отослалъ его прочь, сказавъ, что ему полегчало.

Блѣдный, съ горломъ, повязаннымъ батистовымъ шарфомъ, Ланской поднялся по вечерней зарѣ на бельведеръ императрицы. Его прекрасные глаза горѣли, какъ факелы.

На вечерней зарѣ, когда дымятъ росы и умолкаетъ журчаніе фонтановъ, а небо надъ багрянымъ костромъ заката, свѣтлѣетъ, какъ покойная зеленоватая заводь, — изъ гренадерскихъ лагерей дальними вздохами докатываетъ пѣнье солдатской молитвы «Коль славенъ».

На вечерней зарѣ императрица, опираясь, какъ всегда, на руку генеральсъ - адъютанта, медленно идетъ паркомъ. Ланской безъ треуголки. Ихъ лица озарены.

— Не хочешь тревожить меня, но ты точно боленъ мой бѣдный Ланской. — тихо сказала въ тотъ вечеръ императрица.

Ланской ничего не отвѣтилъ. Они молча обошли потемнѣвшіе пруды. Зябко бѣлѣлись лебеди. Съ болотъ тянулась дымка тумана. Ихъ шаги едва

шуршали на влажномъ пескѣ. Когда возвращались они къ бельведеру, изъ гренадерскихъ лагерей доплылъ печально и ясно послѣдній вздохъ солдатской молитвы:

Въ нощи, во дни
Сіяньемъ равенъ . .

Уже при свѣчахъ, государыня играла на галлереѣ съ генеральсъ - адъютантомъ вечернюю партію въ раверси. Ланской не хотѣлъ уходить къ себѣ, но когда снималъ онъ колоду, его пальцы обжигали государынѣ руку.

— Наконецъ, сіе нестерпимо, мой другъ. Повелѣваю вамъ лечь въ постель, вы явно страдаете.

И ночью у генеральсъ - адъютанта открылась горячка . . .

Въ Царское Село, на разсвѣтѣ, наемный берлинъ привезъ изъ столицы медика Вейкарта. Сутулый, хмурый, съ оловянными глазками и весьма красноватымъ носомъ, въ синемъ прусскомъ кафтанѣ и съ рыжей косицей, загнутой подъ воротъ крючкомъ — медикъ безцеремонно, черезъ голову, стянулъ съ Ланского голландскую тонкую рубаху и охватилъ желтоватыми плоскими ладонями его нагой торсъ, достойный мраморнаго бога.

За китайской ширмой Вейкартъ возился съ всесильнымъ фаворитомъ такъ же, какъ привыкъ возиться съ простыми солдатами въ прусскихъ госпиталяхъ. Ланской стоналъ въ забытьи.

Вейкартъ вышелъ, опуская обшлага на тощія, въ рыжеватыхъ волоскахъ, руки. Порылся въ зад-

нихъ карманахъ синяго кафтана, вытянулъ обширный красный фуляръ, утеръ лобъ.

Екатерина провела всю ночь у китайской ширмы, поджавъ ноги на кресла, безъ чепца, волосы заплетены въ плетушку. Она подняла на медика усталые глаза:

— Господинъ Вейкартъ, что съ нимъ?

Вейкартъ прислушался къ сжатымъ стонамъ, понизилъ голосъ:

— Ваше величество, генеральсъ - адъютанта поразила рѣдчайшая болѣзнь: пятнистая горячка.

— Ланской умреть? — она мгновенно сбросила на паркетъ ноги.

— Одна надежда, на его молодость...

— Ланской не можетъ умереть, вы ошибаетесь, Вейкартъ.

— Я медикъ, ваше величество, — отвѣчалъ упорный пруссакъ, посопѣвъ. — Когда у больного уже перемежается пульсъ, мы знаемъ, что это пахнетъ мертвецкой...

— Не смѣй, вонъ! — звонко крикнула императрица. Затряслась, зажала ладошкой ротъ. Плечи заколыхались, плетушка - косица запрыгала, какъ у обиженной дѣвочки.

«Восточные деспоты не любятъ слушать о смерти» — презрительно думалъ Вейкартъ и сутулясь пятился изъ спальни.

На другой день у китайской ширмы собрался докторскій совѣтъ. Медики разводили руками, протирали запотѣлыя стекла очковъ, съ важнымъ видомъ перечисляли мудреныя латинскія прозвища. Кавалергардскій полковой докторъ Соболевскій по-

рѣшилъ всѣ споры, приказавъ поить Ланского ледяной водой, умѣряющей жаръ. Медикъ - французъ, присланный отъ графа Панина, было не согласился.

— Да горячка ли это, милостивые государи? Не отравленъ ли молодой генералъ? Есть испанскій ядъ — вегерамба, — тѣ же корчи, икота, багровыя пятна по тѣлу.

На француза зашикали.

Въ бѣлыхъ одеждахъ, похожая на привидѣніе, одна императрица тихо плакала за полночь у китайской ширмы. Вырывались глухіе вопли больного:

— Не хочу, не хочу.

Генеральсъ - адъютантъ и въ бреду отказывался отъ ледяного питья.

Но рецепты Соболевскаго помогли: на четвертыя сутки Ланской уснулъ. Государыня подняла надъ спящимъ свѣчу, и отшатнулась: покоилась на смятыхъ подушкахъ не голова Адониса, а затекшая отъ жара, опухлая голова урода. И уже побѣлѣлъ, какъ у мертвеца, кончикъ носа. Въ ту ночь Перекусихина подслушала у китайской ширмы тоненькій визгъ, плачъ государыни.

Въ ту ночь Ланской очнулся. Облизывая шаршавымъ языкомъ запеклыя губы, повелъ глазами, гдѣ полопались отъ жара багровыя жилки. Съ трудомъ улыбнулся:

— Катя, не плачь... Люблю... Все тебѣ завѣщаю... Въ саду похорони, тутъ, чтобы слышалъ, какъ ходятъ ножки твои...

А на утро, Перекусихина поздравляла государыню. Генеральсъ-адъютанту полегчало, жаръ опалъ,

онъ приказалъ смѣнить рубаху, лежитъ тихо да вертитъ перстень на похудѣвшемъ пальцѣ.

— Пошла бы ты, матушка, ручку ему подала

Въ этотъ часъ въ аванзалахъ дворца ожидалъ у императрицы пріема аглицкій резидентъ. Государыня, у туалета, торопливо пудрила наплаканные глаза.

— Савишна, видитъ Богъ, въ сей часъ не могу, позже буду   Постой, записочку ему передай.

Императрица писала карандашемъ, по-русски, отодвинувъ граненые флаконы, серебряную чашу съ пудрой, душистые ларцы. Круглыя буквы кривились, прыгали:

> «Зеленый канапей возле биліарда въ китайской зале вамъ кланятся, также балконъ той залы и колонада и бѣлой кабинетъ, совокупно съ ними столъ сфруктами, а за нимъ и я бѣдной мальшику моему».

Ланской сжалъ записку государыни, потомъ разгладилъ на тощихъ пальцахъ, и цѣловалъ долго. Онъ приказалъ подать себѣ башмаки, кафтанъ. Онъ пожелалъ встать. Соболевскій и камердинеръ едва его удержали. Тогда генеральсъ-адъютантъ заплакалъ и сталъ просить, чтобы позволили ему лежать не за ширмой, а въ покоѣ свѣтломъ, прохладномъ, ближе къ государынѣ. Медикъ согласился.

Шатаясь Ланской пошелъ туда самъ, въ нижнемъ бѣльѣ, опухлой, затекшій, — ужасная каррикатура: Адонисъ въ пятнистой горячкѣ.

И черезъ часъ впалъ въ забытье...

Императрица, подобравъ роброны, спѣшила съ толпой придворныхъ къ зеркальной галлереѣ.

Ея глаза сіяли голубымъ свѣтомъ, переливались. Сегодня она была такъ остроумна, такъ тверда съ этимъ британцемъ, у котораго красный королевскій мундиръ виситъ, какъ на вѣшалкѣ, а нижняя челюсть похожа на лошадиную.

— Вотъ и я, съ поклономъ моимъ, — государыня запнулась, входя къ Ланскому.

Онъ сидѣлъ на постели верхомъ, онъ вырывался изъ рукъ камердинера, его обнаженная грудь въ багровыхъ пятнахъ, лицо закинуто кверху — онъ бредитъ.

— Запрягите тройку въ постель! Скорѣе, къ императрицѣ!.. Кони... Куда несешь, стой!.. Ваше величество, ваше вели... Каліостръ на козлахъ! Каліостро возница, Имперія подъ откосъ, — ваше вели...

Государыня такъ сжала руки, что хрустнули пальцы. Выпрямилась, залилась бѣлизной, отвердѣла, какъ мраморъ. Императрица Россійская стояла у постели генеральсъ-адъютанта. Обвела медленнымъ взглядомъ блестящую толпу.

— Я вижю, въ здоровьѣ Ланского новое ухудшеніе. Не будемъ тревожить его.

И медленно вышла...

Утреннимъ рапортомъ императрицу освѣдомили, что въ горячкѣ генеральсъ-адъютанта переломъ, что опасеній нѣтъ. О Ланскомъ всѣ говорили съ ободряющей улыбкой, дѣлая сочувственное лицо. Екатерина слушала, твердо сжавъ губы...

Императрицу просто обманывали. Уже отчаялись медики. Одинъ камердинеръ, наглый парень въ пудрѣ, ходилъ за умирающимъ. Тайкомъ по ночамъ

онъ мазалъ грудь Ланскому какой-то вонючей, бѣлой жидкостью изъ горшка, чтобы не примѣтила государыня черныхъ пятенъ на груди фаворита. По ночамъ камердинеръ насильно поилъ Ланского крѣпкимъ виномъ, чтобы больной къ разсвѣту, — какъ придти государынѣ, — забывался.

— У-у-у, — мычалъ, вертѣлъ головой Ланской. Онъ уже не могъ сказать — «не хочу».

— Пей, слышь, пей, — злобно шипѣлъ камердинеръ. — Доколѣ возжаться съ тобой. Говорятъ пей, уснешь...

И въ ночь на 25 іюня 1784 года генеральсъ-адъютантъ Ланской уснулъ навсегда.

Похоронили Генерала Красную Дѣвицу, по желанію его, въ Царскосельскомъ паркѣ у любимой императрициной тропинки, гдѣ еще пылали на высокихъ штамбахъ темнобагровыя бегоніи.

Государыня заперлась у себя въ покояхъ. Сенаторы сердито ворчали, что этакъ дѣламъ государства грозить можетъ разстройство.

Государыня съ одной всего камерфрау внезапно уѣхала въ недостроенный загородный дворецъ Пэллу.

Въ адмиралтейскихъ и военныхъ коллегіяхъ, въ сенатѣ, въ казенныхъ палатахъ замелькали смятенныя лица. Кое-кто хихикалъ въ обшлагъ, кое-кто шептался, что надобно ждать шведа, что на Уралѣ вновь зашевелился Пугачъ, который живехонекъ, — на Москвѣ не ему рубилъ палачъ голову, а бомбардирскому бѣглому солдату, принявшему имя его мятежное, страшное...

Императрица внезапно вернулась въ Санктпетербургъ. Она не выходила изъ эрмитажа. Личный ея секретарь говорилъ, что государыня принялась за диковинную работу: составленіе двухсотъязычнаго словаря. Тутъ кое - кто сталъ поговаривать, не помѣшалась ли императрица въ умѣ.

И только въ эти дни, черезъ двѣ недѣли по кончинѣ Ланского, императрица сѣла за первое письмо къ господину Гримму въ Парижѣ:

«Камеи и рѣзные камни больше мнѣ не нужны. Нѣтъ Ланского Я была счастлива и было мнѣ весело, и дни мои проходили такъ быстро, что я не знала, куда они дѣваются. Теперь моего счастія не стало. Я надѣялась, онъ будетъ опорой моей старости, онъ раздѣлялъ мои огорченія, радовался моими радостями. Словомъ, я имѣю несчастье писать вамъ рыдая, я не въ состояніи видѣть человѣческагн лица, чтобы не захлебнуться слезами »

А къ осени мраморная колонка надъ могилой Ланского была исчиркана похабными надписями и скверными ругательствами на фаворита. Государынѣ сказали, что могилу могутъ размыть дожди, что монументъ изъ дворцоваго парка лучше убрать. Императрица отвѣтила холодно:

— Хорошо, уберите. И безъ вашей лжи мнѣ вѣдомо, сколь опакощена могила бѣднаго Ланского

Въ осеннія сумерки, когда пожухлая трава шуршала подъ моросивомъ, голыя вѣтви влажно стучали на вѣтрѣ и стыли въ размытой глинѣ, налитые дождевой водой, слѣды копытъ и башмаковъ, — гробъ генеральсъ - адъютанта, безъ парад-

ныхъ церемоній, переносили изъ парка въ церковь Святой Софіи.

Капитанъ - командоръ фрегата «Не Тронь Меня», шотландецъ Крюйзъ, глаза котораго еще больше выцвѣли, а изрѣзанное морщинами лицо стало краснѣе и отъ вѣтровъ Балтики и отъ пунша, — былъ въ тотъ день въ Царскомъ Селѣ, съ морскими рапортами.

Крюйзъ встрѣтилъ похоронную процессію къ сумеркамъ, въ шумящемъ и мокромъ паркѣ.

Императрица въ собольей шубкѣ, крытой парчей, опираясь на янтарную трость, шла одна за деревяннымъ гробомъ, впереди толпы садовниковъ и кофешенковъ, державшихъ черныя треуголки въ рукахъ.

Вѣтеръ относилъ мокрыя пряди на открытый лобъ государыни.

— Что я вижу? — протянулъ тогда подъ носъ шотландецъ. — Наша belle - femme, наша неувядаемая, — превратилась въ морщинистую старуху

Вскорѣ оправдались и петербургскіе слухи о войнѣ, но не со шведомъ, не съ уральскимъ маркизомъ: турецкій султанъ повелѣлъ выставить на площадяхъ Царьграда бунчуки съ полумѣсяцемъ и конскими хвостами, объявляя своимъ сераскирамъ походъ на урусовъ

Поздней осенью, когда уже затянуты тонкимъ льдомъ Лебяжьи пруды, по ясной и холодной зарѣ доносится изъ Царскосельскихъ лагерей пѣніе солдатской молитвы:

Коль Славенъ
Нашъ Господь въ Сіонѣ

По вечерней зарѣ старая императрица проходитъ теперь заинѣлыми дорожками парка одна.

ЭПИТАФІЯ.

Какъ будто-бъ шли даромъ года.
Какъ будто случилось намедни
Все то, что случалось всегда.
Каролина Павлова.

За многими событіями никто въ Санктпетербургѣ не любопытствовалъ о той исторіи, которая случилась въ домѣ Елагина..

Канцлеръ и дворецкій, какъ сѣдыя няньки, ходили за баккалавромъ, сошедшимъ съ ума.

Безумный цѣлыми днями бѣгалъ по дому, размахивая руками, точно поражалъ кого-то шпагой. Иногда онъ утихалъ, игралъ на полу, какъ дитя, старыми масонскими книгами. Ночью, хохотъ безумнаго разносился по пустымъ покоямъ хохотомъ филина. Баккалавръ гонялся за бѣлымъ мѣсяцемъ, смотрѣвшимъ въ окна парадныхъ залъ. Старики связывали его безъ труда: Кривцовъ ослабѣлъ, его лицо стало прозрачнымъ и тонкимъ, какъ у хвораго отрока. Онъ только теребилъ канцлера за носъ, ужасно косясь на окно.

— Старичекъ, старичекъ, спаси Андрюшу,—Каліостро смотритъ въ окно, — старичекъ.

Дворецкій и канцлеръ вынимали накрахмаленные платки, утирали слезы и шумно сморкались.

Изъ записныхъ книжекъ и старыхъ писемъ баккалавра, канцлеръ развѣдалъ, что родная сестра Кривцова замужемъ за субалтернъ-офицеромъ

Изюмскаго гусарскаго полка. На Украину былъ посланъ къ госпожѣ субалтернъ-офицершѣ нарочный, чтобы не отложила прибытіемъ въ столицу къ несчастному братцу. А обрывки алхимическихъ вычисленій, обгорѣлые клочки записокъ, — слѣдъ волшебствъ Каліостровыхъ — канцлеръ въ запечатанномъ пакетѣ отослалъ брату Collovion'у, вольному типографщику Николаю Ивановичу Новикову, въ Москву

Африканъ, по утрамъ, обувалъ баккалавра, какъ дитятю, куталъ его худыя плечи въ синюю кацавею и расчесывалъ ему на простой русскій рядъ рыжіе волосы.

— Блаженененькій нашъ, — морщился отъ слезъ старый дворецкій.

Алхимическій свой подвалъ Елагинъ приказалъ засыпать землей. Окна верхняго этажа заколотили ставнями, а въ тѣхъ покояхъ, на антресоляхъ, гдѣ стоялъ заѣзжій графъ, дворецкій завелъ кладовую: висѣли тамъ грозди сѣдого чеснока и лука, были свалены въ углу садовыя мотыги, и лопаты, а на рогожѣ разсыпаны яблоки: антоновка, аркадъ, бѣлый наливъ.

Въ темной кладовой и засталъ однажды Африканъ безумнаго баккалавра. Онъ сидѣлъ подъ солнечнымъ лучемъ, проникавшимъ сквозь щель въ ставнѣ, перебиралъ яблоки.

— Африканушка, здравствуй . . .

— Пресвятая Богородица, никакъ въ умъ вошедши?

Но баккалавръ протянулъ ему румяное яблоко, улыбаясь безумно:

— Откушай, дѣдушко. То головка Никитушки Шершнева, братца мною убитаго. Видишь головушекъ сколько Убить, а живой... Я, дѣдушка, тебѣ правду сказывать буду: философскій то камень у меня въ груди спрятанъ. Тутъ.

— Батюшка, какъ есть въ безумствѣ ты обрѣтаешься, а я, дурандей, возликовалъ было... И какъ намъ, старикамъ увѣрить тебя, что Шершневъ вовсе живехонекъ, съ князь-Потемкинымъ воздравіи пребываетъ въ полуденныхъ предѣлахъ.

— Живехонекъ, Африканушка, вѣдаю Санта-Кроче камушекъ мнѣ такой подарила, который живитъ, живоносный.

— Пойдемъ-ка, батюшка, къ Ивану Перфильевичу: можетъ онъ тебя разберетъ.

Старый канцлеръ, бѣлоголовый, тощенькій, въ ветхомъ ватномъ халатикѣ, выслушалъ дворецкаго, поднявъ очки на лобъ. Ясные глаза канцлера потускли отъ слезъ. Оба старика шумно протрубили въ платки.

— Не даешь намъ надежды, Андрей, — прошепталъ канцлеръ.

Баккалавръ повелъ блѣдными глазами.

— Не извольте убиваться, сударь. Я узнаю васъ: вы тотъ веселой старичекъ, который на ретортѣ леталъ. Я вамъ, сударь, открыться пришелъ. Философскій камень у меня спрятанъ.

— Андрей, голубь кроткой, — оставь сердце мнѣ рушить. Нѣтъ и не бывало камени мудрости, а погубилъ я тебя.

— И что вы, сударь! — замахалъ руками баккалавръ. — У меня камень, вотъ тутъ, во грудяхъ.

Сіяетъ. Все сжегъ. Ежели латинскими литерами написать, будетъ тому камню первая буква — А, вторая — М,.

Взмахнулъ руками, крикнулъ:

— Амо..

И точно задохся. Завертѣлся въ безумной пляскѣ, палъ на паркетѣ, воя, исходя пѣной.

— Амо-амо-амо...

И долгихъ три дня въ домѣ канцлера, гдѣ наглухо забиты досками окна верхняго этажа, неумолкаемо рыдалъ его вой...

Канцлеръ да дворецкій шли за похоронными дрогами московскаго баккалавра: сестрица его не успѣла на перекладныхъ добраться въ столицу къ отпѣванью покойника.

На западной сторонѣ, у церкви во имя Божіей Матери, что на Смоленскомъ кладбищѣ, заботами Елагина былъ поставленъ гранитный саркофагъ. На мѣдномъ щитѣ искусные граверы вырѣзали масонскую лопатку, циркуль и надпись подъ ними:

«Московскаго Университета Баккалавръ
Андрей Степановичъ Кривцовъ
Почилъ 9 іюля 1784 года въ 3 часа пополуночи
Жизни ему было 23 года 5 мѣсяцевъ и 8 дней».

А подъ надписью Елагинъ приказалъ латинскими литерами вырѣзать то таинственное слово, съ которымъ умеръ несчастный кавалеръ Креста и Розы:

А М О

Канцлеръ и дворецкій, положивъ треуголки на костлявыя колѣни, часто сиживали на гранитной

скамьѣ у саркофага. Ветхія губы канцлера что - то шептали. У Африкана замѣтно тряслась голова. Вѣтеръ чуть шевелилъ обоимъ бѣлые волосы.

Изъ Туречины, съ Дуная былъ какъ - то посланъ курьеромъ въ Санктпетербургъ артиллерійскій капитанъ Никита Шершневъ, загрубѣлый отъ походовъ, бомбардировокъ и кутежей.

Шершневъ навѣстилъ баккалавра на Смоленскомъ кладбищѣ. Обошелъ кругомъ гранитный саркофагъ, хмуро посвисталъ,. потомъ снялъ шляпу.

Пусть колчанъ и лукъ изломанъ,
Опущéна тетева,
Факелъ хладомъ околдованъ,
Чуть струится синева. —

Нараспѣвъ прочелъ Шершневъ пришедшій на память стихъ Державина.

Мело шуршащій желтый листъ. Капитанъ закинулъ на плечо синюю епанчу и хмуро зашагалъ отъ могилы, поддавая листья тупоносымъ башмакомъ. Занятіе это разсѣяло его, онъ вспомнилъ и другіе стихи славнаго піиты:

Засыпали нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей,
Согрѣвать сатиры руки
Собирались вкругъ огней...

* * *

Мать за руку водила меня къ искрошенному отъ лѣтъ, дождей и вѣтровъ, заросшему крапивникомъ гранитному саркофагу, что на Смоленскомъ клад-

бищѣ, на западъ отъ церкви Богородицы. Мнѣ было тогда лѣтъ девять.

Мать указывала на темной мѣдной доскѣ тусклыя царапины буквъ:

— Тутъ спитъ твой прадѣдушка Кривцовъ... Буквы только не разобрать.

А семейное наше преданіе мать разсказала мнѣ много лѣтъ позже: сестра Андрея Кривцова, которой Елагинъ писалъ на Украину, была замужемъ за нашимъ прадѣдомъ.

Сестра Кривцова, а моя прабабка, Аграфена Степановна, вывезла съ собой изъ столицы тяжелую табакерку червоннаго золота. На верхней крышкѣ, подобно зимней зарѣ, переливался выпуклый перламутръ, а въ табакеркѣ лежалъ кусочекъ желтаго, яснаго золота. Табакерку подарилъ прабабкѣ моей канцлеръ Елагинъ, онъ же день за днемъ разсказалъ ей все, что случилось въ загородномъ домѣ на Крестовскомъ Острову.

Прабабка до самой смерти своей, въ 1839 году, увѣряла домашнихъ, что секретъ волшебного камня достался извѣстному мартинисту и розенкрейцеру Новикову, который, по выходѣ изъ Шлиссельбургскихъ казематовъ, уединился въ подмосковныхъ деревняхъ, чтобы добывать золото...

Много лѣтъ позже, въ какомъ - то историческомъ журналѣ наткнулся я на повтореніе старушечьяго вздора прабабки: въ сельцѣ Авдотьинѣ, помѣстьи Новикова, что Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда, окрестные мужики поколѣніями рыли землю вокругъ развалинъ барскаго дома. Поколѣнія мужиковъ искали тамъ кладовъ. И правда, находи-

ли иногда подъ фундаментомъ дома золотыя монеты. До самой революціи по окружнымъ деревнямъ ходилъ слухъ, что въ Авдотьинѣ жилъ при дѣдахъ нѣкій справедливый баринъ, который умѣлъ добывать золото изъ огородной моркови.

Конечно, все это вздоръ: нашей ли варварской Россіи знать тайну философскаго камня?

Но вотъ Каліострову табакерку я помню, хотя кусокъ золота исчезъ изъ нея, когда была еще въ живыхъ прабабка.

Въ 1918 году, въ Санктпетербургѣ, въ Сѣверной Коммунѣ, я заболѣлъ цынгой отъ голода и нужды и старьевщикъ на Александровской толкучкѣ далъ мнѣ изъ подъ полы за нашу червонную табакерку — по старому императорскому счету — 57 цѣлковыхъ.

А сюда, на задній дворъ берлинскаго дома, гдѣ я живу уже четвертый годъ эмигрантомъ, удалось мнѣ вывезти въ затрепанномъ чемоданѣ миніатюру, старинный портретъ на эмали прадѣда моего Андрея Кривцова. Баккалавръ завалился какъ-то подъ холщевую подкладку и покоился тамъ съ 1918 года, когда чемоданъ началъ путешествовать со мною по бѣлымъ фронтамъ отъ побѣдъ къ пораженіямъ, пораженіямъ, пораженіямъ — до самаго Константинополя...

Имя и званіе прадѣда тщательно выведено выцвѣлыми, табачнаго цвѣта чернилами на оборотѣ портрета. Миніатюра также была подарена прабабкѣ Елагинымъ.

Баккалавръ стоитъ у меня на столѣ, рядомъ съ чернильницей. Рождество 1924 года было въ Бер-

линѣ съ дождемъ, мокрое и туманное. За стеклами, надъ каменнымъ дворовымъ сараемъ, тягостно качались голыя вѣтви.

Я не могъ совладать съ жестокой, собачьей тоской, сказалъ друзьямъ, что занятъ, заперся . . .

И не знаю, сколько ночей провелъ я въ тихихъ бесѣдахъ съ портретомъ. Баккалавръ изображенъ въ овалѣ: худое лицо повернуто въ полъ-оборота, голубой кафтанъ съ желтыми лацканами, рыжеватыя букли, а полинявшіе синіе глаза смотрятъ кротко.

— Вы могли бы мнѣ разсказать, милый прадѣдушка, о всѣхъ этихъ чудесныхъ и таинственныхъ вещахъ, о Каліостро и непонятномъ «Амо», которое, вѣроятно уже стерлось на Петербургскомъ кладбищѣ . . .

И увидѣлъ я тутъ, что крошечный кавалеръ въ голубомъ кафтанѣ, съ рыжей косицей, сидитъ на моей чернильницѣ.

— Конечно, я могу разсказать вамъ, но страшусь, что исторія будетъ докучлива . .

Я его ободрилъ, наскоро сталъ записывать. Многихъ старинныхъ словъ я не понималъ — какъ понять и вспомнить ихъ на чужбинѣ? — Я замѣнялъ ихъ своими. Я спорилъ съ прадѣдомъ, говорилъ ему, что критики меня заѣдятъ, что надобно обязательно «выдержать стиль 18-го вѣка», что прадѣдъ невозможно обращается съ историческими фактами, что у него эта нѣмка Екатерина, этотъ фаворитъ Ланской просто ни на что не похожи, что его Каліостро подъ конецъ философствуетъ на самый скучнѣйшій манеръ.

— А ты слушай меня, да пиши, — отвѣчалъ прадѣдъ.

Крошечный кавалеръ запросто ходилъ по моему столу, сбивалъ на полъ бумаги, задѣвалъ маленькой шпагой пепельницу. Онъ присаживался на раскрытую коробку съ папиросами. Я курю — нѣмецкія: онѣ дурны безъ сомнѣнія. И прадѣдъ очень сердился, что я курю горѣлое сѣно.

И никакъ не вѣрилъ онъ мнѣ, что Россійской Имперіи, Восьмого Капитула Державъ Масонскихъ, больше нѣтъ и въ поминѣ. Тогда, съ горечью и гнѣвными слезами я разсказалъ ему все...

Лицо милаго гостя замигало, потускнѣло, послышался тонкій крикъ:

— Каліостръ, Каліостръ!

Я взглянулъ на чернильницу, а прадѣда тамъ нѣтъ, посмотрѣлъ на портретъ, опустѣвшій за эти ночи, а портретъ на моихъ глазахъ закачался, опрокинулся, и со стола объ полъ — щелкъ.

Мнѣ только осталось подбирать осколки эмали.

— Что васъ потрясло, прадѣдъ, что испугало? Не Каліостро ли, у котораго тысячи темныхъ шаманскихъ прозвищъ? Прошу прощенія вашего, но подобнаго малодушія я не ждалъ. Вѣдь Елагинъ далъ вамъ въ свое время вѣрный совѣтъ: держи сердце веселымъ и чистымъ выше всѣхъ комедій земли.. Что бы вамъ посмѣяться надъ Каліостро, а вы избрали трагическую роль. И если вѣрно, что исторія человѣчества есть глупая исторія обманщика Каліостро, — что же, это еще смѣшнѣе, еще...

Окна на заднемъ берлинскомъ дворѣ плачутъ дождемъ.

Вѣтеръ гоняетъ холодный дымъ надъ каменнымъ сараемъ...

Подумаешь, — какая трагедія, — и задній дворъ, и дождь, и вѣтеръ.

А все равно — философскій камень у насъ! Черный пугало Каліостро, великій и несчастный обманщикъ, никогда его не отыщетъ...

Вы, прадѣдъ, напрасно прыгали со стола. Вѣдь сами же вы и нашли камень мудрости. И право, посмѣялись бы вы въ ту зловѣщую ночь, когда Калістро путалъ васъ, издѣвался надъ вами, игралъ вашей шпагой, — посмѣялись бы вы надъ нимъ также полно и свѣтло, какъ смѣялись тогда, — помните на зарѣ, — свѣсивъ въ окно вашу рыжую голову.

Теперь мы умѣемъ смѣяться надъ обманами.

А камень мудрости, философскій камень, — ему имя любовь, — мы сбережемъ всюду, и на заднихъ берлинскихъ дворахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.